

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1891.

№ 19.

ОКТЯБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Поворосійскаго Унивверситета <i>В. Надлера</i>	367—390
Безбожіе, его виды, признани и представители (продолженіе). Профессора Московской Духовной Академіи <i>Александра Бяляева</i>	391—413
Историческія данныя для опредѣленія хронологіи евангельскихъ событій (окончаніе). <i>Н. Н.</i>	414—428
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:	
Философія нашего времени. Профессора Кіевской Духовной Академіи <i>П. Линицкаго</i>	287—304
Основные гносеологическіе принципы послѣ-кантовской философіи. Очеркъ историко-критическій. <i>А. Введенскаго</i>	305—326
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Постановленія Съѣзда духовенства Харьковскаго Училищнаго Округа.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1891.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входятъ все, относящееся до богословія въ общирномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человека и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени» на Екатеринославской улицѣ, въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул. и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Сидовая ул., Гостиный Дворъ, № 45 и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

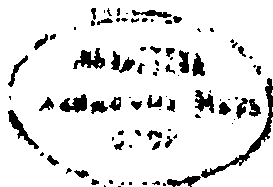
Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Пісци вооѣмен.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Октября 1891 года.
Цензоръ, Протоіерей Т. Павловъ.

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I
И
ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

13-го сентября 1814 г., древняя столица Габсбурговъ готовилась къ торжественному приему высокихъ гостей. Въ этотъ день должны были вступить въ Вѣну монархи Россіи и Пруссіи, настоящіе побѣдители Наполеона и умиротворители Европы. Конгрессъ еще не былъ открытъ ¹⁾, но Вѣна была уже переполнена знатными и не знатными гостями, стекшимися въ нее со всѣхъ концовъ цивилизованнаго міра.

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1891 г. № 18.

1) Говоря о Вѣнскомъ конгрессѣ, мы, согласно общему плану нашей работы, не намѣрены писать подробной дипломатической исторіи этого достопамятнаго собранія. Мы не думаемъ также останавливаться на внѣшней исторіи конгресса, давать подробную характеристику общественной и салонной жизни, развернувшейся тогда въ Вѣнѣ во всемъ своемъ блескѣ. Всякая попытка нарисовать хотя въ общихъ чертахъ ту или другую сторону картины завела бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей главной цѣли. Мы воснемся Вѣнскаго конгресса, его совѣщаній и его блестящей, шумной обстановки, лишь на столько, на сколько они могутъ характеризовать тогдашнее настроеніе императора Александра, его политическіе планы и стремленія и въ особенности его религіозно-нравственное развитіе. Мы увидимъ, что религіозно-мистическое настроеніе, обнаружившееся такъ ясно и такъ своеобразно во время послѣдняго пребыванія Александра въ Баденѣ, не только не заглохло въ Вѣнѣ подъ вліяніемъ шумной политической дѣятельности и суетливой свѣтской жизни, но усилилось и окрѣпло еще болѣе. Если гдѣ либо, то именно, въ Вѣнѣ, Александръ могъ убѣдиться еще разъ, какъ въ ненадежно-

Крупные и мелкие вѣмецкіе князья, креатуры и бывшіе вассалы Наполеона, одни изъ первыхъ поспѣшили на конгрессъ, отлично сознавая, что здѣсь будетъ рѣшена окончательно ихъ участь. Одновременно съ ними потянулись въ Вѣну бывшіе самостоятельные князья, графы и бароны священной Римской имперіи, сметенные съ своихъ миниатюрныхъ престоловъ сокрушительнымъ потокомъ революціи, или прогнанные державною волею падшаго властелина Франціи и Европы. Изъ коронованныхъ особъ первыми прибыли въ Вѣну: извѣстный Виртембергскій тиранъ, король Фридрихъ, поражавшій всѣхъ своею колоссальною фігурою и необъятною толщиною, и король Датскій, по имени также Фридрихъ, чело-вѣкъ невзрачной, хотя и въ высшей степени оригинальной наружности, подвижной, остроумный и благороднаго характера. Вмѣстѣ съ королемъ Виртембергскимъ пріѣхалъ въ Вѣну и его старшій сынъ, кронъ-принцъ Вильгельмъ, предста-

сти отношеній, повидному, самыхъ прочныхъ и солидныхъ, такъ и въ суетности и тщетѣ всѣхъ человѣческихъ стремленій и расчетовъ. Новыя разочарованія, постигшія его именно вслѣдствіе его благородной, высокой натуры, новыя тяжелыя испытанія, обрушившіяся на него совершенно внезапно, раскрыли его сердце еще болѣе тѣмъ внушеніямъ, которыя шли къ нему изъ лагеря мистиковъ хилистовъ и подготовляли его совершенное и вѣчное нравственное перерожденіе.

Материалами и пособіями въ этомъ отдѣлѣ нашего труда намъ будутъ служить слѣдующія изданія: «Мемуары и корреспонденція князя Меттерниха», изданныя въ недавнее время; «Дневники и политическая корреспонденція Генца, въ особенности же его переписка съ Дунайскими государями»; «Жизнь и переписка князя А. К. Разумовскаго, изданная кн. Васильчиковымъ»; «Письма Н. М. Лонгинова къ графу С. Р. Воронцову, помѣщенные въ 23-й книгъ архива кн. Воронцова»; «Жизнь барона Штейна, Перца, томъ 4-й»; Pallain, Correspondance inédite du prince de Talleyrand avec le roi Louis XVIII (источникъ, изданный въ самое недавнее время и имѣющій особенно важное значеніе для тайной дипломатической исторіи конгресса); «Мемуары князя Гарденберга», изданныя Л. ф. Ранке; «Жизнь Вильгельма ф. Гумбольдта, Гойма; Дубровинъ, отечественная война въ письмахъ современниковъ (г. 1812—1815 г.); Бернгарди, Исторія Россіи, томъ I (посвященъ почти исключительно Вѣнскому конгрессу); Письма и депеши графа Каподистрия; Дипломатическая переписка лорда Кестльри и герцога Веллингтона; Богдановичъ, царствованіе императора Александра I, томъ V; Thiers, Histoire du consulat et de l'empire, T. XVIII-й (посвященъ исключительно Вѣнскому конгрессу); Comte d'Angeberg, Le congrès de Vienne 2 тома, (самая подробная и документальная исторія Вѣнскихъ совѣщаній); Comte de la garde, Fetes et souvenirs du congrès de Vienne (3 тома). Мемуары гр. Эдлингъ, біографія m-me Криденеръ, Эйнара и многія другія, на которыя будетъ указано въ своемъ мѣстѣ.

влявшій во всѣхъ отношеніяхъ полный контрастъ своему отцу. Молодой, изящный и талантливый принцъ на столько-же ненавидѣлъ Наполеона, на сколько преклонялся передъ нимъ его отецъ. Онъ примкнулъ къ коалиціи душою и тѣломъ и принялъ самое дѣятельное участіе въ послѣдней борьбѣ съ Наполеономъ. Своимъ благороднымъ образомъ мыслей, своими рыцарскими качествами и своими несомнѣнными военными талантами, кронъ-принцъ Вильгельмъ не только заслужилъ расположеніе императора Александра, но сдѣлался въ короткое время однимъ изъ любимцевъ, можно сказать, даже друзей государя. Вильгельмъ прибылъ въ Вѣну съ цѣлями чисто личными, не имѣвшими ничего общаго съ вопросами высшей политики. Увлеченный красотою, умомъ и высокими душевными качествами сестры Александра, великой герцогини Ольденбургской Екатерины Павловны, кронъ-принцъ горѣлъ желаніемъ вступить съ нею въ бракъ. Онъ зналъ, что герцогиня прибудетъ въ Вѣну одновременно съ своимъ царственнымъ братомъ, и единственно это обстоятельство побудило его сопровождать на конгрессъ своего отца. Король Баварскій, Максимилианъ, супругъ родной сестры императрицы Елисаветы Алексѣевны, одинъ изъ вѣрнѣйшихъ вассаловъ Наполеона, сдумавшій, однакоже, во время разорвать свои связи съ властелиномъ Франціи и тѣмъ самымъ упрочить свое выдающееся политическое положеніе въ южной Германіи, прибылъ на конгрессъ съ чисто политическими цѣлями. Руководимый своимъ ловкимъ министромъ, Монжеласомъ и подстрекаемый своимъ воинственнымъ и хвастливымъ фельд-маршаломъ Вреде, Максимилианъ пріѣхалъ въ Вѣну, чтобы поддерживать своимъ личнымъ авторитетомъ политическое положеніе Баваріи и противодѣйствовать всѣми силами и средствами властолюбивымъ замысламъ и стремленіямъ Пруссіи. Вокругъ этихъ важнѣйшихъ представителей нѣмецкаго партикуляризма группировались и всѣ остальные германскіе князья, бывшіе члены Рейнскаго союза, создавшіе свое положеніе на счетъ своихъ собратій, низложенныхъ Наполеономъ... Понятно, что всѣ эти господа относились съ крайнимъ недоувѣріемъ и ненавистью къ Пруссіи, что они смот-

рѣли также съ большимъ недовѣріемъ и на императора Александра, какъ на личнаго друга короля Фридриха-Вильгельма и барона Штейна. Одни изъ нихъ поспѣшили на конгрессъ лично, другіе прислали своихъ уполномоченныхъ и агентовъ.

Совершенно въ сторонѣ отъ этой клики, равно какъ и отъ толпы медіатизированныхъ князей, графовъ и бароновъ священной римской имперіи, мечтавшихъ возвратить въ Вѣнѣ свои старыя права и владѣнія, стояли два члена царственныхъ династій, бывший Италійскій вице-король, принцъ Евгений Богарне, и принцъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій, генераль-майоръ русской службы, впоследствии король Бельгійцевъ. Принцъ Евгений привлекалъ къ себѣ общія симпатіи своимъ благороднымъ рыцарскимъ характеромъ и своею несчастною судьбою ¹⁾; тогда какъ принцъ Леопольдъ обращалъ на себя вниманіе своими выдающимися политическими дарованіями. Оба принца находились въ близкихъ отношеніяхъ къ императору Александру, но уже въ силу своего положенія они не могли играть на конгрессѣ никакой выдающейся роли.

Одновременно съ государями начали стекаться въ Вѣну представители какъ великихъ, такъ и второстепенныхъ европейскихъ государствъ. Великобританское посольство состояло изъ хорошо извѣстныхъ уже намъ членовъ торійской партіи, заправлявшихъ тогда какъ внѣшнею, такъ и внутреннею политикою Англіи. Во главѣ его стоялъ лордъ Кестльри, его помощниками являлись лордъ Кланкарти, лордъ Каткартъ и лордъ Стюартъ. Всѣ эти благородные лорды могли вполне поддержать на конгрессѣ внѣшнее достоинство Великобританіи, такъ какъ всѣ они располагали громадными матеріальными средствами, но въ дипломатическомъ искусствѣ ни одинъ изъ нихъ не могъ соперничать съ выдающимися представи-

¹⁾ Евгений Богарне не былъ человѣкомъ великимъ, или даже блестящимъ, но онъ былъ человѣкомъ честнымъ, а это значило много въ той шайкѣ негодяевъ и вискочекъ, которые окружали Наполеона. Для личной характеристики Евгения имѣютъ большое значеніе мѣста, относящіяся къ нему въ мемуарахъ графини Элинъ (Стурдзы). См. въ особенности стр. 156—158; 159—161; 190—197.

телями другихъ европейскихъ державъ ¹⁾). Великобританская миссія въ Вѣнѣ очевидно нуждалась въ болѣе выдающихся талантахъ, а потому и неудивительно, что на ряду съ первыми представителями С. Джемскаго кабинета въ Вѣнѣ началъ играть вскорѣ одну изъ первыхъ ролей, извѣстный нѣмецкій аристократъ, графъ Мюнстеръ, явившійся представителемъ Георга III, какъ короля Ганноверскаго. Графъ Мюнстеръ былъ, безъ сомнѣнія, человѣкъ талантливый и въ своемъ родѣ германскій патриотъ, но его патриотизмъ носилъ на себѣ своеобразный партикуляристическій оттѣнокъ. Мюнстеръ былъ прежде всего Ганноверецъ, династическіе интересы Вельфовъ стояли для него на первомъ планѣ; ради этихъ интересовъ онъ относился враждебно къ Пруссіи и являлся ревностнымъ сторонникомъ Англійскаго вліянія въ Германіи ²⁾).

Особенно удачно составлено было французское посольство. Во главѣ его стоялъ первый дипломатъ въ мірѣ, Талейранъ, этотъ величайшій мастеръ въ интригѣ. Бывшій епископъ, а затѣмъ принцъ Беневентскій, главнѣйшій виновникъ Бурбонской реставраціи, явился теперь въ Вѣну въ качествѣ князя Талейрана, перваго полномочнаго министра, созданнаго имъ самимъ Бурбонскаго величества ³⁾. Талейранъ прекрасно сознавалъ всю громадную трудность принятой имъ на себя миссіи. Онъ зналъ, что ему придется выступить на конгрессѣ въ качествѣ представителя побѣжденной Франціи, онъ могъ опасаться, что ему придется стать лицомъ къ лицу съ предста-

1) Что лордъ Кестльри былъ человѣкъ въ высшей степени безтактный и крайне непослѣдовательный, чтобы не сказать бездарный, это доказалъ онъ уже всѣми своими дѣйствіями во время войны. На Вѣнскомъ конгрессѣ онъ игралъ роль крайне незавидную, являясь простою пѣшкой въ рукахъ такихъ интригановъ, какъ Талейранъ и Меттернихъ. Лордъ Стюартъ, родной братъ Кестльри, былъ воплощенное ничтожество, надъ которымъ открыто потѣшалось все высшее Вѣнское общество. Лордъ Кланкарти и Каткартъ были люди, ничѣмъ не выдававшіеся.

2) О Мюнстерѣ и его отношеніяхъ къ Штейну, см. Церцъ, Stein's Leben, Т. 3 и 4.

3) Вся дѣятельность Талейрана на конгрессѣ рисуется вполне ясно и отчетливо въ его тайной перепискѣ съ Людовикомъ XVIII; въ сравненіи съ этою документальною перепискою теряютъ значеніе всѣ остальные источники.

вятелями Шомонскаго союза и удовлетвориться ролью вполнѣ второстепенною. Но Талейранъ былъ совершенно далекъ отъ всѣхъ подобныхъ опасеній. Его надежды на успѣхъ основывались не только на его личныхъ качествахъ, но и на тонкомъ знаніи международныхъ отношеній. Талейранъ зналъ, что между бывшими союзниками господствовала въ это время глубокая внутренняя рознь, что всѣ они шли на конгрессъ съ цѣлями чисто эгоистическими и противоположными. Ему было также хорошо извѣстно, что всѣ второстепенныя и третьестепенныя европейскія государства относятся съ недоувѣріемъ и враждою къ великимъ державамъ, что всѣ они готовы будутъ сгруппироваться вокругъ Франціи въ томъ случаѣ, если ея представитель отважится выступить въ роли ихъ покровителя и защитника. У Талейрана никогда не было недостатка въ смѣлости, а теперь его отвага была тѣмъ сильнѣе, что онъ явился въ Вѣну съ такимъ оружіемъ, которое должно было доставить ему сразу совершенно выдающееся и неодолимое положеніе. Онъ рѣшился выступить поборникомъ принципа легитимнаго, божественнаго права и противопоставить его тому праву сильнаго, которое рухнуло въ лицѣ Наполеона, но преемниками котораго очевидно считали себя теперь союзныя державы, собиравшіяся рѣшать на конгрессѣ судьбу монарховъ и народовъ, руководясь при этомъ исключительно одними эгоистическими интересами и соображеніями. Отправляясь въ Вѣну, Талейранъ избралъ себѣ искуснаго и опытнаго помощника въ лицѣ герцога Дальберга, знатнаго нѣмецкаго аристократа, но по образу мыслей и характеру настоящаго француза ¹⁾. Его сопровождали кромѣ того и другіе дипломаты и кавалеры, въ числѣ коихъ особенно выдавался

¹⁾ Понятно, что къ Дальбергу, какъ перебѣжчику и измѣннику, относились съ презрѣніемъ не одни только германскіе патриоты, но и честные люди всѣхъ національностей безъ различія. Когда бывшій императорскій рыцарь, а затѣмъ французскій герцогъ и министръ заявилъ о желаніи своемъ сдѣлать визитъ Штейну, то баронъ приказалъ ему сказать: «Если герцогъ явится въ качествѣ французскаго посла, то онъ будетъ принятъ; если же онъ придетъ какъ г-нъ фонъ Дальбергъ, то я прикажу сбросить его съ лѣстницы». См. Перцъ, Stein's Leben, T. IV, стр. 114.

графъ де-ла Туръ-дю-Пепъ. Князь позаботился и о другой сторонѣ предстоявшей ему вѣнской жизни. Въ противоположность другимъ недалновиднымъ дипломатамъ, рассчитывавшимъ на скорое теченіе дѣлъ ¹⁾, Талейранъ зналъ, что совѣщанія конгресса затянутся на продолжительное время, что важнѣйшіе вопросы будутъ рѣшаться не на официальныхъ соображеніяхъ дипломатовъ, а въ частныхъ, интимныхъ совѣщаніяхъ монарховъ и ихъ приближенныхъ лицъ, среди шума и свѣтской суеты салона. Князь ни мало не сомнѣвался, что салонная жизнь будетъ стоять въ Вѣнѣ на первомъ планѣ и что одна изъ первыхъ ролей въ этой жизни будетъ принадлежать знатнымъ и красивымъ дамамъ. И вотъ, Талейранъ хлопочетъ заблаговременно объ организаціи своего вѣнскаго салона. Онъ не жалѣетъ на это дѣло ни какихъ издержекъ. Хозяйкою его салона должна была явиться жена его племянника и наслѣдника, герцога Эдмунда Перигоръ-Талейрана, герцогиня Доротея. Она была дочь послѣдняго герцога Курляндскаго—Петра и внучка знаменитаго Бирона. «Она играла свою роль, замѣчаетъ современникъ очевидецъ, съ неподражаемою граціею. Ея блестящій умъ, казалось, былъ созданъ для того, чтобы умѣрять время отъ времени тяжесть дипломатическихъ разговоровъ, господствовавшихъ въ салонѣ Талейрана ²⁾».

Представитель Франціи прибылъ въ Вѣну въ полной увѣренности, что именно онъ, а не кто либо другой, будетъ играть первую роль на предстоящемъ конгрессѣ. И въ самомъ дѣлѣ, кто изъ европейскихъ дипломатовъ могъ явиться на конгрессѣ достойнымъ и равносильнымъ противникомъ Талейрана? Не говоря уже объ Англійскихъ представителяхъ, не имѣвшихъ достаточныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ на

1) Такого мнѣнія были, между прочимъ, и многіе русскіе дипломаты. Самъ императоръ Александръ, относившійся съ слишкомъ большимъ довѣріемъ къ своимъ союзникамъ, полагалъ, что совѣщанія конгресса должны окончиться въ короткое время, въ какихъ нибудь три недѣли.

2) См. Comte A. de la garde, Fetes et souvenirs du congrès de Vienne T. I, стр. 116. Графъ, какъ настоящій французъ и свѣтскій кавалеръ, могъ оцѣнить, разумѣется, лучше кого либо другого, подобныя качества дамъ высшаго круга.

Европейскомъ континентѣ, не отличавшихся ни послѣдовательностію, ни энергіею и терявшихъ на каждомъ шагу вслѣдствіе отсутствія такта и свѣтскаго лоска, и представители другихъ великихъ державъ ни коимъ образомъ не могли бороться успѣшно съ Талейраномъ. Главнымъ представителемъ Австріи на конгрессѣ являлся, разумѣется, имперскій канцлеръ, князь Меттернихъ, человекъ безспорно ловкій, свѣтскій, но и только. Самъ Меттернихъ считалъ себя, правда, величайшимъ дипломатомъ въ мірѣ, но въ дѣйствительности онъ былъ лишь лжецемъ и фанфарономъ ¹⁾. Отличаясь невѣроятнымъ самоувѣреніемъ, приписывая себѣ успѣхи и результаты, достигнутые другими лицами, Меттернихъ отличался въ то же время необычайнымъ легкомысліемъ. Преданный такъ называемымъ удовольствіямъ жизни, поглощенный всецѣло самыми пустыми свѣтскими развлеченіями, австрійскій канцлеръ занимался серіозными дѣлами лишь мимоходомъ и урывками. Онъ рѣшительно не могъ и не хотѣлъ думать о завтрашнемъ днѣ; поглощенный всецѣло интересами минуты и при томъ интересами мелочными, онъ полагался въ дѣлахъ исключительно на свою изворотливость и умѣнье лгать. Неожиданные и незаслуженные успѣхи послѣдняго времени вскружили окончательно его голову. Онъ серьезно началъ считать себя вершителемъ судебъ міра и виновникомъ величайшихъ событій. Онъ ни на минуту не сомнѣвался, что ему удастся присвоить себѣ руководство всѣми дѣлами; да, по правдѣ сказать, онъ не ломалъ себѣ особенно голову этими дѣлами и воображалъ не на шутку, что случай и лов-

¹⁾ Источникомъ для описанія дѣятельности Меттерниха на конгрессѣ отнюдь не могутъ служить его мемуары, изданные его внукомъ. Дѣло въ томъ, что въ составъ этого изданія вошли лишь такіе документы, которые, по мнѣнію издателей, отнюдь не могли омрачить славы ихъ предка (1). Цѣль эта не была, однакоже, достигнута вполне, такъ какъ все, что вышло изъ подъ пера Меттерниха было пропитано ложью, самохвальствомъ и клеветою. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочесть ту главу мемуаровъ, которая посвящена характеристикѣ Александра и его личнымъ отношеніямъ къ Меттерниху. Впрочемъ, значеніе Меттерниха характеризуется лучше всего его дѣлами и тѣми презрительными отзывами, которые давали о немъ люди такихъ противоположныхъ лагерей и нравственныхъ свойствъ, какъ Талейранъ и Штейнь.

кость въ интригѣ помогутъ ему въ концѣ одурачить всѣхъ противниковъ и выйти побѣдителемъ изъ великаго дипломатическаго состязанія. «Легкомысліе Меттерниха», замѣчаетъ Штейнъ¹⁾, «ни мало не уменьшилось среди небывалаго кризиса, въ виду столькихъ неразрѣшенныхъ жизненныхъ вопросовъ: онъ по прежнему занимается устройствомъ всѣхъ придворныхъ праздниковъ, живыхъ картинъ, слѣдить за всѣми танцами своихъ дочерей, и въ то время, когда его нетерпѣливо ждутъ на конференцію Кастльри или Гумбольдтъ, занимается наругиваніемъ дамъ, выступающихъ на сцену. Меттернихъ уменъ, ловокъ, любезенъ, но въ немъ нѣтъ глубины, нѣтъ серіозныхъ познаній, нѣтъ привычки къ труду, а главное нѣтъ правды»²⁾.

Помощники, избранные Меттернихомъ для предстоящей работы на конгрессѣ, ни коимъ образомъ не могли возмѣстить недостатковъ своего патрона. Помощниковъ этихъ было два, баронъ Вессенбергъ и хорошо извѣстный намъ Ф. фонъ Генцъ. Оба они были люди умные, а Генцъ отличался даже широкими и солидными познаніями, но ни у того, ни у другого не было самостоятельности, не было твердыхъ политическихъ убѣжденій, а было лишь одно желаніе угодить во что бы то ни стало своему повелителю. Къ тому же роль Вессенберга и Генца была чисто второстепенная и ни коимъ образомъ не могла сказаться на общемъ ходѣ вѣнскихъ совѣщаній.

Представителями Пруссіи на конгрессѣ явились два человека, пользовавшіеся громкою репутаціею въ дипломатическомъ мірѣ, но едвали способные вести борьбу съ такими

1) См. Перцъ, Steins Leben, T. IV, стр. 257—58.

2) Подобнаго же мнѣнія о Меттернихѣ былъ и Талейранъ. «Большимъ несчастіемъ слѣдуетъ считать», писалъ онъ королю Людовику въ своемъ донесеніи отъ 17 сентября, «что тотъ, кто въ Австріи поставленъ во главѣ всего, и при этомъ еще мечтаетъ руководить судьбами Европы, считаетъ неоспоримымъ доказательствомъ своего генія легкомысліе, доходящее иногда до комизма, но составляющее для министра великой державы и при теперешнихъ обстоятельствахъ несчастіе». См. Pallain, Переписка Талейрана съ Людовикомъ XVIII, нѣмецкое изданіе, № 2, стр. 7—8.

людьми, какъ Талейранъ и даже Меттернихъ. Первый уполномоченный Пруссіи, государственный канцлеръ, князь Гарденбергъ ¹⁾ никогда не отличался ни глубиною своихъ взглядовъ, ни послѣдовательностью въ своихъ дѣйствіяхъ, ни стойкостью и мужествомъ, столь необходимыми государственному человѣку. По образу мыслей, онъ былъ человѣкъ новаго времени и либераль, но, поставленный во главѣ управленія Прусскаго государства, онъ не сумѣлъ довести до конца ни одной изъ великихъ реформъ, начатыхъ Штейномъ. Во внѣшней политикѣ, какъ и во внутренней, онъ отличался крайнею непослѣдовательностью и слабостью, доходившею нерѣдко до трусости. Онъ никогда не сумѣлъ настоять на своемъ мнѣніи, легко поддавался чуждымъ вліяніямъ и отступалъ въ недоумѣніи передъ упорствомъ, или неожиданнымъ нападеніемъ противника. Несчастный физическій недостатокъ, глухота, крайне мѣшала ему на конференціяхъ и ставила его нерѣдко въ неловкое и двусмысленное положеніе. Король Фридрихъ-Вильгельмъ хорошо понималъ недостатки своего канцлера, а потому придавалъ ему на помощь въ качествѣ второго уполномоченнаго, барона ф. Гумбольдта. Вильгельмъ ф. Гумбольдтъ былъ прежде всего ученый и идеалистъ. У него не было и тѣни того легкомыслія, которымъ проникнуты были почти всѣ его товарищи по профессіи. Онъ не былъ дипломатомъ по призванію, всѣ его симпатіи влекли его къ тихимъ литературнымъ занятіямъ и ученымъ трудамъ; но проникнутый до мозга костей чувствомъ долга, онъ предался въ Вѣнѣ всецѣло политической дѣятельности. Онъ работалъ неустанно, его невозможно было встрѣтить ни на балахъ, ни на прогулкахъ, но за то онъ не пропустилъ ни одного изъ многочисленныхъ засѣданій конгресса и еще болѣе многочисленныхъ совѣщаній представителей великихъ европейскихъ державъ. Съ рѣдкимъ самоотверженіемъ старался онъ исправить ошибки и промахи своего канцлера. Всегда готовый къ бою, онъ никогда не затруднялся въ от-

¹⁾ Для характеристика Гарденберга особенное значеніе имѣютъ его мемуары, изданные Л. ф. Ранке.

нилъ по достоинству легкомысліе и коварство Меттерниха и по мѣрѣ силъ своихъ пытался отстоять въ борьбѣ съ нимъ достоинство своего государя и интересы Россіи ¹⁾.

Борьба, къ сожалѣнію, была неравная. Разумовскій не обладалъ главнымъ орудіемъ своихъ противниковъ, искусствомъ въ интригѣ и не находилъ себѣ достаточной поддержки у своихъ товарищей. Къ тому же главная роль на конгрессѣ, по крайней мѣрѣ, въ началѣ его совѣщаній, принадлежала не престарѣлому Разумовскому, а графу Нессельроде. Нессельроде былъ прежде всего не русскій ²⁾. Чуждый Россіи, по происхожденію, по воспитанію, по языку, баловень счастья и человѣкъ случая, онъ не понималъ настоящихъ интересовъ Россіи и не въ состояніи былъ принимать ихъ къ сердцу. Осторожный до боязливости, какъ въ своихъ частныхъ, такъ и въ государственныхъ дѣлахъ, отличный хозяинъ, человѣкъ вполнѣ свѣтскій, живой, веселый, онъ не обладалъ, однакоже, ни достаточными свѣдѣніями, ни самостоятельностью характера, ни ловкостью настоящаго дипломата. Его честность была весьма сомнительнаго свойства. Онъ находилъ вполнѣ совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ принимать денежные подарки отъ иностранныхъ дворовъ ³⁾, и основаніемъ его весьма значительнаго состоянія послужили тѣ 500 тысячъ рублей, которые получилъ онъ во время Вѣнскаго конгресса, за различныя услуги, оказанныя имъ, разумѣется, не Россіи и не русскимъ интересамъ. Какъ въ этомъ,

¹⁾ Для характеристики графа Разумовскаго и Нессельроде вполнѣ достаточна слѣдующая черта, сообщаемая Штейномъ: Разумовскій и Каподистрія, отправляясь по важному дипломатическому дѣлу въ Меттерниху, столкнулись нечаянно съ Нессельроде, тихонько пробиравшимся по лѣстницѣ дома австрійскаго канцлера. «Ого, господинъ графъ!» крикнулъ ему Разумовскій, опуская руку на его плечо. Вы ведете, кажется, переговоры изъ-подтишка; вернитесь, пойдете съ нами на верхъ, помогайте намъ въ бою». Перцъ, *Stein's Leben*, стр. 278.

²⁾ О Нессельроде см. Богдановичъ, Александръ I, т. V, стр. 5 и слѣдующія; Васильчиковъ, Семейство Разумовскихъ, т. IV, 7. 2, гл. о Вѣнскомъ конгрессѣ, а также Перцъ *Stein's Leben*, т. 4.

³⁾ Справедливость требуетъ замѣтить, что взглядъ на подобные подарки былъ тогда нѣсколько иной, нежели въ настоящее время, хотя в тогдa люди дѣйствительно честные возмущались подобными продѣлками и называли ихъ настоящими иженами.

такъ и въ другихъ отношеніяхъ Нессельроде былъ, впрочемъ, вѣрнымъ ученикомъ и послѣдователемъ Меттерниха. До самаго конца своей долгой жизни онъ слѣпо вѣрилъ въ безошибочность и геніальность Меттерниха какъ политическаго дѣятеля и всегда преклонялся предъ его непогрѣшимымъ авторитетомъ. Выдвинутый первоначально Сперанскимъ, Нессельроде сошелся съ Меттернихомъ еще въ Парижѣ, въ эпоху русско-французскаго согласія и сразу обрѣлъ въ немъ свой политическій идеалъ. Подъ вліяніемъ своей безусловной преданности Меттерниху и въ силу своей природной неспособности, Нессельроде уже во время борьбы съ Наполеономъ дѣйствовалъ нерѣдко вопреки приказаніямъ своего государя, или же исполнялъ ихъ съ крайнею вялостью. Въ 1814 г. онъ окончательно усвоилъ себѣ взгляды Меттерниха, хотя взгляды эти шли прямо въ разрѣзъ и съ интересами Россіи, и съ требованіями государя. На Вѣнскомъ конгрессѣ Нессельроде дошелъ до того, что сталъ, наконецъ, въ самыхъ важнѣйшихъ вопросахъ, на точку зрѣнія, явно враждебную интересамъ Россіи. Его посредственность, незначительность его познаній, холодность и узкость въ воззрѣніяхъ и чувствахъ, крайнее малодушіе въ опасности, обнаружилась тогда во всемъ своемъ блескѣ, и государь вынужденъ былъ, наконецъ, устранить его отъ той первенствующей роли, которую игралъ онъ въ началѣ Вѣнскихъ совѣщаній ¹⁾.

Третій уполномоченный Россіи, графъ Стакельбергъ, былъ, даже въ сравненіи съ Нессельроде, полнымъ ничтожествомъ.

1) Штейнъ писалъ о Нессельроде: «Всѣ переговоры ведутся теперь безъ участія Нессельроде, глубоко сознающаго, что онъ потерялъ всякое вліяніе. Онъ утратилъ это вліяніе, вслѣдствіе своей неспособности и слѣпой преданности Меттерниху, ради которыхъ онъ часто дѣйствовалъ или вопреки приказаніямъ своего государя, или исполнялъ ихъ неохотно. Это обнаружилось, впервые, въ швейцарскихъ дѣлахъ, гдѣ онъ дѣйствовалъ совершенно въ духѣ Меттерниха, затѣмъ во Франціи, гдѣ онъ усвоилъ себѣ вполнѣ взгляды Меттерниха на миръ. Онъ дѣйствуетъ теперь прямо противъ государя въ вопросѣ саксонскомъ и особенно польскомъ. Вотъ почему императоръ Александръ относился къ нему съ недовѣріемъ уже въ Фрейбургѣ; недовѣріе это возросло въ Шомонѣ и Труа и окончательно вышло наружу въ Вѣнѣ». Перцъ, Steins Leben. Т. IV, стр. 257.

Иностранецъ по происхожденію и по образу мыслей, онъ былъ исключительно человѣкъ свѣтскій и только. Въ салонахъ его считали человѣкомъ умнымъ и образованнымъ, большимъ острякомъ и большимъ дамскимъ угодникомъ, но по смѣивались въ то же время надъ его поразительною безхарактерностью и совершенною неспособностью къ какимъ бы то ни было серіознымъ занятіямъ. Впрочемъ, самъ графъ видимо сознавалъ эту свою послѣднюю отличительную черту и не только не вмѣшивался въ политическія совѣщанія, а напротивъ, по возможности, сторонился отъ нихъ. Вся его дѣятельность на этомъ поприщѣ ограничивалась однѣми попытками, впрочемъ не всегда удачными ¹⁾.

Помимо трехъ охарактеризованныхъ лицъ, представителями Россіи на конгрессѣ и совѣтниками императора Александра явились и многія другія лица, частью прибывшія въ Вѣну въ свитѣ государя, частью вызванныя имъ туда впоследствии. Всматриваясь въ длинный списокъ этихъ лицъ, мы поражаемся прежде всего его разнообразіемъ, чтобы не сказать, пестротой. Тутъ были и природные русскіе, какъ на примѣръ: князь В. С. Трубецкой, А. И. Чернышевъ, П. В. Голенищевъ-Кутузовъ, Брозинъ, Павкратьевъ, графъ Толстой, П. Д. Киселевъ; и польскіе магнаты, первое мѣсто въ числѣ которыхъ занималъ старый, коварный другъ Александра, князь Адамъ Чарторижскій, и Іонійскій грекъ, графъ Каподистрія, и корсиканецъ, графъ Поццо ди-Борго ²⁾, и французскій эмигрантъ, герцогъ де-Ришелье и знаменитый германскій патріотъ, баронъ Штейнъ. Изъ людей чисто русскихъ, сопровождавшихъ государя въ Вѣну, не было недостатка ни въ личностяхъ даровитыхъ, ни въ настоящихъ русскихъ патріотахъ. Стоитъ лишь указать въ этомъ отношеніи на Уварова и Черныше-

¹⁾ Къ числу такихъ остроумь относилась и слѣдующая, пущенная Стакельбергомъ, по поводу польскаго вопроса: «Насъ хотѣли обратить въ Азіатское государство, но Польша сдѣлаетъ насъ европейцами». Талейранъ видѣлъ въ этихъ словахъ Стакельберга ясное доказательство, что голосъ здраваго смысла и умѣренности не сталъ еще общимъ достояніемъ уполномоченныхъ въ Вѣнѣ. См. Pallain, стр. 2.

²⁾ Каподистрія и Поццо ди Борго прибыли въ Вѣну позже государя.

ва ¹⁾. но къ сожалѣнію, такія лица не занимали первествующаго положенія и не пользовались большимъ вліяніемъ на дѣла. Что-же касается до иностранцевъ, то изъ нихъ только два, Штейнъ и Каподистрія относились вполне искренно къ Россіи и ея государю, и оказывались нерѣдко болѣе русскими, нежели самъ государь и его остальные совѣтники. Понятно, что участіе, которое принимали въ интересахъ Россіи, такіе выдающіеся умы и характеры, не могло не оказать самаго благотворнаго вліянія на совѣщанія конгресса и на рѣшеніе самого императора. Поццо-ди-Борго также высказывалъ Александру смѣлые и благоразумные совѣты и вмѣстѣ съ Штейномъ и Каподистрією удерживалъ его отъ опасныхъ увлеченій въ польскомъ вопросѣ. За то князь Адамъ Чарторижскій явился, именно въ этомъ вопросѣ, злымъ гениемъ государя, косвеннымъ виновникомъ самыхъ крупныхъ политическихъ ошибокъ, сдѣланныхъ Россією въ эпоху Вѣнскаго конгресса.

Какъ это ни странно, но двусмысленный, а подъ конецъ прямо враждебный образъ дѣйствій князя Адама по отношенію къ Россіи и ея императору въ эпоху отечественной войны, не въ состояніи были окончательно искоренить прежняго сердечнаго расположенія Александра къ другу юности. Мы уже знаемъ, какъ въ силу событій Чарторижскій вынужденъ былъ отказаться отъ своихъ надеждъ на Наполеона и прибѣгнуть вновь къ покровительству Александра. Едва только рѣшена была участь великой арміи и бывшее Варшавское герцогство занято русскими войсками, какъ князь Адамъ вновь принялся за старую пѣсню, вновь началъ напоминать Алек-

¹⁾ О Чернышевѣ мы читаемъ у Васильчикова: «считавшійся однимъ изъ первыхъ кавалеровъ въ Вѣнѣ и бывший однимъ изъ любимцевъ тѣхъ красавицъ и щеголихъ, которые съѣхались на конгрессъ. Рядомъ съ своими успѣхами въ высшемъ свѣтѣ, Чернышевъ дѣлалъ блистательную военную карьеру и отличился на войнѣ. Но среди Вѣнскихъ баловъ онъ, какъ видно, съ горестью наблюдалъ и съумѣлъ понять, какъ мало дипломаты наши поддерживали значеніе Россіи на конгрессѣ, на которое она имѣла такое право, послѣ всего сдѣланнаго ею для Европы». Свои взгляды на политическое положеніе дѣлъ Чернышевъ высказалъ въ письмѣ къ Аракчееву.

сандру о Польшѣ и о тѣхъ обѣщаніяхъ, которыя дѣлалъ ему, когда-то императоръ на счетъ ея возстановленія. Не полагаясь на одна письма, Чарторижскій поспѣшилъ вслѣдъ за государемъ въ Парижъ. Принятый Александромъ, какъ старый другъ, Чарторижскій имѣлъ полную возможность неоднократно проводить здѣсь съ императоромъ цѣлые часы въ интимныхъ бесѣдахъ. Само собою понятно, что главнымъ предметомъ этихъ бесѣдъ была Польша, или лучше сказать, вопросъ о ея возстановленіи. Чарторижскій сумѣлъ подойти къ этому вопросу очень ловко. Александръ сильно увлекался въ это время либеральными идеями и готовъ былъ облагодѣтельствовать всѣ государства Европы свободными конституціонными учрежденіями. Князь Адамъ искусно воспользовался этимъ увлеченіемъ государя. Онъ доказывалъ ему, что необходимо отказаться отъ устарѣлыхъ греческихъ и восточныхъ вопросовъ, сосредоточить все вниманіе на Польшѣ, освободить ее отъ ига Пруссакъ и Австрійцевъ, образовать изъ нея особое государство, соединенное съ Россіею лишь одною личною связью, и даровать ей либеральную конституцію. Такой актъ великодушія и политической мудрости, доказывалъ князь, будетъ имѣть самыя благотворныя послѣдствія не только для Польши, но и для Россіи. Чарторижскій напоминалъ государю о томъ печальномъ, по его мнѣнію, фактѣ, который былъ констатированъ уже въ первые годы правленія Александра. Всѣ либеральныя начинанія государя не встрѣтили тогда въ русскомъ обществѣ ни малѣйшаго сочувствія. Отсюда ясно, что русское общество нуждается въ подготовкѣ къ воспріятію идей либерализма. Надо создать для Россіи либеральную школу, надо поставить на ряду съ нею образецъ конституціоннаго государства. Такою школою, такимъ образцомъ можетъ быть для нея только Польша, возстановленная, по возможности, въ старыхъ предѣлахъ, надѣленная истинно свободными учрежденіями, такими учрежденіями, которыя получила теперь Франція отъ возстановленнаго Бурбона, благодаря предстательству Александра. Примѣръ и воздѣйствіе Польши не замедлитъ оказать свое благодѣтельное вліяніе и на Россію. Пройдетъ извѣстное время,

и русское общество созрѣетъ вполне для воспринятія либеральнаго правленія. Да и вообще, какая блестящая будущность ожидаетъ императора въ томъ случаѣ, если онъ рѣшится загладить тройное преступленіе раздѣла и возстановить Польшу въ ея старомъ величіи. Сдѣлавшись одновременно императоромъ и королемъ, Александръ соединитъ подъ своимъ скипетромъ всѣ славянскія земли вплоть до рѣки Одера. Ему будетъ принадлежать Данцигъ, а съ нимъ и вся торговля на Балтійскомъ морѣ; его государство будетъ отдѣляться отъ Австріи линіею Карпатовъ, въ составъ его владѣній войдутъ Варшава, Краковъ, Торнъ и все теченіе Вислы. Александръ сдѣлается самымъ могущественнымъ и вліятельнымъ монархомъ во всей Европѣ, а Россія получитъ вполне достойное вознагражденіе за всѣ жертвы, принесенныя ею для освобожденія міра отъ тиранскаго владычества Наполеона ¹⁾.

Такъ говорилъ ловкій польскій магнатъ, и его рѣчи пали на хорошо подготовленную почву. Настроеніе, въ которомъ находился тогда императоръ Александръ, его прирожденный идеализмъ, воспоминавія юности, его горячее сочувствіе ко всему, что казалось ему несправедливо угнетаемымъ, его стремленіе искоренить повсюду неправду и возмѣстить зло добромъ, взяли въ немъ и на этотъ разъ верхъ надъ соображеніями холоднаго разсудка и требованіями истинно политической мудрости. Проектъ князя Адама казался ему не только вполне справедливымъ и гуманнымъ, но и удобоисполнимымъ. Возстановляя Польшу и соединяя ее на вѣчныя времена подъ своимъ скипетромъ съ Россіею, Александръ воображалъ, что онъ искупитъ, съ одной стороны, неправду, совершенную его предшественниками, а съ другой, доставитъ Россія не только богатое земельное вознагражденіе, но и блестящее нравственное удовлетвореніе. Александръ не могъ, однакоже скрыть отъ себя, что планъ возстановленія Польши и ея либеральнаго объединенія съ Россіею, не можетъ вызвать ни малѣйшаго сочувствія со стороны мыслящей и обра-

¹⁾ Васильчиковъ, семейство Разумовскихъ, Т. IV, ч. 2, стр. 512—513.

зованной части русскаго общества. Онъ помнилъ, съ какимъ жаромъ высказывались противъ его польскихъ проектовъ какъ его ближайшіе русскіе совѣтники, такъ и вполне независимые русскіе люди, подобные Карамзину, онъ припомнилъ какъ настойчиво предостерегалъ его отъ его польскихъ увлеченій, такой вполне независимый человѣкъ, какъ Штейнъ, человѣкъ, обладавшій рѣдкою способностью отречься въ данный моментъ отъ своего пламеннаго германскаго патріотизма и стать на чуждую, въ сущности, ему русскую точку зрѣнія. Но эти воспоминаія не въ силахъ были отклонить императора отъ того ошибочнаго шага, который готовился онъ сдѣлать увлекаемый своимъ идеализмомъ. Императоръ твёрдо рѣшился осуществить свою польскую идею, и уже въ Парижѣ началъ онъ работать въ этомъ направленіи. Прежде всего онъ сообщилъ свой планъ другу своему, королю прусскому. Безъ труда убѣдилъ онъ Фридриха-Вильгельма, что Пруссіи не слѣдуетъ настаивать на притязаніяхъ, основывающихся на постановленіяхъ Калишскаго и Рейхенбахскаго договоровъ, что ей слѣдуетъ искать вознагражденіе не въ Польшѣ, а въ Германіи, и что онъ, Александръ, готовъ поддерживать всѣми своими силами желанія короля на счетъ присоединенія къ Пруссіи всего Саксонскаго королевства. Король тѣмъ охотнѣе согласился съ доводами своего царственнаго друга, чѣмъ болѣе убѣдился онъ въ послѣднее время въ непрочности польскихъ пріобрѣтеній своихъ предшественниковъ. Онъ пришелъ уже тогда къ убѣжденію, что Пруссія должна сдѣлаться чисто нѣмецкимъ государствомъ, что она должна стремиться къ пріобрѣтенію гегемоніи въ Германіи, и что польскія территоріи могутъ оказаться для нея въ будущемъ не только тяжелымъ балластомъ, но и элементомъ слабости и разложенія. «Я буду благодарить Бога, если мнѣ удастся освободиться отъ моихъ польскихъ подданныхъ!» говаривалъ уже тогда Фридрихъ-Вильгельмъ. Охотно согласился онъ на предложеніе Александра, и оба монарха порѣшили уже въ Парижѣ связать неразрывно польскій и саксонскій вопросы, настаивать единодушно на предстоящемъ конгрессѣ, съ одной стороны, на присоединеніи къ Россіи всего герцогства Варшав-

скаго, а съ другой, на присоединеніи королевства Саксонскаго къ Пруссіи.

Первое препятствіе къ осуществленію польской идеи было, такимъ образомъ, устранено, но нетрудно было предвидѣть, что планы Чарторижскаго вызовутъ противодѣйствіе и съ другихъ сторонъ. Уже первые слухи о намѣреніяхъ Россіи и Пруссіи не замедлили вызвать повсемѣстную тревогу. Французскіе политики, съ Талейраномъ во главѣ, рѣшительно высказались противъ поглощенія Саксоніи Пруссіею и противъ возстановленія Польши подъ скипетромъ русскаго императора. «Мы не можемъ согласиться на пограние легитимнаго права въ лицѣ короля саксонскаго», говорили они. «Мы не можемъ, забыть, что Саксонія обречена на уничтоженіе, единственно за свою вѣрность союзу съ Франціею. А что сказать о возстановленіи Польши? Никто не можетъ сочувствовать въ такой мѣрѣ этому возстановленію, какъ Франція, но возстановленіе Польши должно быть дѣйствительное, а не фиктивное. Польша можетъ быть возстановлена только въ видѣ особаго, вполне самостоятельнаго государства, она должна служить оплотомъ европейскаго запада противъ завоевательныхъ стремленій Россіи. Соединеніе же Польши съ Россіею удвоитъ лишь силы Московскаго колосса и проложитъ ему путь къ порабощенію всей Европы»¹⁾. Людовикъ XVIII сочувствовалъ какъ нельзя болѣе такимъ идеямъ французскихъ политиковъ. Отправляя Талейрана своимъ полномочнымъ министромъ въ Вѣну, онъ поручилъ ему противодѣйствовать всѣми силами властолюбивымъ планамъ Рос-

1) Послѣдующія событія показали, какъ ошибочна была вся эта аргументація французскихъ политиковъ. Выступая рѣшительно противъ Россіи, принимая на себя защиту Саксоніи и возставая противъ присоединенія герцогства Варшавскаго къ Россіи, французскіе политики, сами не сознавая того, дѣйствовали вопреки собственнымъ интересамъ Франціи и сами создавали для своего отечества страшныя опасности въ будущемъ. Какъ сильно вкоренены были, однакоже, эти ошибочныя взгляды на франко-русскія отношенія въ средѣ французскихъ политиковъ, видно изъ того, что еще въ началѣ 80-хъ годовъ нашего столѣтія, извѣстный издатель дипломатической переписки Талейрана, Палень, нашелъ возможнымъ прославлять Талейрана за его образъ дѣйствій на Вѣнскомъ конгрессѣ. См. Pallain, предисловіе, стр. I—XXXII.

сія и Пруссіи, отстоять, во что бы то ни стало, самостоятельность Саксоніи и соглашаться на возстановленіе Польши не иначе, какъ подъ условіемъ ея полной самостоятельности.

Александръ могъ не придавать особеннаго значенія угрозамъ и оппозиціи Франціи. Да эта оппозиція могла оказаться безсильною въ томъ случаѣ, если бы остальные державы остались вѣрны своимъ обязательствамъ. Къ сожалѣнію, рассчитывать на эту вѣрность, — не было ни малѣйшаго основанія. Тревога и смущеніе распространились въ Вѣнѣ тотчасъ-же, какъ только сдѣлались тамъ извѣстны русско-прусскіе проекты. Австрійскіе политики начали объявлять во всеуслышаніе, что Австрія отнюдь не намѣрена слѣдовать примѣру Пруссіи, что она никоимъ образомъ не можетъ отказаться отъ правъ, утвержденныхъ за нею Рейхенбахскимъ договоромъ и что возстановленіе Польши подъ скипетромъ Россіи столь же мало входитъ въ ея интересы ¹⁾, какъ и присоединеніе цѣлаго королевства Саксонскаго къ Пруссіи. Легкомысленный австрійскій канцлеръ остался, впрочемъ, и въ этомъ случаѣ вполне вѣренъ самому себѣ. Онъ полагалъ, что дѣло уладится само собою на предстоящемъ конгрессѣ и что ему удастся тѣмъ или инымъ способомъ поддержать согласіе между союзниками. Гораздо серіознѣе можно было предвидѣть оппозицію со стороны Англіи. Александръ долженъ былъ знать, что между Галейраномъ и лордомъ Кестльри состоялось, если и не соглашеніе, то во всякомъ случаѣ сближеніе уже въ Парижѣ. Императору должно было быть извѣстно, что торійское министерство могло примириться въ крайнемъ случаѣ съ присоединеніемъ Саксоніи къ Пруссіи, но что оно будетъ возставать всѣми силами противъ присоединенія герцогства Варшавскаго къ Россіи. Восторженный пріемъ, оказанный союзнымъ монархамъ въ Англіи, повидимому, не долженъ былъ вводить Александра въ заблужденіе на счетъ

¹⁾ Особенную тревогу вызвали въ Вѣнѣ слухи о намѣреніи Александра возстановить Польшу подъ скипетромъ брата своего Константина. Слухи эти распространены были, разумѣется, самими поляками.

дѣйствительныхъ намѣреній С. Джемскаго кабинета. То, что ясно видѣли и понимали другіе, не должно было оставаться тайною для него. «Не обращайтесь вниманія на необыкновенный энтузіазмъ въ Лондонѣ, о которомъ говорятъ всѣ газеты», писалъ ф. Генцъ уже 9-го іюля 1814 г. господарю Молдавскому ¹⁾. «Чернь лондонская такъ же криклива, какъ и во всѣхъ городахъ, но за то она гораздо необузданнѣе другихъ. Она кричала въ изступленіи, это правда, передъ императоромъ Александромъ, королемъ прусскимъ и княземъ Платовымъ (?), (котораго она считаетъ первымъ генераломъ нашего вѣка), но не слѣдуетъ при этомъ забывать неудовольствія народа англійскаго противъ принца-регента и то, что лондонская чернь рукоплескала иноземнымъ государямъ и генераламъ ему на зло. Высшее сословіе ²⁾ гораздо трезвѣе, и въ то время, когда народъ рукоплескалъ сѣвернымъ героямъ, принцъ-регентъ и кабинетъ его искали сближенія съ Австріею. Князь Меттернихъ мастерски ведетъ дѣла въ Англіи. Ему помогаетъ охлажденіе принца-регента къ императору Александру вслѣдствіе вмѣшательства послѣдняго и сопровождавшей его въ Лондонъ сестры, великой княгини Екатерины Павловны, принцессы, обладающей большимъ умомъ, но въ то же время гордаго и безпокойнаго характера, въ семейныя его дѣла, въ отношенія принца-регента къ принцессѣ Валлійской, и въ отказѣ дочери его, принцессы Шарлотты, принцу Оранскому, брака, съ которымъ такъ желалъ и отецъ ея, и теперешній англійскій кабинетъ ³⁾. Доселѣ у Англійскаго правительства существовало самое сильное пристрастіе къ Россіи ⁴⁾. Теперь уже не то. Англія будетъ несомнѣнно дѣйствовать на конгрессѣ въ союзѣ съ Австріею.

Интрига противъ Россіи и Пруссіи была такимъ образомъ въ полномъ ходу, о согласіи въ средѣ великой коалиціи не

1) Прокешъ-Остенъ, *Derêches inedites de Gents*. Т. I, стр. 88—91.

2) Подъ высшимъ сословіемъ Генцъ понималъ, разумѣется, одну торійскую аристократію.

3) Принцъ Оранскій (впослѣдствіи Вильгельмъ II, король нидерландскій) женился въ 1816 г. на великой княгинѣ Аннѣ Павловнѣ.

4) Это пристрастіе существовало только въ воображеніи Генца.

было уже и рѣчи, въ то время, когда императоръ Александръ возвратился на короткое время въ Петербургъ и только что собирался ѣхать въ Вѣну ¹⁾. Александръ уже при первыхъ шагахъ въ Россіи пораженъ былъ тѣмъ несочувствіемъ, которое встрѣчалъ повсемѣстно его польскій проектъ. Всѣ выдающіеся русскіе люди, съ которыми заводилъ императоръ рѣчь о Польшѣ, высказывались съ болѣею или меньшею опредѣленностью и противъ возстановленія Польши въ ея старыхъ предѣлахъ, и противъ введенія въ ней либеральныхъ конституціонныхъ учрежденій. Александръ могъ убѣдиться, что въ польскомъ вопросѣ не существуетъ никакого разногласія въ средѣ русскаго общества, способнаго понимать истинные интересы своего отечества. Противъ польскаго проекта князя Чарторяжскаго возставали одинаково и государственные люди старой эпохи, хорошо помнившіе вѣковую борьбу Россіи съ Польшею, и преклонявшіеся передъ политическимъ гениемъ Екатерины II, сдумавшей, наконецъ, стереть съ лица земли эту непримиримую соперницу Россіи, и люди новаго времени, сдумавшіе опредѣлить по достоинству всю цѣну польской вѣрности въ тяжелую годину отечественной войны. Противъ польскихъ увлеченій государя говорили и такіе независимые люди, какъ Карамзинъ, и такіе во всемъ угодливые царедворцы, какъ графъ Аракчеевъ, и такіе опытные политики, какъ Новосильцевъ и Кочубей ²⁾. Александръ былъ видимо озадаченъ и смущенъ этимъ единодушнымъ противодѣйствіемъ. Сомнѣнія, подтверждаемыя собственными тяжелыми испытаніями, начали волновать его душу. Идеальныя стремленія и иллюзіи, фантастическіе обѣты юношества столкнулись въ его сознаніи съ суровыми требованіями дѣйствительности. Ему было тяжело, почти невозможно отказаться отъ мечты, взлелеяной въ немъ съ самаго дѣтства, но онъ все еще надѣялся примирить свои польскіе планы съ интересами Россіи, удовлетворить до извѣстной степени желанія

¹⁾ Въ Петербургѣ ему пришлось еще столкнуться съ явною оппозиціею со стороны русскаго общества.

²⁾ Васильчиковъ, Т. IV, ч. 2: стр. 514.

поляковъ и русскихъ и тѣмъ или инымъ способомъ положить предѣлъ вѣковой враждѣ двухъ родственныхъ народовъ.

Волнуемый такими мыслями, Александръ остановился на пути въ Вѣну въ Пулавахъ, родовомъ имѣніи Чарторижскихъ, куда пригласилъ его князь Чарторижскій. Государя здѣсь ожидалъ самый восторженный, хотя и дѣланый пріемъ. Здѣсь встрѣтилъ его цвѣтъ польской знати, здѣсь ожидали его первыя польскія красавицы, тутъ привѣтствовала его знаменитая «матка отчизны», княгиня Изабелла Чарторижская, мать князя Адама, первая польская патриотка, женщина, когда то блиставшая ослѣпительною красотой и никогда нестѣснявшаяся правилами нравственности ¹⁾. Въ Пулавахъ было пущено въ ходъ все, что могло очаровать и плѣнить русскаго императора: и чарующая въ прелестныхъ женскихъ устахъ лесть, и тонкая угодливость, недоходившая, однако, до низкопоклонства, и заявленія самой горячей и беззавѣтной преданности. Александръ былъ видимо тронуть и увлечень, но тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ удержаться на извѣстной высотѣ. Онъ повторилъ еще разъ свое обѣщаніе возстановить Польшу, но повторилъ его въ формѣ условной, съ извѣстными территоріальными ограниченіями. Онъ даже прямо отказался разрушить окончательно то дѣло, которое было создано мудростью его предшественницы и указалъ польскимъ патриотамъ на невозможность полнаго осуществленія ихъ желаній. Образъ дѣйствій государя въ Пулавахъ произвелъ успокоительное впечатлѣніе на русскихъ людей, находившихся въ его свитѣ ²⁾. «Все, что сдѣлаетъ императоръ», писалъ

1) Патриотизмъ «матки отчизны» не помѣшалъ ей сдѣлаться въ свое время любовницею русскаго посла, фельдмаршала князя Н. В. Реллина. Плодомъ этой незаконной связи былъ князь Адамъ Чарторижскій.

2) Въ виду важности этого письма, напечатаннаго у Богдановича (Т. V, примѣчаніе I къ главѣ 54) приводимъ его въ подлинникѣ: *Quelque chose, que L'Empereur fasse, cela ne pourra tourner q'au profit de notre pays. La conviction que j'ai à cet egard est fondée sur les raisonnemens que je l'ai entendu faire et sur la manière dont il s'est enoncé en ma presence vis-à-vis des délégués que le Duche lui a envoyé à Pulawy, lors de son passage par cet endroit. Le discours qu'il leur a tenu était si fort de raison, si logique, et en même temps si mesuré et si adroit que les bras me sont tombés d'étonnement. Il n'a rien promis, il ne*

тогда Н. Н. Новосильцевъ графу П. А. Строганову, «послужить въ пользу Россіи. Я убѣжденъ въ томъ, на основаніи слышанныхъ мною его сужденій и всего сказаннаго имъ при мнѣ депутатамъ герцогства, присланнымъ въ Пулавы во время пребыванія тамъ государя. Его рѣчь была такъ убѣдительно, такъ разумна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ осторожна и ловка, что у меня опустились руки отъ удивленія. Онъ не обѣщаль ничего, не принялъ на себя никакихъ обязательствъ, а всего требоваль, и не смотря на то, всѣ и даже Матушевичъ и князь Судковскій, столь достойные люди, были восхищены его пріемомъ и въ высшей степени удивлялись вѣрности и ясности его взглядовъ».

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

s'est engagé à rien et à tout demandé. Malgré cela tout le monde et des personnes telles que Matoussevitch, le prince Soulkowsky, tous gens de mérite, en sont sortis enthousiasmés de lui et étonnés au plus haut degré de la clarté et de la justesse de ses idées.

БЕЗБОЖІЕ, ЕГО ВИДЫ, ПРИЗНАКИ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ.

(Продолженіе *).

Исходнымъ пунктомъ нашихъ разъясненій будетъ уже выставленное нами положеніе, что апостоль Павелъ назвалъ язычниковъ безбожниками при сопоставленіи ихъ съ іудеями и христіанами и притомъ въ примѣненіи къ вопросу о спасеніи, а не безотносительно. Ветхозавѣтная іудейская религія давала надежду на спасеніе, христіанская даетъ самое спасеніе: языческія религіи не давали ни того, ни другаго и въ этомъ отношеніи были безплодны, были ничто. Іудейская религія давала очищеніе человѣку, хотя и внѣшнее, христіанская религія преобразовываетъ всего человѣка, пересоздаетъ его, изъ плотскаго дѣлаетъ духовнымъ: языческія религіи развѣ только ограничивали необузданность человѣческой природы, а въ худшихъ случаяхъ онѣ даже благопріятствовали развращенію и огрубѣнію нравовъ, давая видъ законности дѣламъ распутства и кровожадности. Ветхозавѣтная іудейская и христіанская религіи содержатъ вѣру въ единого истиннаго Бога, и достойное Его служеніе Ему, отрицая боговъ ложныхъ: въ язычествѣ, напротивъ, хотя и оставалось еще представленіе о Богѣ, но оно было очень смутно и потому малоплодно и было подавлено баснями объ измышленныхъ богахъ и служеніемъ послѣднимъ. Въ ветхозавѣтномъ іудействѣ и въ христіанствѣ есть сверхъестественное Откровеніе Божіе, въ безграничной степени умно-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1891 г. № 18.

жающее свѣтъ естественнаго откровенія о Богѣ, о мірѣ и человѣкѣ: язычество пользовалось только естественнымъ Откровеніемъ. и развѣ немногіе лучи сверхъестественнаго Откровенія проникали въ глубокую тьму языческаго невѣжества и суевѣрія, не достаточно сильныя, чтобы разсѣять ее. Въ ветхозавѣтномъ іудействѣ были начатки, а въ христіанствѣ полнота благодати, какъ сверхъестественной силы Божіей, исцѣляющей духовныя недуги и возводящей духовныя силы человѣка къ совершенству, приближающей человѣка къ Богу и вселяющей Бога въ человѣка, просвѣщающей и святящей человѣка: но языческій міръ стоитъ только въ преддверіи благодати. При такой огромной разности и даже противоположности между ветхозавѣтнымъ іудействомъ и особенно христіанствомъ, съ одной стороны. и язычествомъ, съ другой, и чтобы сильнѣе выразить эту противоположность, апостоль Павелъ и называлъ язычниковъ безбожниками, или лишенными Бога. Они не имѣютъ Бога—это значитъ, что они не имѣютъ Его такъ, какъ имѣютъ Его христіане, не имѣютъ Его даже и такъ, какъ имѣли Его ветхозавѣтные Іудеи. Но это не значитъ ни того, чтобы они отрицали бытіе Его, ни того, чтобы они не имѣли никакого представленія о Немъ или хотя бы темнаго ощущенія Его бытія и дѣйствованія въ мірѣ, ни того, чтобы и Богъ совершенно оставилъ ихъ. Апостоль не можетъ противорѣчить самъ себѣ. Поэтому если въ другомъ посланіи онъ говоритъ, что язычники имѣли познаніе о Богѣ (Римл. I, 21) и понятіе о мздовоздаяніи Божіемъ за человѣческія дѣла (Римл. I, 32), то ясно, что онъ называетъ ихъ безбожниками только въ относительномъ смыслѣ, по сравненію съ христіанами. Если онъ говоритъ Ефесянамъ: *вы, бывшіе некогда далеко, стали близки крѣпко Христовою* (Ефес. 2, 13), т. е. были далеко отъ Бога, а теперь стали близки къ Нему (Ефес. 2, 14, 22); то опять таки онъ разумѣетъ удаленіе человѣка отъ Бога и Бога отъ человѣка относительное, сравнительно съ близостію къ Богу христіанъ. Это видно изъ самаго сочетанія словъ, и въ этомъ же убѣждаютъ насъ слова того же Апостола, что *Богъ недалеко отъ каждаго изъ насъ, ибо мы Имъ живемъ, и движемся, и существуемъ.* (Дѣян. 17, 27, 28). Могли-ли язычники дойти до

полнаго забвенія Бога, или совершеннаго невѣдѣнія о Немъ, когда даже и бѣсы вѣрують въ Его бытіе? (Іак. 2, 19). Можно-ли допустить, что и Богъ совершенно оставилъ ихъ, когда, по выраженію псалмопѣвца, едва сокроетъ Онъ лице свое, всѣ живыя существа мнутса? (Псал. 103, 29). Языческія религіи ложны, но лежащее въ основѣ ихъ исканіе Бога (Дѣян. 17, 27) и нѣкоторое знаніе о Немъ (Римл. 1, 21) суть истины; содержащіяся въ этихъ религіяхъ понятія о загробномъ существованіи человѣка и о мздовоздаяніи (Римл. 1, 32) отъ Бога суть то же истины; язычники поклонялись вымышленнымъ богамъ, твари и дѣламъ рукъ своихъ, но, какъ показываетъ исторія религій, они обращались съ молитвой и къ единому Богу, хотя Онъ былъ для нихъ существомъ невѣдомымъ; религіи мало исправляли ихъ, но безъ религіи они стали бы еще хуже и, быть можетъ, нечестіемъ превзошли бы современниковъ Ноя предъ потопомъ и содомлянъ. Они не имѣли положительнаго Откровенія Божія, но имѣли нравственный законъ, написанный въ ихъ сердцахъ, и совѣсть, какъ судящій гласъ Божій (Римл. 2, 14. 15. 26. 27. 29), владѣли истинами первобытнаго Откровенія или преданія, въ мірѣ, въ которомъ они жили пребывало Слово, хотя они Его и не познали (Іоан. 1, 10), Слово причастенъ весь родъ человѣческой, и жившіе согласно съ Словомъ были христіанами въ язычествѣ ¹⁾, и самый міръ свидѣтельствовалъ имъ о Богѣ, въ видимомъ явля Невидимаго (Римл. 1, 19. 20). Язычники не имѣли благодати, однако предваряющая благодать и ихъ касалась, а иначе никто бы изъ нихъ и не вошелъ въ Церковь Христову, и ни одинъ человѣкъ не стоитъ внѣ дѣйствій промыслительной силы Божіей, благотворящей (Мѡ. 5, 45), карающей (Лук. 13, 1—5; Римл. 2, 1—16), благой въ долготерпѣніи (Римл. 2, 4, 9, 22), награждающей (Римл. 2, 6. 7), прощающей грѣхи (Римл. 1, гл. 4), привлекающей къ Богу даже тѣхъ, которые не ищутъ Его, и открывающей Его тѣмъ, которые о Немъ не спрашиваютъ (Исх. 65, 1 Ср. Римл. 10, 20), *ибо по всей землѣ прошелъ голосъ проповѣдниковъ о Богѣ, и до предѣловъ вселенной слова*

¹⁾ Св. Іустина, философа и мученика. Первая Апологія §§ 5 и 46.

ихъ (Псал. 18, 5. Ср. Римл. 10 гл.); даже самое отторженіе язычниковъ отъ Бога неизреченной премудростію Божіей было избрано какъ средство для ихъ помилованія: *всѣхъ заключилъ Богъ въ непослушаніе, чтобы всѣхъ помиловать* (Римл. 11, 32). *Неужели, спрашиваетъ Апостоль Павелъ, Богъ есть Іудеевъ только, а не и язычниковъ?* И отвѣчаетъ: *Конечно и язычниковъ* (Римл. 3, 29). Для Бога, какъ всемогущаго Творца всего рода человѣческаго, какъ всевѣдущаго и премудраго промыслителя о немъ, какъ милосердаго и попечительнаго Отца, какъ благого и любвеобильнаго Спасителя, какъ неистощимаго источника жизни для всѣхъ людей, *нѣтъ различія между людьми; потому что всѣ согрѣшили и лишены славы Божіей, получая оправданіе даромъ, по благодати Его, искупленіемъ во Христа Іисуса.* (Римл. 3, 22—24 и предвѣдущіе). И исторія представляетъ примѣры, что и среди язычества были люди, пріобрѣтавшіе особенное благоволеніе Божіе, помилованіе и надежду на спасеніе, такъ какъ имѣли вѣру въ Бога и исполняли законъ (Римл. 2, 26—29; Быт. 14, 18—21; Ис. Нав. 2 и 6 гл. Ср. Евр. 11, 31; 3 Цар. 17, 10 Ср. Лук. 4, 25 и 26; 4 Цар. 5, 14. Ср. Лук. 4, 27; Лук. 7, 1—10; 11, 31—32. Ср. 3 Цар. 10, 1, 4. Іон. 3, 5; Мѡ. 15, 28; Мѡ. 27, 54; Дѣян. 8, 38; 10 гл. и друг.), а съ другой стороны, и среди іудеевъ многіе погибали. И въ язычествѣ были: Мелхиседекъ, Гоѡръ, Раавъ съ семействомъ, Руѡъ, вдовица въ Сарептѣ Сидонской, Нееманъ Сиріянинецъ, сотникъ Логинъ, сотникъ Корнилій, сотникъ Капернаумскій, Хананеянка. Ниневитяне покаявшіеся; всѣ таковыя спасались вѣрой въ Бога. Наоборотъ, изъ среды избраннаго народа тысячи тысячъ оставляли вѣру въ Бога и впадали въ языческое идолопоклонство, или же въ невѣріи и ожесточеніи роптали на Бога; одни изъ таковыхъ погибали насильственною смертію, другіе отпадали отъ избраннаго народа и становились язычниками.

Такимъ образомъ даже и отчужденіе язычниковъ отъ Бога нельзя назвать безусловнымъ. Язычники были предоставлены Богомъ самимъ себѣ, но не совершенно Имъ покинуты; равно и они мало знали Бога и еще менѣе почитали Его, однако не забывали Его окончательно. И апостоль Павелъ именемъ без-

божія означаетъ въ язычествѣ не отрицаніе Бога и не окончательное забвеніе Его, чего въ язычествѣ не было, а отсутствіе истиннаго Богопознанія и спасительнаго Богопочитанія, недостатокъ сверхъестественной помощи Божіей и духовно-нравственной жизни, удаленіе отъ Бога и обоготвореніе твари вмѣсто служенія Творцу.

Чтобы не быть голословными въ нашемъ толкованіи, приведемъ нѣсколько изреченій изъ бесѣдъ св. Іоанна Златоуста на посланіе къ Римлянамъ.

„Богъ, говоритъ онъ, вложилъ въ людей знаніе о Себѣ отъ рожденія ихъ, но Еллины, примѣпивши это знаніе къ деревьямъ и камнямъ, оскорбили явленную въ нихъ истину, сама же истина пребываетъ неизмѣнной, и слава ея непоколебима. А откуда извѣстно, Павель, что Богъ и въ язычниковъ вложилъ это знаніе? Изъ того, говоритъ, *что можно знать о Бо-
гѣ, явно для нихъ* (Рим. 1, 19). Но это—положеніе, а не доказательство; ты же подтверди мнѣ и докажи, что знаніе о Богѣ было открыто язычникамъ, а они самовольно удалились отъ него. Какимъ же образомъ оно было открыто? Былъ голосъ къ нимъ съ неба? Отнюдь нѣтъ. Но Богъ сдѣлалъ то, что могло ихъ привлечь больше, чѣмъ голосъ, поставивши предъ ними твореніе, которое чрезъ созерцаніе красоты всего видимаго научало мудреца и невѣжу, скиѣа и варвара возноситься къ Богу. Поэтому апостолъ говоритъ: *Невидимое Его, вѣчная слава Его и Божество, отъ созданія міра чрезъ раз-
сматриваніе твореній видимы*. (Рим. 1, 20). То же сказалъ и пророкъ: *Небеса повѣдаютъ славу Божію*“ (Псал. 18, 1)...¹⁾.

„Признакомъ того, что язычники знали Бога и не воспользовались этимъ знаніемъ, какъ должно, апостолъ поставляетъ то самое, что они признавали боговъ, поэтому прибавилъ: *познавъ Бога, не прославили какъ Бога* (Рим. 1, 21). Указываетъ онъ и причину, по которой они впали въ такое безуміе. Какая же эта причина? Они во всемъ положились на свои измышленія“²⁾. „*Слава, и честь, и миръ всякому, дѣлающему доб-*

¹⁾ Sancti Ioh. Chrisostomi Opera Omnia. Ed. Monfaucon. t. 9, p. 489. Homiliae in Epistolam ad Rom.

²⁾ Ibid. p. 490.

рое, во-первыхъ, *Иудею*, потомъ и *Еллинамъ* (Рим. 2, 20). О какомъ *Иудеѣ* говоритъ онъ здѣсь? спрашиваетъ св. отецъ. И о какихъ *Еллинахъ* разсуждаетъ? О жившихъ до пришествія Христа... Объ *Еллинахъ* же говоритъ здѣсь не объ идолопоклонникахъ, но о Богобоязненныхъ, повинующихся естественному закону и соблюдающихъ все, что относится къ благочестію, кромѣ соблюденія іудейскихъ обрядовъ; таковы были: Мельхиседекъ, Іовъ, Ниневитяне, Корнелій" ¹⁾. Изъясняя слова Апостола о существованіи у язычниковъ совѣсти и природнаго нравственнаго закона, внушенія которыхъ они исполняютъ (Рим. 2, 14. 15), Іоаннъ Златоустъ говоритъ, что „вмѣсто закона (разумѣеть іудейскій положительный законъ) достаточно совѣсти и разума. Этимъ Апостолъ опять показалъ, что Богъ сотворилъ человѣка достаточнымъ для того, чтобы избирать добродѣтель и избѣгать зла... Онъ доказываетъ, что и въ древнія времена, даже прежде, чѣмъ данъ былъ законъ, родъ человѣческій находился подъ тѣмъ же Промысломъ" ²⁾. Преимущество іудея заключается въ удобствѣ исполненія закона ³⁾.

Такимъ образомъ Іоаннъ Златоустъ не говоритъ, что язычники отвергали истиннаго Бога, или совѣмъ не имѣли понятія о Немъ, а напротивъ, прямо приписываетъ имъ знаніе о Богѣ, равно какъ и отличныя средства для удержанія его, пользованія имъ и раскрытія его; но вина ихъ въ томъ, что они не воспользовались, а злоупотребили имъ и извратили его, что они не нашли Бога и ошибочно приняли за Бога то, что не есть Богъ. Это заблужденіе ихъ—нравственное, умственное и религіозное—и есть безбожіе.

Довольно удачно изъясняетъ наименованіе язычниковъ безбожниками Экуменій. „Такъ какъ міръ, говоритъ онъ, сотворенъ и управляется Богомъ, то и язычники (какъ жившіе въ мірѣ) не оставались безъ Бога. Итакъ, какимъ образомъ они

¹⁾ Ibid. p. 506 et 507.

²⁾ Ibid. 510 et 511 p.

³⁾ Ibid. p. 517.

лишены Бога? По причинѣ мірской жизни, т. е. не богоугодной, по своему культу, по нечистотѣ своего ума и воли¹⁾.

Изъ новѣйшихъ толкователей Мейеръ, прибѣгая для изясненія слова ἄθεοι къ помощи филологіи, находитъ у различныхъ греческихъ классическихъ писателей тройкое употребленіе этого слова. Оно означаетъ: или атеистовъ (т. е., отрицающихъ истину бытія Божія), или людей безбожныхъ въ значеніи крайней степени нечестія, или, наконецъ, людей, лишенныхъ помощи и покровительства Божія. По мнѣнію Мейера, въ посланіи къ Ефесянамъ слово ἄθεοι имѣетъ послѣднее изъ этихъ трехъ значеній²⁾. Но на самомъ дѣлѣ нѣтъ препятствія допустить, что въ словѣ ἄθεοι у Апостола вмѣстѣ соединяются второе и третье изъ указанныхъ значеній, какъ тѣсно между собою связанныя: кто оставляетъ Бога, т. е., живетъ нечестиво, того и Богъ покидаетъ, хотя и не совсѣмъ, и наоборотъ—оставленному Богомъ трудно жить благочестиво.

У Св. Отцовъ Церкви и помимо толкованія разсмотрѣннаго мѣста изъ посланія къ Ефесянамъ встрѣчается неоднократно наименованіе языческаго идолопоклонства и многобожія безбожіемъ. Однако Отцы Церкви называютъ язычество безбожіемъ именно въ тѣхъ случаяхъ или въ такихъ сочиненіяхъ, гдѣ они, подобно апостолу Павлу, противопоставляютъ язычество христіанству, или сравниваютъ ихъ, или же имѣютъ намѣренную цѣль изобличить язычество, которое въ ихъ времена боролось противъ христіанства и употребляло всякія средства, чтобы подавить его и удержать свое прежнее владычество въ мірѣ. Въ примѣръ сошлемся на сочиненіе св. Афанасія Александрійскаго: „Слово на язычниковъ“, цѣль котораго ясна изъ самаго заглавія его, и приведемъ изъ него нѣкоторыя мѣста. Такъ, сославшись на слова псалма 113, ст. 12 и 16 и на слова изъ книги пророка Исаи 44, 10—12, Афанасій говоритъ: „Какъ-же не признать всякому *безбожными* тѣхъ, кого и Божественное Писаніе обвиняетъ въ нечестіи?“³⁾ „Если пред-

1) Mygne-Patrologiae Cursus Completus. Series latina t. 78. Col.

2) Kritisches-exegetischer Kommentar üb. das Neue Testament, achte Abtheilung. Brief an die Epheser. Vierte Auflage. S. 112—113.

3) Творенія Св. Афанасія Александрійскаго въ русскомъ перев. Ч. 1, стр. 25—26

ставляютъ, говоритъ онъ дальше, себѣ Божество тѣлообразнымъ, а потому воображаютъ у Него и изваяніями даютъ чрево, руки, ноги, также выю, грудь, уши, члены, у людей служащія къ дѣторожденію, то смотри, до какого нечестія и *безбожія* унизилися умъ ихъ, когда могъ такъ думать о Божествѣ“¹⁾. „И не изъ сего только, продолжаетъ онъ, можно усматривать *безбожіе* язычниковъ, но также и изъ того, что о самыхъ идолахъ мнѣнія ихъ не согласны“²⁾; а дальше онъ разъясняетъ, что каждый языческій народъ имѣетъ своихъ боговъ и ни во что вмѣняетъ боговъ чуженародныхъ.

„Не малымъ обличеніемъ дѣйствительнаго *безбожія* язычниковъ служитъ и сіе,“ говоритъ онъ въ иномъ мѣстѣ³⁾, а именно, что „всѣми истребляются всѣ“, т. е. всѣ языческіе боги; потому что, что у одного народа признается богомъ, то у другого закалается въ жертву, напр., у Египтянъ быкъ—Аписъ и Овень-Аммонъ признаются богами; а у другихъ народовъ быковъ и овецъ приносятъ въ жертву богамъ. Въ заключеніе своихъ доводовъ противъ язычества св. Аѳанасій говоритъ: „изобличено сіе и доказано, что языческое идолослуженіе исполнено *всякаго безбожія*“⁴⁾. Ниже св. Аѳанасій прямо говоритъ, что „многобожіе есть *безбожіе*“⁵⁾, а еще называетъ его *безбожіемъ* языческимъ и идольскимъ⁶⁾. Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ видно, что Аѳанасій называетъ язычество *безбожіемъ* не въ томъ смыслѣ, чтобы оно отрицало Бога, или религію, и даже, какъ увидимъ сейчасъ дальше, не въ томъ значеніи, будто язычники совсѣмъ лишены Бога и не имѣютъ никакого представленія о Немъ: онъ называетъ его *безбожіемъ* частію за нравственное нечестіе, глубоко укоренившееся у языческихъ народовъ и въ нѣкоторой мѣрѣ связанное съ самымъ культомъ ихъ, частію за чрезвычайное безразсудство поклоненія твари вмѣсто Творца и за отсутствіе у нихъ истиннаго Богопознанія и

1) Тамъ-же, стр. 37.

2) Тамъ-же, стр. 38.

3) Тамъ-же, стр. 40.

4) Тамъ-же, стр. 49.

5) Тамъ-же, стр. 63.

6) Тамъ-же, стр. 75.

истиннаго Богопочитанія, въ особенности же за идолослуженіе. Но что и у язычниковъ были, по крайней мѣрѣ, задатки истиннаго богопознанія и средства для достиженія его, этого св. Аѳанасій не отрицаетъ, а даже прямо говоритъ объ этомъ въ томъ же сочиненіи.

„Путь къ Богу, говоритъ онъ, не такъ далекъ отъ насъ, хотя Самъ Богъ превыше всего; онъ (путь) не внѣ насъ, но въ насъ самихъ; и начало его можетъ быть нами найдено, какъ и Моисей училъ, говоря: *глаголзъ въры въ сердцихъ твоимъ есть* (Второз. 30, 14. Ср. Римл. 10, 8). И Спаситель, давая разумѣть и подтверждая то же самое, сказалъ: *царствіе Божіе внутрѣ васъ есть* (Лук. 17, 21)... Да не отговариваются служащіе идоламъ..., будто бы нѣтъ у нихъ таковаго пути, а потому и имѣютъ они предлогъ къ своему безбожію... Что же это за путь? Отвѣчаю: душа каждаго, и въ ней умъ; потому что однимъ умомъ можетъ быть созерцаемъ и уразумѣваемъ Богъ“ ¹⁾. „И помышляетъ и мудрствуетъ она о безсмертномъ и вѣчномъ, потому что сама безсмертна... Понятія и созерцаніе безсмертія никогда не оставляютъ ея, пребывая въ ней и служа какъ бы подгнетомъ къ поддержанію безсмертія. По сему-то душа имѣетъ понятіе и о созерцаніи Бога, и сама для себя дѣлается путемъ, не совнѣ заимствуя, но въ себѣ самой почерпая вѣдѣніе и разумѣніе о Богѣ Словѣ“ ²⁾. Если же увѣрены они, какъ и въ правѣ быть увѣренными, что есть въ нихъ душа, и имѣютъ высокое понятіе о своей разумности, то для чего, какъ бы не имѣя души, отваживаются поступать вопреки разуму...? Или почему, какъ отступили отъ Бога, такъ паки не прибѣгнутъ къ Нему? Какъ отвратились они мыслию отъ Бога, и не сущее стали представлять себѣ богами, такъ могутъ возвыситься умомъ души своей и снова обратиться къ Богу. Обратиться же къ Богу будетъ для нихъ возможно, если свергнутъ съ себя скверну всякаго вожделѣнія ³⁾, въ какую облеклись, и въ такой мѣрѣ омоются, что отринуть все чуждое ду-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 50.

²⁾ Тамъ-же, стр. 55.

³⁾ Разумѣетъ скверну грѣха.

шѣ и въ нее привзошедшее, представляютъ же ее чистою отъ всякихъ примѣсей, какою она была сотворена; и такимъ образомъ прійдутъ въ состояніе созерцать въ ней Отчее Слово, по Которому сотворены въ началѣ. Ибо созданы мы по образу и подобію Божию ¹⁾).

Признаетъ св. Аѳанасій доступнымъ для язычниковъ и другой путь, ведущій къ истинному богопознанію. „Если, говоритъ онъ, ученіе души не достаточно, потому что умъ ея омрачается виѣшнимъ и не видитъ она лучшаго, то вѣдѣніе о Богѣ можно также заимствовать отъ видимаго; потому что тварь порядкомъ и стройностью, какъ бы письменами, даетъ уразумѣть и возвѣщаетъ Своего Владыку и Творца... Богъ привелъ тварь Словомъ Своимъ въ такое устройство, чтобы Его, невидимаго по естеству, могли познавать люди хотя изъ дѣлъ. И изъ порядка въ мірѣ можно познавать Творца и Создателя Его. Бога, хотя и не видимъ Онъ тѣлеснымъ очамъ...“ ²⁾). „Порядокъ доказываетъ, что есть Владычествующій... Видя порядокъ и стройность вселенной, необходимо представлять властителя вселенной Бога, и притомъ одного, а не многихъ“ ³⁾). „Если ничто не существуетъ независимо отъ Отчаго Слова небо же, и земля, и все, что на нихъ, отъ Него зависятъ,— а несмысленные люди, отвергнувъ вѣдѣніе о Немъ и благочестіе, не сущее предпочли сущему, вмѣсто дѣйствительно сущаго Бога обоготворили не сущее, служа твари вмѣсто Творца и дѣлая неразумное и злочестивое дѣло,... то подлинно это люди несмысленные и слѣпотствующие“ ⁴⁾). „Благоговѣя предъ вещами неодушевленными, язычники достойны состраданія и руководства“ ⁵⁾).

Итакъ, св. Аѳанасій приписываетъ язычникамъ только возможность или способность къ истинному богопознанію, но эта возможность такъ и оставалась безъ осуществленія, а способность безъ раскрытія. Приписывалъ онъ, или нѣтъ, по край-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 56.

²⁾ Тамъ-же, стр. 57.

³⁾ Тамъ-же, стр. 62.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 78.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 56.

ней мѣрѣ, лучшимъ язычникамъ хотя малую долю истиннаго богопознанія, хотя смутное понятіе о Единомъ Богѣ, сказать трудно. Повидимому, не приписываль, если судить по выше-приведеннымъ выдержкамъ. Однако не слѣдуетъ забывать, что эти выдержки взяты изъ сочиненія, направленнаго противъ язычниковъ, что въ вѣкъ св. Аѳанасія язычество еще продолжало быть крупной силой, оно все еще противодѣйствовало и сопротивлялось христіанству, себя считало истинной религіей, а христіанство ложной и питало къ нему тѣмъ больше вражды и ненависти, чѣмъ меньше оставалось у него надежды на побѣду. При такомъ положеніи дѣль могъ ли св. Аѳанасій, какъ и другіе Отцы Церкви, при всемъ свойственномъ имъ безпристрастіи и любви къ истинѣ, указывать положительныя стороны въ язычествѣ и выставлять на видъ что въ немъ было лучшаго? Въ особенности нельзя ожидать встрѣтить это въ ихъ полемическихъ противъ язычества сочиненіяхъ, каково „Слово на язычниковъ“. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненій св. Аѳанасія можно находить намеки на признаніе имъ въ язычествѣ нѣкотораго вѣдѣнія о Богѣ. „Истребивъ языческое, или идольское безбожіе, умолкло-ли, спрашиваетъ онъ, божественное ученіе, попустило-ли человѣческому роду являться вовсе не причастнымъ вѣдѣнія о Богѣ? Нѣтъ ¹⁾. Значитъ онъ не считалъ язычество „вовсе не причастнымъ вѣдѣнія о Богѣ“. Въ другомъ своемъ сочиненіи, въ „Словѣ о воплощеніи Бога-Слова и о пришествіи Его къ намъ во плоти“, онъ говоритъ: „Слѣдовало, чтобы въ людяхъ, *по истощаніи* въ нихъ понятія о Богѣ и по уклоненіи къ не сущему (ибо злое есть не сущее, а доброе есть сущее, какъ происшедшее отъ сущаго Бога), истощилось и продолжающееся навсегда бытіе“... ²⁾ „Но не прилично было, чтобы однажды сотворенныя разумныя существа и причастныя Слова Его погибли, и чрезъ тлѣніе опять обратились въ небытіе“ ³⁾. Существа, причастныя Слова, не могли не имѣть хотя бы смутнаго ощущенія бытія Божія.

1) Тамъ-же, стр. 75.

2) Творенія св. Аѳанасія Александрійскаго въ русскомъ переводѣ. Ч. 1, стр. 85.

3) Тамъ-же, стр. 88.

Впрочемъ это не требуетъ и доказательствъ, потому что самый фактъ существованія языческихъ религій неоспоримо доказываетъ, что у язычниковъ было ощущеніе бытія Божества и даже представленія о Его существѣ, но только они не имѣли истинныхъ понятій о Немъ.

Изъ учителей Церкви иные признавали способность людей къ естественному богопознанію столь значительной, что на основаніи нѣкоторыхъ изреченій ихъ у нихъ находятъ даже ученіе о врожденности идеи о Богѣ. Богопознаніе признается ими врожденнымъ, насажденнымъ, самороднымъ, приобрѣтеннымъ не чрезъ наученіе, даннымъ отъ Самого Бога, всажденнымъ отъ природы и т. п.

Такъ, Тертуліанъ въ сочиненіи противъ Маркіона говоритъ: „Сознаніе о Богѣ есть первоначальное приданое души и поэтому не различно у Египтянъ, у Сирійцевъ и у Понтянъ; ибо съ самаго первобытія вещей Творецъ ихъ былъ познаваемъ вмѣстѣ съ ними, такъ какъ они ѣ произведены были съ тою цѣлю, чтобы былъ познаваемъ Богъ“¹⁾. Общеизвѣстно изреченіе того же писателя: „душа по природѣ христіанка“. Тертуліанъ приписывалъ душѣ въ ея натуральномъ состояніи не только склонность, потребность и способность къ богопознанію и допускалъ развитіе ихъ чрезъ разсматриваніе твореній и приобрѣтеніе этимъ способомъ положительнаго понятія о бытіи, природѣ и свойствахъ Божіихъ и объ отношеніи Бога къ человѣку, но, повидимому, находилъ въ душѣ заложеннымъ съ самаго начала и существующимъ раньше воздѣйствія на нее внѣшняго міра нѣкотораго неяснаго представленія о Богѣ, или ощущенія бытія Его. Принимая во вниманіе не столько отрывочныя изреченія, сколько высокую оцѣнку Тертуліаномъ души, не тронутой образованіемъ, души въ ея натуральномъ состояніи, можно думать, что въ отношеніи къ богопознанію онъ не считалъ душу чистой доской (*tabula rasa*), признавалъ въ ней не одну только чисто формальную способность къ богопознанію, а нѣкоторые и положительные зачатки самого богопознанія, напримѣръ, сознаніе, хотя и смутное, что

¹⁾ Contra Markionem. I, 10.

есть высочайшее Существо, есть Первовиновникъ бытія самого человѣка и окружающаго его міра.—Климентъ Александрійскій пишетъ въ „Строматахъ“: „Повсюду всѣ существа познаютъ Отца и Творца всею силою естественной потребности, и безъ наученія“¹⁾.

Изъ этихъ и другихъ мѣстъ видно, что Отцы и учителя Церкви признавали не только способность къ богопознанію въ естественномъ человѣкѣ, но и непроизвольное проявленіе ея въ положительныхъ представленіяхъ о Богѣ, возникающихъ очень рано изнутри самой души, въ силу сродства ея съ Богомъ, въ силу присущей ей потребности богопознанія и естественнаго влеченія ея къ своему Первообразу и Творцу, при чемъ возбудителемъ этой способности и потребности является воздѣйствіе на человѣка внѣшняго міра, такъ какъ и онъ отображаетъ въ себѣ свойства Бога и творца своего и научаетъ о Немъ внимательнаго и неиспорченнаго сердцемъ наблюдателя. Это первичное, конечно, весьма несовершенное познаніе о Богѣ, отцы и учителя Церкви вмѣстѣ съ нѣкоторыми древними философиами признавали врожденнымъ,—врожденнымъ не въ смыслѣ готоваго, даннаго и твердаго понятія, или идеи, а въ смыслѣ ощущенія, или представленія, или сознанія о Богѣ, возникающаго въ душѣ силою естественной потребности. Какъ возникающее въ душѣ непроизвольно, неизбѣжно, силой самой природы души—оно врожденно, а какъ весьма несовершенное—оно отличается отъ позднѣе приобрѣтаемыхъ и изъ него, какъ изъ корня, вырастающихъ болѣе опредѣленныхъ понятій о Богѣ,—какъ неопредѣленное и несовершенное, оно не имѣетъ силы удержать богопознаніе, въ его дальнѣйшемъ развитіи, на одномъ, истинномъ, пути, и оно у разныхъ народовъ и разныхъ людей идетъ по различнымъ путямъ, большею частію весьма далекимъ отъ истины. Вотъ это-то извращеніе богопознанія, особенно если оно доходило до крайней степени, сопровождалось мерзкимъ культомъ и безнравственностію въ жизни, какъ это имѣло мѣсто въ язычествѣ, отцы и учителя Церкви и называли безбожіемъ, при чемъ у людей, погруженныхъ въ

¹⁾ Stromota. Lib. 5, cap. 4. § 260.

такое безбожіе, они не отрицали ни присутствія естественныхъ задатковъ истиннаго богопознанія, ни средствъ для достиженія его, ни даже дѣйствительнаго существованія въ ихъ ложной религіи нѣкоторыхъ, и притомъ важнѣйшихъ, религіозныхъ истинъ.

Но не одни язычники имѣли превратное богопознаніе и ложную религію, не одни они вели развращенный образъ жизни и были лишены благодатной помощи Божіей: не далеки отъ нихъ въ этомъ были и нѣкоторые носившіе имя Христіанъ. Вотъ почему иногда безбожниками называли людей созерцавшихъ или извращавшихъ основные Христіанскіе догматы, т. е. Христіанскихъ еретиковъ. Такъ, св. Игнатій Богоносецъ говоритъ: „Если Онъ (рѣчь о Сынѣ Божіемъ), какъ говорятъ нѣкоторые безбожники, т. е., невѣрующіе, родился человѣкомъ призрачно, а тѣла въ самомъ дѣлѣ не принялъ; умеръ мнимо, и въ самомъ дѣлѣ не страдалъ; то для чего же я въ узахъ и желаю бороться со звѣрми?.. Эти люди не менѣе невѣрующіе, какъ и тѣ, которые распяли Его“ ¹⁾. Здѣсь безбожниками названы гностики—докеты, глубоко извращавшіе основной догматъ христіанской вѣры—ученіе о Боговоплощеніи, а вслѣдствіе этого извращавшіе и все христіанское ученіе,—названы, какъ извратители христіанской вѣры и какъ враги истиннаго, Церковнаго христіанства. Хотя гностики причисляли себя къ христіанамъ. и даже, въ безумномъ самомнѣніи, себя однихъ только и считали истинными, высшими, духовными христіанами, но на самомъ дѣлѣ они столь далеко отошли отъ истиннаго христіанства, что, дѣйствительно были язычниками въ христіанствѣ и своимъ мнимо-христіанскимъ лжеученіемъ приносили христіанству не меньше вреда, чѣмъ прямые враги христіанства изъ среды дѣйствительныхъ язычниковъ. Но такъ какъ бытія Божія они не отрицали, то ихъ нельзя назвать безбожниками въ философскомъ смыслѣ этого слова. Они были скрытыми врагами Христа, антихристіанами, или антихристами, какъ и называетъ ихъ Св. Евангелистъ Іоаннъ Богословъ. *Многіе обольстителю, говоритъ онъ, вошли въ міръ, не испо-*

¹⁾ Пославіе къ Траллійцамъ § 10.

отъдующiе Иисуса Христа, пришедшаго во плоти: такой чело-
вѣкъ есть оболститель и антихристъ (2 Іоан. 7 ст.); и духъ
ихъ не есть, отъ Бога, но это духъ антихриста (1 Іоан. 4, 3).

Встрѣчать названiе еретиковъ безбожниками у другихъ от-
цовъ и учителей Церкви намъ не приходилось. Но вообще
еретическія заблужденiя они признавали болѣе вредными, не-
жели ложныя мнѣнiя языческихъ философовъ. Такую мысль
высказываетъ, напр., блаженный Теодоритъ въ своемъ сочине-
нiи: „Сокращенное изложенiе Божественныхъ догматовъ“.

Въ новое время безбожниками называли даже протестан-
товъ за непочитанiе ими Богоматери и святыхъ ¹⁾. Но, оче-
видно, это было увлеченiе, вызванное враждой католиковъ про-
тивъ протестантовъ, которое въ первый періодъ реформаци
переступало предѣлы приличiя. Въ настоящее время даже и
фанатичные католики едва-ли рѣшатся называть протестан-
товъ безбожниками.

Въ новѣйшее время названъ былъ безбожникомъ, въ каче-
ствѣ открытаго врага христіанства, Вольтеръ. Хотя ему при-
писываютъ фразу: „если-бы не было Бога, то нужно было бы
выдумать Его“, показывающую, что онъ не отрицалъ истины
бытiя Божiя и благодѣтельнаго влiянiя религиі на нравы, осо-
бенно на поведенiе простолюдиновъ, и хотя онъ, если упомя-
нутую фразу признать не случайной мыслию его нефилософ-
скаго ума, а выраженiемъ его убѣжденiя,—былъ скорѣе дей-
стомъ, нежели атеистомъ; однако онъ столь далеко заходилъ
въ издѣвательствѣ надъ христіанствомъ и Библией, столько
христіанскихъ душъ отравилъ ядомъ невѣрiя, столько зла при-
чинилъ христіанской Церкви, будучи явнымъ и злѣйшимъ вра-
гомъ Христа и христіанства, что его не только по справед-
ливости называли безбожникомъ, но и самое имя его надолго
сдѣлалось синонимомъ безбожiя. По крайней мѣрѣ у насъ въ
Россiи до половины текущаго вѣка въ обыденной рѣчи невѣ-
рующихъ называли „волтерьянцами“. Впрочемъ, принимая во

¹⁾ Max. Müller-Natürliche Religion. Gifford-Vorlesungen gehalten von der
Universität Glasgow im Jahre. 1888. S. 219.

вниманіе вышеприведенныя слова Вольтера и чтобы отличить его отъ тѣхъ, которые хотя и отрицали бытіе Бога и опровергали истины религіи, но не позволяли себѣ насмѣхаться надъ ними, его слѣдовало бы назвать не безбожникомъ, а богохульникомъ, что болѣе соотвѣтствовало-бы его образу мыслей, исполненному циническаго неуваженія ко всему святому, и налагало бы на него болѣе позорное клеймо, нежели имя безбожника.

Между тѣмъ какъ поклонники истинной религіи и обладающіе истиннымъ богопознаніемъ называютъ безбожниками враговъ истинной религіи, отступниковъ отъ нея, а также не правомыслящихъ о Богѣ, бывали случаи, что и, наоборотъ, люди съ возвышенными и чистыми понятіями о Богѣ, или исповѣдывавшіе истинную религію были обвиняемы въ безбожіи со стороны тѣхъ, которые сами имѣли иныя, ложныя, понятія о Богѣ, ложную религію. Такъ, греки въ классическую эпоху подозрѣвали и обвиняли въ безбожіи тѣхъ философовъ, которые признавали сказанія о богахъ и народную религію вымысломъ поэтовъ, — обвиняли въ безбожіи, не смотря на то, что они провозглашали истину бытія единого Бога и имѣли о Немъ гораздо болѣе совершенное понятіе, нежели обличители ихъ. Сократъ, Платонъ, Анаксагоръ подвергались обвиненію въ безбожіи со стороны своихъ соотечественниковъ, объятыхъ мракомъ языческаго лжевѣрія. Но съ ихъ точки зрѣнія это обвиненіе было вполне естественно: они вѣровали въ бытіе своихъ боговъ и въ истинность своей религіи и потому всякаго, отрицавшаго бытіе первыхъ и истинность послѣдней, они не могли не признать безбожникомъ. Аналогичный этому примѣръ представляли римляне, взводившіе на христіанъ, когда христіанство только что явилось, обвиненіе въ безбожіи за то, что они не поклонялись идоламъ, не признавали языческихъ боговъ за боговъ и, какъ думали, не имѣли даже никакой религіи. Впрочемъ, язычники не обвиняли въ безбожіи другихъ язычниковъ, имѣвшихъ религію, хотя и неодинаковую съ ихъ религіей, но не отрицавшихъ послѣдней. Слѣдовательно, они называли безбожіемъ собственно не иновѣріе, а иновѣріе, соединенное съ отрицаніемъ ихъ религіи, или же отрицаніе всякой вообще ре-

лиги. Св. Іустинъ мученикъ доказывалъ римскимъ императорамъ, что христіанъ можно назвать безбожниками только въ первомъ значеніи, но отнюдь не во второмъ. „Насъ называютъ безбожниками, говоритъ онъ, и сознаемся, что мы безбожники въ отношеніи къ такимъ лживымъ богамъ (т. е. языческимъ), но не въ отношеніи къ Богу истиннѣйшему“¹⁾.

Близки къ безбожникамъ такъ называемые скептики. Скептицизмъ есть недовѣріе къ познавательнымъ способностямъ человѣка, доходящее въ крайней своей формѣ, въ абсолютномъ скептицизмѣ, до совершеннаго отрицанія возможности человеку познать что бы то ни было. При абсолютномъ скептицизмѣ, само собой понятно, отрицается и возможность, богопознанія. Такого рода скептики были въ древней греціи, каковы Пирронъ и софисты. Другой видъ скептицизма, скептицизмъ относительный, допускаетъ только чувственно-опытное познание, но отрицаетъ возможность познанія бытія сверхъчужественнаго, отрицаетъ вообще всякое познание, кромѣ добываемаго посредствомъ внѣшняго опыта, отрицаетъ метафизику. Ясно, что и относительный скептицизмъ не допускаетъ возможности богопознанія. Представителями относительнаго скептицизма въ прошломъ столѣтіи былъ Юмъ, къ которому отчасти примыкаетъ и Кантъ, а въ нынѣшнемъ столѣтіи—позитивисты, во главѣ которыхъ стоятъ Огюсть Контъ, Джонъ Стюартъ Милль и Гербертъ Спенсеръ. Два послѣднихъ мыслителя прямо признаютъ Высочайшее Существо *непознаваемымъ*; отсюда ихъ ученіе о Богѣ получило названіе *агностицизма* (agnosticism). Но какое же можетъ быть ученіе о Высочайшемъ Существомъ у позитивистовъ, когда они отрицаютъ возможность познанія Его? Фактъ существованія у нихъ ученія, хотя и очень скуднаго, о Высочайшемъ Существомъ объясняется ихъ непослѣдовательностію. Скептики, какъ абсолютные, такъ и относительные, если только они остаются вѣрны основному положенію своей философіи, ничего не могутъ сказать не только о свойствахъ Высочайшаго Существа, но даже о самомъ бытіи Его. На вопросъ о бытіи Бога они не могутъ отвѣчать ни утвердительно, ни

¹⁾ Первая апологія, § 6.

отрицательно, потому что тотъ и другой отвѣтъ ихъ означалъ бы, что они знаютъ нѣчто о Богѣ, а это въ корнѣ подрывало бы ихъ философію. Вообще ихъ философія не даетъ имъ права сказать что бы то ни было о Богѣ, кромѣ того, что они ничего не знаютъ о Немъ. Но остаться послѣдовательнымъ скептикомъ очень трудно, даже невозможно. Изреченіе: „я знаю только то, что ничего не знаю,“ выражающее абсолютный скептицизмъ, есть въ то же время самоопроверженіе скептицизма. Обыкновенно скептики оказываются знающими и многое другое, кромѣ факта своего незнанія. Многие позитивисты непослѣдовательны, отступаютъ отъ началъ своей философіи въ частности и по вопросу о богопознаніи. Такъ, Джонъ Стюартъ Милль не только разсуждаетъ о Богѣ, безсмертіи души и откровеніи, но даже допускаетъ, что человѣкъ можетъ имѣть представленіе о Богѣ, какъ существѣ безконечномъ и абсолютномъ, самъ, хотя, быть можетъ, и предположительно, признаетъ бытіе Бога и творца и придаетъ нѣкоторое научное значеніе телеологическому и космологическому доказательствамъ бытія Божія. По его мнѣнію, о бытіи Бога и Его свойствахъ мы можемъ доходить путемъ аналогіи. Эти основные вопросы и предметы религіи онъ обсуждаетъ въ предсмертномъ сочиненіи: „Три опыта о религіи“ (Three Essays on Religion), въ которомъ онъ особенно далеко отступилъ отъ началъ позитивизма. Гербертъ Спенсеръ также допускаетъ бытіе Существа Высочайшаго, которое онъ называетъ Непознаваемымъ, или не постижимымъ. Силой и другими именами. Впрочемъ не слѣдуетъ опускать изъ виду, что позитивисты, какъ и вообще скептики, въ однихъ мѣстахъ своихъ сочиненій допускаютъ то, что въ другихъ отрицаютъ. Вообще возрѣніе на Высочайшее Существо выражается у нихъ до крайности неопредѣленно, такъ что трудно сказать, признаютъ они бытіе Его, или отрицаютъ, и какъ понимаютъ Его. Очень трудно опредѣлить ихъ настоящій образъ мыслей и не возможно сказать, насколько далеки они отъ вѣры въ Бога и насколько близки къ безбожію ¹⁾).

¹⁾ Не даромъ Брентаво въ сочиненіи: «Древніе и современные софисты», называетъ позитивистовъ современными софистами. Сочиненіе это переведено на русскій языкъ Я. Новицкимъ.

По принципу скептики и въ частности позитивисты не могутъ ни отрицать, ни допускать бытія Божія, т. е., по принципу они не могутъ имѣть вѣры въ Бога, но съ другой стороны не имѣютъ основанія быть и положительными атеистами. Въ дѣйствительности же болѣе послѣдовательные скептики и позитивисты, какъ напр., Огюсть Контъ, отъ безбожниковъ отличаются развѣ только тѣмъ, что не говорятъ прямо и дерзко, что Бога нѣтъ. Но даже и непослѣдовательные скептики и позитивисты во всякомъ случаѣ отрицаютъ религію, такъ что и имъ можно приписывать по крайней мѣрѣ относительное безбожіе. Въ лучшемъ смыслѣ они, какъ Джонъ Стюартъ Милль, стоятъ на распутіи между вѣрой и невѣріемъ; сердце въ лучшія минуты жизни влечетъ ихъ къ вѣрѣ, а односторонне направленный разсудокъ и заимствованное или выработанное ученіе направляютъ ихъ въ сторону невѣрія. Скептики и позитивисты—ни вѣрующіе, ни невѣрующіе, но почти всѣ они гораздо ближе къ послѣднимъ, нежели къ первымъ.

Среди не философовъ и не ученыхъ близки къ скептикамъ тѣ, которые, по недостатку твердаго и широкаго образованія, по слабости ума и лѣности, сами не изслѣдывали и не рѣшали вопроса о бытіи Божіемъ, но совершенно равнодушны къ религіи и не имѣютъ ея, а вопросъ о бытіи Божіемъ замалчиваютъ, склоняясь, однако, больше въ сторону сомнѣнія и непризнанія, нежели признанія бытія Божія. Причинами такого полнаго религіознаго индефферентизма, близкаго къ невѣрію, бываютъ противорелигіозный и матеріалистическій духъ времени, легкомысленное увлеченіе новоявившимися противорелигіозными ученіями и тщеславное желаніе не прослыть людьми отсталыми, отсутствіе? какого бы то ни было религіознаго воспитанія и развитія, вліяніе настоящихъ безбожниковъ, открыто стать на сторону которыхъ, однако, не рѣшаются эти мелкодушные и слабохарактерные люди. Огромное большинство невѣрующихъ состоитъ именно изъ такихъ, жалкихъ въ своемъ скудоуміи и слабоволіи, полуученыхъ или недоученыхъ людей. Въ концѣ концовъ одни изъ нихъ, напыщенные знаніемъ „послѣднихъ словъ науки,“ мало по малу стано-

вятся на сторону невѣрія, другіе, подъ вліяніемъ какихъ либо важныхъ событій въ жизни, чаще подъ вліяніемъ страха въ виду приближающейся смерти, или же вслѣдствіе паденія теорій, которымъ они поклонялись и поворота въ духѣ времени, возвращаются къ вѣрѣ.

Мы видѣли, что на не философскомъ языкѣ безбожниками называются не одни только отрицатели бытія Божія и не отрицатели только религіи, признающіе бытіе Бога, но имя безбожія примѣняется также и къ извращеннымъ видамъ богопознанія и къ религіямъ, мнимо или дѣйствительно ложнымъ, равно какъ и къ глубоко-безнравственному образу жизни. Но между тѣмъ какъ многіе по разнымъ обстоятельствамъ слишкомъ расширяютъ понятіе о безбожии, относя къ нему и тѣ направленія духовной жизни человѣка, которыя только близки или предрасполагаютъ къ безбожію, по не тождественны съ нимъ, — другіе, напротивъ, до крайности суживаютъ понятіе о безбожіи. Такъ, нѣкоторые именемъ безбожія означаютъ только отрицаніе какого бы то ни было безусловнаго начала. При такомъ взглядѣ даже и строгій матеріализмъ нельзя назвать безбожіемъ, потому что онъ въ матеріи, соединенной съ силой, видитъ безусловное начало всего Бытія; при такомъ взглядѣ теоретическаго, философскаго безбожія совсѣмъ не можетъ быть, потому что всякая философія допускаетъ какое нибудь безусловное начало, въ такое или иное отношеніе къ которому она и поставляетъ все существующее, а философія, не признающая никакого безусловнаго начала, уничтожаетъ сама себя и перестаетъ быть философіей. Съ этой точки зрѣнія допускается только одно практическое безбожіе, обнаруживающееся въ тѣхъ „нефилософскихъ головахъ“, которыя, извративши всѣ высшія стороны человѣческой природы, все то, что сближаетъ человѣка съ Абсолютнымъ Существомъ, вѣчно вращаются въ чувственности и пресмыкаются въ низменностяхъ реализма. Это какъ-бы не люди, а подобія животныхъ. Такого взгляда на безбожіе держится извѣстный историкъ философіи Куно-Фишеръ.

Другіе въ ограниченіи понятія безбожія идутъ еще дальше и утверждаютъ, что настоящее безбожіе совсѣмъ не возможно

и его никогда и нигдѣ не было, что отрицающіе Бога языкомъ внутренно признаютъ Его бытіе, что безбожіе есть недоразумѣніе, самообманъ.

Какъ ни странны эти два взгляда на безбожіе, оба они имѣютъ долю правды.

Что касается, прежде всего, до мнѣнія Куно-Фишера, то въ пользу его можно привести два косвенныхъ основанія. Во первыхъ, почти всѣ безбожники изъ числа ученыхъ и философовъ замѣняли отвергнутаго ими Бога какимъ-нибудь подобіемъ Его, напр., идеей міра, или силы и матеріи, или душой міра, или идеальнымъ человѣкомъ, идеальнымъ разумомъ и т. п., снабжали этотъ образъ свойствами Божества и иногда относились къ нему съ такимъ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ, что это напоминаетъ религіозное отношеніе къ Богу. Такъ, напр., позитивисты, отринувши истинную религію, стали выдумывать вмѣсто нея поклоненіе всему, что есть лучшаго въ человѣчествѣ, — человѣческому разуму, человѣческимъ добродѣтелямъ, поклоненіе идеальному человѣку. Во-вторыхъ, не смотря на то, что среди безбожниковъ бывали люди ученые и мыслящіе и даже философы, однако никто изъ нихъ не сумѣлъ составить научной или философской системы безбожію. Они ограничиваются только критикой доказательствъ бытія Божія, существованія и безсмертія души и творенія міра и Промысла и другихъ важнѣйшихъ религіозно-философскихъ истинъ, но никто изъ нихъ не только не создалъ положительной системы безбожія, но и не представилъ ни одного положительнаго довода, что Бога нѣтъ. Они только отрицаютъ, но не созидаютъ. Уже это одно не свидѣтельствуетъ ли о ненаучности и нефилософичности безбожія? Трудно доказать, что Богъ есть, но еще труднѣе, а лучше сказать, не возможно доказать, что Его нѣтъ. И замѣчательно, что за вторую, истинно бесплодную и безразсудную работу не брались великіе умы. Геніальность не уживается съ безбожіемъ. Геній творитъ, а не разрушаетъ; а если что онъ и отрицаетъ, то для того, чтобы создать лучшее, и уже по этой причинѣ онъ не можетъ стать на сторону безбожія. Геній и безъ изслѣдованія и опытовъ

внутреннимъ чутьемъ познаеть и открываетъ истину; одного этого чутья истины достаточно, чтобы онъ почувствовалъ и понялъ ложь и безразсудство безбожія. Переберите въ своемъ умѣ великихъ поэтовъ, художниковъ, ораторовъ, какъ въ древности, такъ и въ новыя времена и вы затруднитесь указать среди нихъ безбожниковъ; перечислите знаменитѣйшихъ философовъ—вы найдете между ними пантеистовъ и дуалистовъ, но не встрѣтите атеистовъ; припомните первоклассныхъ ученыхъ всѣхъ странъ и временъ—и въ великомъ числѣ ихъ едва найдете трехъ-четырехъ, близкихъ къ невѣрію. Въ числѣ безбожниковъ можно отыскать ученыхъ, но немногихъ и не перво-степенныхъ, можно указать писателей, но посредственныхъ, можно найти мыслителей, но не геніевъ.

Что касается до втораго мнѣнія, то съ перваго раза оно можетъ показаться нелѣпостію. Повидимому, можно-ли не признать настоящими безбожниками тѣхъ, которые во всю жизнь прямо, явно и упорно отрицають бытіе Божіе? Это правда. Но, съ другой стороны, самое отрицаніе истины бытія Божія служитъ невольнымъ подтвержденіемъ ея. Если бы Бога дѣйствительно не было, то ни у кого не могло бы возникнуть и представленія о Немъ, никто и никогда ни утверждалъ-бы, ни отрицалъ-бы Его существованія. Отрицаніе бытія какого-бы то ни было предмета предполагаетъ по меньшей мѣрѣ возможность его бытія, чего не могутъ не признать и сами невѣрующіе. Нѣкоторые изъ нихъ (Руге) предлагаютъ не приводить доказательствъ противъ бытія Божія, а просто забыть Бога. Но легко сказать—забыть, да не легко, а правильнѣе—невозможно это сдѣлать. Богъ все пропитаетъ и все наполняетъ Собою. Въ частности человѣческая природа до такой степени проникнута ощущеніемъ Его бытія, что совершенно отрѣшиться отъ Бога, совсѣмъ забыть о Немъ, вытравить изъ себя всякій слѣдъ Его бытія, изгнать самую мысль и память о Немъ человѣкъ не въ состояніи, сколько бы онъ ни усиливался достигнуть этой страшной и безумной задачи. На душѣ человѣка лежитъ неизгладимая печать ея Творца, и окончательно выскоблить эту печать такъ же невозможно, какъ не

мыслимо убить самую душу. Если сознание Бога и мысль о Немъ никогда не могутъ быть вытравлены изъ человѣка окончательно и совершенно, то, дѣйствительно, съ этой точки зрѣнія безбожіе есть жалкій самообманъ и корениное самопротиворѣчіе, такъ что невольно приходишь къ убѣжденію, что безбожниками могутъ быть только или ослѣпленные и поработанные страстію, или обезумѣвшіе, или мыслящіе и дѣйствующіе подъ вліяніемъ злого духа, вообще люди съ извращеннымъ образомъ мысли и жизни, ненормальные.

Александръ Бъляевъ.

(Продолженіе будетъ).

Историческія данныя для опредѣленія хронологіи евангельскихъ событій.

(Окончаніе *).

II.

Исповѣствіе Іисуса Христа на общественное служеніе въ Галилеи.

Одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ при опредѣленіи хронологіи евангельскихъ событій, есть опредѣленіе эпохи, когда Іоаннъ Креститель, будучи заключенъ въ темницу Иродомъ, прекращаетъ свою проповѣдь и оставляетъ Іисуса Христа одного среди Его мессіанской дѣятельности.

Эта эпоха такъ важна, что три первые евангелиста отсюда начинаютъ свой сходный разсказъ объ общественной жизни Іисуса Христа. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно сравнить три параллельныя мѣста свв. Маттея, IV, 12, 17, Марка, I, 14 и Луки, IV, 14: „Услышавъ же Іисусъ“, говоритъ св. Маттею, „что Іоаннъ отданъ подъ стражу, удалился въ Галилею“. Св. Маркъ говоритъ: „Послѣ же того, какъ былъ преданъ Іоаннъ, пришелъ Іисусъ въ Галилею, проповѣдуя Евангеліе царствія Божія“. И, наконецъ, св. Лука пишетъ: „И возвратился Іисусъ въ силѣ духа въ Галилею, и разнеслась молва о Немъ по всей окрестной странѣ“.

Безъ сомнѣнія, могутъ замѣтить, что св. Лука не упоминаетъ, подобно двумъ другимъ евангелистамъ, въ приведенномъ нами стихѣ о заключеніи Іоанна Крестителя въ темницу; но

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1891 г., № 14.

онъ говорилъ уже объ этомъ выше (III, 19, 20), что позволяетъ ему не повторяться еще разъ здѣсь; между тѣмъ какъ св. Матѳей (XIV, I, 12) и св. Маркъ (VI, 14, 29) должны были рассказать о подробностяхъ этого заключенія нѣсколько позже, мимоходомъ, по поводу тетрарха Ирода, который приведенъ былъ въ безпокойство возрастающей славой Иисуса.

Если по тремъ синоптическимъ Евангеліямъ общественная жизнь Учителя дѣйствительно началась только въ тотъ день, когда Іоаннъ Креститель былъ заключенъ въ темницу, то, опредѣливъ время второго событія, мы опредѣлимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и время перваго. Каждый теперь легко можетъ видѣть всю важность достиженія подобнаго результата.

По свидѣтельству синоптическихъ Евангелій, заключеніе Іоанна Крестителя совпадаетъ съ возвращеніемъ Иисуса въ Галилею. Узнавъ о преданіи Предтечи, говорятъ они, Иисусъ покинулъ Іудею и прибылъ въ Галилею. Отсюда, если можно опредѣлить время возвращенія Иисуса въ Галилею, то въ то же время можно будетъ опредѣлить и время заключенія Іоанна Крестителя.

Четвертое Евангеліе относительно этого пункта, какъ и относительно многихъ другихъ, даетъ намъ неожиданное освѣщеніе.

Въ главѣ VI, 1 св. Іоаннъ приводитъ Иисуса Христа въ Галилею послѣ путешествія, упоминаемаго въ V главѣ,—путешествія, которое было обусловлено какимъ-то праздникомъ, котораго названіе у него не приведено. Весьма важно опредѣлить, что это былъ за праздникъ; потому что іудеи праздновали свои праздники въ опредѣленные дни, и, узнавши праздникъ, мы въ состояніи будемъ на этомъ основаніи опредѣлить день и мѣсяцъ этого праздника. Поелику же, какъ намъ извѣстно уже, праздникъ этотъ происходилъ раньше 15-го Нисана 782 г. отъ основанія Рима, то опредѣленіе праздника укажетъ намъ и годъ, который мы ищемъ.

Экзегетическое толкованіе стиха 1, главы V евангелиста Іоанна дало мѣсто появленію различныхъ предположеній среди толковниковъ.

Одни, какъ св. Иринеи, Рюпертъ, Янсений, Толеть, Лукасъ, Корнелій, Лапьеръ, видѣли въ непоименованномъ праздникѣ

Пасху; другіе же, какъ св. Златоустъ, Кирилль, Теофилактъ, Евфимій, Мальдонатъ видѣли въ немъ Пятидесятницу; иные же, наконецъ, какъ-то: Кеплеръ, Пето, Лами, Толюкъ, Анжеръ, Визелеръ, толковали его въ смыслѣ праздника Пуримъ.

Мы присоединяемся къ этому послѣднему мнѣнію, и вотъ на какихъ основаніяхъ мы это дѣлаемъ.

Во-первыхъ, если бы св. Іоаннъ хотѣлъ обозначить одинъ изъ великихъ іудейскихъ праздниковъ: Пасху, Пятидесятницу, Поставленіе кущей, то онъ назвалъ бы его, безъ сомнѣнія, его настоящимъ именемъ. И его Евангеліе не разъ даетъ тому доказательства. Такъ, когда дѣло идетъ о Пасхѣ, то онъ называетъ ее въ точныхъ выраженіяхъ τὸ πάσχα ¹⁾. И онъ употребляетъ выразіе ἡ ἑορτή, праздникъ, только въ томъ случаѣ, когда самого контекста достаточно, чтобы дать этому неопредѣленному выраженію точный смыслъ ²⁾.

Равнымъ образомъ, онъ называетъ своимъ настоящимъ именемъ и праздникъ Поставленія кущей ἡ σκηνοπηγία ³⁾. Онъ же пользуется и выраженіемъ ἡ ἑορτή, чтобы обозначить этотъ же праздникъ; но уже контекстъ не позволяетъ ошибаться относительно этого обозначенія.

Наименованія, которыя онъ употреблялъ для Пасхи и для праздника Поставленія кущей, безъ всякаго сомнѣнія, онъ употребилъ бы и для Пятидесятницы, если бы ему пришлось упоминать о ней. А если текстъ св. Іоанна не уполномочиваетъ насъ видѣть одинъ изъ большихъ праздниковъ въ томъ праздникѣ, на который неопредѣленно указывается въ V главѣ, то намъ ничего болѣе не остается, какъ признать въ немъ праздникъ Пуримъ.

Во-вторыхъ, одна хронологическая частность, мимоходомъ сообщенная евангелистомъ въ рассказѣ о послѣднемъ путешествіи Іисуса чрезъ Самарію, даетъ намъ возможность приблизиться къ рѣшенію интересующаго насъ вопроса. Іисусъ сказалъ своимъ ученикамъ: „Не говорите ли вы, что еще четыре мѣся-

¹⁾ Іоан. II, 13, 23; VI, 4; XI, 55; XII, 1; XIII, 1.

²⁾ Іоан., IV, 45; см. II, 23; XI, 56; XII, 12.

³⁾ Іоан., VII, 2.

ца и наступитъ жатва? А Я говорю вамъ: возведите очи ваши и посмотрите на нивы, какъ онѣ уже побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ". (Іоан., IV, 35). Слова „еще“ ἔτι, и ἤδη, „уже“, показываютъ достаточно ясно, что здѣсь фактъ обозначается не народною пословицею, а простымъ указаніемъ времени. Но у іудеевъ жатва открывалась 16-го Низана, послѣ торжественнаго жертвоприношенія „Гомеръ“, священнаго снопа. Отсчитывая четыре мѣсяца назадъ, мы прійдемъ къ мѣсяцу Кислевъ въ простые годы и къ мѣсяцу Тебетъ въ прибавочные (intercalaire) годы; но 782 г. былъ прибавочнымъ годомъ, а потому мы приходимъ къ мѣсяцу Тебетъ. Праздникъ Освященія храма уже прошелъ, и до Пасхи 782 г. оставался изъ другихъ іудейскихъ праздниковъ только праздникъ Пуримъ, который праздновался въ этомъ году 14-го числа второго Адара, за мѣсяць до Пасхи.

Этотъ то праздникъ и указанъ св. Іоанномъ въ V главѣ. И дѣйствительно, въ главѣ VI, 4, говоря о возвращеніи Іисуса въ Галилею послѣ путешествія Его на праздникъ Пуримъ, онъ тщательно присовокупляетъ: „Пасха была близка“.

Тѣ, которые хотятъ во что бы то ни стало видѣть праздникъ Пасху въ разсматриваемомъ нами стихѣ, наталкиваются на недопустимую невѣроятность. Такъ какъ Іисусъ не пошелъ въ Іерусалимъ, но остался въ Галилеѣ при приближеніи Пасхи, и такъ какъ, по св. Іоанну (VII, 2), Онъ возвратился въ Іудею только къ празднику Поставленія кущей, то отсюда слѣдуетъ, что во время Своей общественной жизни Іисусъ провель полтора года, не появляясь въ Іерусалимѣ.

Сравненіе и параллельное изученіе четвертаго Евангелія и трехъ синоптическихъ приводятъ насъ къ тому же заключенію.

Путешествіе Іисуса Христа въ Галилею, о которомъ говоритъ св. Іоаннъ въ главѣ VI, 1, соотвѣтствуетъ возвращенію Его въ Галилею, упоминаемому свв. Матеемъ (IV, 12), Маркомъ (I, 14) и Лукою (IV, 14). Полное синхронистическое сходство четырехъ евангелій покоится на этомъ соотвѣтствіи. Если же пожелали бы видѣть Пасху въ праздникѣ, упоминаемомъ въ V главѣ, то все синхронистическое сходство было бы разрушено. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ св. Іоаннъ упоминаетъ о

второй Пасхѣ въ главѣ VI, 4, то выходитъ, что къ этому времени должно исполниться два года общественной жизни Иисуса, тогда какъ синоптическія Евангелія насчитываютъ только одинъ годъ.

Напротивъ того, съ признаніемъ въ данномъ мѣстѣ праздника Пуримъ, все приходитъ въ гармонію. Синоптическія Евангелія повѣствуютъ, послѣ прибытія Иисуса въ Галилею, о событіи съ колосьями, растертыми руками учениковъ Его; это событіе тоже предполагаетъ близость Пасхи, приближеніе мѣсяца Низана, между тѣмъ какъ св. Іоаннъ говоритъ объ этомъ въ ясныхъ выраженіяхъ: „Приближалась Пасха“. (VI, 4).

Наконецъ, если Иисусъ Христосъ умеръ послѣ распятія въ пятницу, 15-го Низана 783 года, какъ это мы докажемъ; то невозможно видѣть въ праздникѣ, указанномъ главой V, 1, другого чего, какъ только праздникъ Пуримъ.

Въ самомъ дѣлѣ, первая Пасха во время общественной жизни Иисуса, упоминаемая въ главѣ II, 13, должна быть отнесена къ 781 г.; вторая, которая была упомянута въ главѣ VI, 4, къ 782 г. Поэтому праздникъ, на который сдѣланъ намекъ въ главѣ V, 1, не можетъ быть Пасхой; онъ можетъ быть только праздникомъ, предшествовавшимъ Пасхѣ 782 года. Но стихъ 35, главы IV приводитъ насъ ко времени послѣ праздника Освященія Храма: а такъ какъ между праздникомъ Освященія Храма и Пасхою нѣтъ другого праздника кромѣ праздника Пуримъ, то именно его и нужно разумѣть подъ неопредѣленнымъ наименованіемъ праздника, каковымъ наименованіемъ воспользовался св. Іоаннъ.

Четвертое Евангеліе дѣлаетъ еще замѣчаніе, что этотъ праздникъ приходился въ субботу; вотъ новая подробность, подтверждающая наше заключеніе. Пасха 782 г. приходилась въ понедѣльникъ, 18-го апрѣля; но такъ какъ праздникъ Пуримъ праздновался въ этомъ прибавочномъ году 14-го Беадара, то для опредѣленія дня этого праздника достаточно отсчитать тридцать дней, начиная отъ 18-го апрѣля (т. е. отъ дня Пасхи 782 г.); это и приведетъ насъ къ 14-му Беадару въ субботу. Никакой другой праздникъ въ этомъ году не приходится въ субботу.

Нѣкоторые писатели ¹⁾ думали найти въ этомъ замѣчаніи св. Іоанна рѣшительное указаніе, опровергающее предположеніе о праздникѣ Пуримъ; именно утверждали, что по правиламъ іудейскаго календаря праздникъ этотъ никогда не долженъ былъ приходиться въ субботу. Но это ошибка.

Они, очевидно, смѣшали старый календарь съ тѣмъ, который былъ введенъ позже. Подъ вліяніемъ фарисейскаго духа, въ этотъ послѣдній календарь было внесено множество новыхъ правилъ. И въ силу этихъ то новыхъ правилъ, начало которыхъ не восходитъ далѣе третьяго или четвертаго столѣтія, нѣкоторые праздники и не могли болѣе праздноваться въ извѣстные дни. Напр., Пасха не должна была праздноваться въ пятницу. Но этого не было еще во времена Іисуса, и такъ какъ Пасха въ томъ году, когда Онъ былъ распятъ, точно падала на пятницу: то и праздникъ Пуримъ могъ прійтись въ теченіе общественной жизни Іисуса Христа въ субботній день. Дѣло такъ ясно, что Мишна прямо говоритъ, что 14-го Адара или Беадара могло приходиться въ субботу; но въ такомъ случаѣ нужно было отлагать на другой день чтеніе „Мегиллахъ“, священнаго свитка, т. е. книгу Есфирь ²⁾.

Что такое этотъ праздникъ Пуримъ?

Праздникъ Жребія, по еврейски *Пуримъ* (Есѳ., IX, 26 и сл.), былъ названъ такъ отъ слова *pur* (рокъ), персидскаго происхожденія. Семьдесятъ толковниковъ переводили его чрезъ *φρουραί*, и Іосифъ (*Древн.*, XI, 6, 16) сохранилъ это выраженіе: *ἡμέρας φρουραίου*.

Греческое слово, принятое семьюдесятью толковниками, кажется скорѣе происходить отъ еврейскаго *para* (ломать, разбивать) или *pur* (кусокъ, часть или жребій), чѣмъ отъ персидскаго. Этотъ праздникъ былъ установленъ съ цѣлью увѣковѣчить память объ освобожденіи іудеевъ Есфирью при царѣ Ассуйрѣ. Онъ праздновался 14-го Адара и въ прибавочные годы 14-го Беадара. Общественное богомоленіе и строгій постъ, которому подвергались даже дѣти отъ 13-лѣтняго воз-

1) Roland, *Antiq. sacr.*, IV, 9. *De festo Purim.*

2) *Traité Megillah.*

раста, открывали этотъ праздникъ. Еще наканунѣ собирались въ синагогахъ, гдѣ при освѣщеніи лампъ, въ моментъ появленія звѣздъ, читали книгу Есфирь, Мегиллахъ, священный свитокъ, не пропускавая ничего.

Въ день самаго праздника, утромъ, происходило снова чтеніе книги Есфирь, предшествуемое повѣствованіямъ о пораженіи Амалекитянъ (*Исл., XVII*).

Затѣмъ возвращались по домамъ, и день проходилъ въ играхъ, пиршествахъ и различныхъ увеселеніяхъ. Раздавалась обильная милостыня, чтобы и бѣдные могли принять участіе въ общей радости.

Не рѣдко этотъ праздникъ былъ оскверняемъ разнаго рода крайностями, переходившими въ настоящія вакханаліи. Кромѣ того, іудеи прибавили къ числу увеселеній этого праздника одну мрачную частность. Они воздвигали висѣлицу, вѣшали на ней человѣческое чучело, которое называли Аманомъ, по имени того человѣка, который хотѣлъ погубить персидскую колонію іудевъ, и кончали свой праздникъ разложеніемъ подъ висѣлицею огня, сжигавшаго воображаемаго ими преслѣдователя.

На эти крайности и въ особенности на тотъ духъ мстительности, который іудеи съ такою силою выказали противъ язычниковъ, нѣкоторые писатели указывали какъ на серьезное препятствіе къ тому, чтобы Іисусъ могъ прійти въ Іерусалимъ въ это время.

Однако забываютъ, что эти безпорядочныя крайности ничего не отнимаютъ отъ самаго праздника, отъ его характера, священнаго для сердца истинныхъ израильтянъ. Онъ оставался для нихъ національнымъ праздникомъ; онъ напоминалъ имъ объ одномъ изъ величайшихъ событій, когда милосердіе Божіе излилось на народъ Божій.

Почему же истинный Спаситель іудеевъ и всего міра отказался бы праздновать избавленіе Израиля? Праздникъ Жребія, развѣ онъ не былъ праздникомъ бѣдныхъ, когда щедрость богатыхъ изобильно проявлялась въ пропитаніи бѣдныхъ? Почему же истинный другъ бѣдныхъ не пришелъ бы въ эти дни, когда бѣдные, которыхъ Онъ всегда предпочиталъ всѣмъ другимъ, находились въ изобиліи и радости?

Извѣстное замѣчательное мѣсто у Іосифа о путешествіи Ирода Антипы въ Римъ (*Древн.*, XVIII, 5, 1, 2), хорошо истолкованное, также можетъ указывать на время, которое мы назначаемъ для заключенія въ темницу Іоанна Крестителя. Въ самомъ дѣлѣ, весьма вѣроятно, что строгій Пророкъ не замедлилъ высказаться противъ соблазна, произведеннаго Иродомъ Антипою, когда онъ развелся съ своею законною женою, дочерью Аре-ты, арабскаго царя, и женился на Иродіадѣ, женѣ своего брата Ирода. Но только возвратившись изъ путешествія въ Римъ, Антипа осуществилъ свое прелюбодѣйное намѣреніе. Іосифъ не указываетъ времени этого путешествія; но его легко опредѣлить со всею вѣроятностью.

Дѣйствительно, къ этому путешествію представлялся благоприятный случай лишь въ 782 г. отъ основанія Рима. Ливія только что умерла. Старая царица, по смерти Саломіи, получила въ наслѣдство вполнѣ ту часть, какая ей досталась по завѣщанію Ирода—Ямнію, Ардодъ, Фазаэль и Архелайю. Въ интересахъ Антипы было попытаться при императорѣ Тиверіи, именно въ самый этотъ моментъ, приобрести что-нибудь изъ этихъ провинцій, которыя граничили съ его тетрархіей. Это предположеніе вполнѣ согласуется съ утилитарнымъ характеромъ этого внезапнаго путешествія, которое такъ точно обозначилъ Іосифъ, говоря, что Антипа возвратился по окончаніи въ Римѣ дѣлъ, которыя онъ тамъ велъ ¹⁾.

Тацитъ (*Ann.*, V, 1) говоритъ ясно, что Ливія умерла въ консульство двухъ Гемміевъ. А эти консулы вступили въ отправление своей должности въ январѣ 782 г. Если же царица умерла въ началѣ этого года, то путешествіе Антипы могло совершаться отъ января до марта этого же года; а его возвращеніе, которое онъ долженъ былъ ускорить, чтобы поспѣшить заключеніемъ прелюбодѣйнаго брака, совпало съ приближавшимся праздникомъ Пуримъ; а это было въ то время, когда Іоаннъ Креститель, на двухъ Іорданскихъ потокахъ въ Іудеѣ, а также и въ Переѣ, находившейся подъ владычествомъ Антипы, продолжалъ свою миссію праведности, проповѣдовалъ покаяніе и

¹⁾ Διαπραξάμενος ἐν τῇ Ρώμῃ ἐφ' ἅπερ ἐστάλτο.

бичеваль пороки, даже когда ими были заражены государи, какъ это приличествовало истинному посланнику Того, Кто судить безъ лицепрятія всѣхъ, малыхъ и великихъ.

Сравнительное изученіе четвертаго Евангелія и трехъ синоптическихъ приводитъ насъ къ тому же заключенію. Въ 781 г. отъ основанія Рима Іисусъ совершилъ Свою первую Пасху послѣ Своего крещенія,—ту Пасху, когда іудеи говорили Ему: „Этотъ храмъ строился сорокъ шесть лѣтъ, и Ты въ три дня воздвигнешь его?“ (II, 19). Іоаннъ Креститель былъ еще живъ въ это время, какъ это доказываетъ стихъ 1, главы IV: „Узналъ Іисусъ о дошедшемъ до Фарисеевъ слухѣ, что Онъ болѣе приобрѣтаетъ учениковъ и крестить, нежели Іоаннъ, хотя Самъ Іисусъ не крестилъ, а ученики Его“. Въ первые же мѣсяцы 782 г., во время путешествія Іисуса въ Іерусалимъ на праздникъ Пуримъ, въ февралѣ, Іисусъ уже говоритъ объ Іоаннѣ, какъ о несуществующемъ болѣе: „Онъ былъ свѣтильникъ, горящій и свѣтящій; а вы хотѣли малое время порадоваться при свѣтѣ его“ (V, 35). Поэтому Іоаннъ былъ заключенъ въ темницу и обезглавленъ въ концѣ 781 г. или въ самомъ началѣ 782 г., а немного спустя послѣ этого событія Іисусъ удалился въ Галилею.

III.

Годъ смерти Іисуса Христа.

Чтобы достигнуть опредѣленія года смерти Іисуса Христа, надобно доказать:

Во-первыхъ, что Онъ былъ распятъ въ пятницу, и

Во-вторыхъ, что эта пятница приходилась въ самый день Пасхи, 15 Низана.

Для доказательства этого нужно только справиться съ астрономическою таблицею и іудейскимъ календаремъ и опредѣлить по нимъ, въ какомъ году,—въ концѣ правленія Понтія Пилата,—Пасха приходилась въ пятницу.

Что Іисусъ былъ распятъ въ пятницу, объ этомъ евангелисты говорятъ точно и ясно.

Такъ, св. Лука (XXIII, 54), рассказавъ о погребеніи Іисуса,

которое непосредственно слѣдовало за Его смертію, отмѣчаетъ день и часъ его: „День тотъ, говоритъ онъ, былъ пятница“, *παρασκευή*, и „наступала суббота“. День, который слѣдовалъ за днемъ Параскевы, т. е. пятницы, и въ который женщины, присутствовавшія при погребеніи Іисуса, воздержались отъ умащенія тѣла Его ароматами, хотя онѣ и приготовили ароматы и мирру, — этотъ день св. Лука называлъ субботою (XIII, 56). И, наконецъ, слѣдующій день, когда женщины пришли ко гробу, принеся ароматы, приготовленные наканунѣ, названъ имъ первымъ днемъ отъ субботы, *τῆ δὲ μιᾷ τῶν σαββάτων*.

Св. Маркъ также называетъ пятницу день смерти Іисуса, и, чтобы не смѣшать Параскевы, т. е. пятницы, съ кануномъ Пасхи, онъ ясно говоритъ: „Потому что была пятница, т. е. день предъ субботою“, *ἐπεὶ ἦν παρασκευή, ὃ ἐστὶ προσαββάτου* (XV). „По прошествіи субботы“, *διαγενομένου τοῦ σαββάτου*, т. е. вечеромъ въ субботу, женщины купили свои ароматы, для умащенія Іисуса, и былъ первый день послѣ субботы, *τῆς μιᾶς σαββάτων*, когда онѣ пришли ко гробу (XVI, 1, 2). Св. Матѳей, говоря о днѣ, который слѣдовалъ за днемъ смерти Іисуса, характеризуетъ его въ такихъ словахъ, которыя не оставляютъ ни тѣни сомнѣнія; онъ называетъ его днемъ, который слѣдовалъ за пятницу, или за днемъ Параскевы, *ἥτις ἐστὶ μετὰ τὴν παρασκευήν* (XXVII, 62).

Три синоптическихъ Евангелія такимъ образомъ единогласны; остается справиться по четвертому Евангелію. Но свидѣтельство и этого евангелія вполне согласно съ ними. Въ самомъ дѣлѣ, въ главѣ XIX, 42 мы читаемъ: „Такъ какъ это была пятница“, а гробъ былъ близко, то они положили въ него тѣло Іисуса. И въ той же главѣ, стихъ 31, говорится: Но іудеи, „потому что тогда была пятница“, изъ страха, чтобы тѣла распятыхъ не оставались на крестахъ „въ субботу“ (ибо та суббота была великою), просили Пилата перебить голени и снять со крестовъ. Слѣдующій день за субботой, когда утромъ, до разсвѣта еще, Марія Магдалина пришла ко гробу, этотъ слѣдующій день былъ названъ Іоанномъ еще точнѣе (XX), тѣмъ же самымъ именемъ, какъ называли его и другіе евангелисты, первымъ днемъ отъ субботы, *τῆ δὲ μιᾷ τῶν σαββάτων*.

Заключеніе является само собою: Иисусъ умеръ въ пятницу.

Второй пунктъ, который надобно установить,—состоитъ въ томъ, что Иисусъ умеръ 15-го Низана.

Это опять-таки вытекаетъ изъ того факта, что Иисусъ умеръ въ пятницу, въ день Пасхи, и изъ того факта, что наканунѣ Онъ ѣлъ пасхальнаго агнца, по іудейскому закону, со Своими учениками. Весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы узнать, что это былъ за праздникъ: былъ ли онъ, или нѣтъ, такимъ пасхальнымъ праздникомъ, когда всѣ іудеи должны были его праздновать? Если „да,“ то выходитъ, что послѣдняя вечеря Иисуса Христа должна была происходить 14-го Низана вечеромъ, а между тѣмъ извѣстно, что Иисусъ былъ распятъ на слѣдующій день, въ самый день праздника, 15-го Низана.

Но если мы обратимся къ тремъ первымъ Евангеліямъ, то будетъ очевидно, что каждый изъ нихъ говоритъ о послѣдней вечери Иисуса Христа, какъ о Пасхѣ іудейской: Это былъ первый день опрѣсночный, говоритъ св. Маттеей, τῆ δὲ πρωτῆ τῶν Ἀζύμων (XXVI, 17). Св. Маркъ прибавляетъ къ этому еще болѣе точную черту: Въ первый день опрѣсноковъ, когда закалали пасхальную жертву, ὅτε τὸ πάσχα ἔθουον (XIV, 12). Св. Лука ясно выражаетъ законный и обязательный характеръ этого праздника, какъ дня опрѣсноковъ, „въ который, говоритъ онъ, надлежало закалать пасхальнаго агнца“ ἐν ᾗ ἔδει θυσέσθαι τὸ πάσχα (XXII, 7).

Столь ясные и точные тексты не позволяютъ утверждать, будто здѣсь дѣло идетъ объ обыкновенной вечери. Евангелисты говорятъ о законномъ праздникѣ, который долженъ былъ праздноваться 14-го Низана.

Нѣкоторые толкователи пытались отвергнуть свидѣтельство четвертаго Евангелія, обвиняя св. Іоанна въ противорѣчии съ самимъ собою. Дѣйствительно, въ главѣ XIX, 14, говоря о судѣ Пилатовомъ, онъ замѣчаетъ: „Тогда была пятница Пасхи.“

Вмѣсто толкованія этого мѣста въ смыслѣ пятницы, какъ дня Пасхи, они толкуютъ это выраженіе, которое при иныхъ обстоятельствахъ могло указывать на канунъ Пасхи, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, тщетно пытаясь при этомъ доказать, что филологія не позволяетъ придавать ему никакого другого смыс-

ла. А между тѣмъ Игнатій (*Посланіе къ Филипп.*, XIII), говоря о Пасхѣ, которая падала на воскресенье, развѣ онъ не называетъ ее *σαββάτου τοῦ πάσχα* (т. е. субботою пасхи)?

Сократъ (*Hist eccles.*, V, 22), говоря о субботѣ, которая совпадала съ извѣстнымъ праздникомъ, не говорилъ ли: *σαββάτου τῆς ἑορτῆς* (т. е. суббота праздника)?

Такимъ образомъ филологія не можетъ быть призываема въ пользу толкованія *παρασχευῆ τοῦ πάσχα* въ смыслѣ приготовленія къ Пасхѣ; и, съ другой стороны, здравая критика не должна ставить автора въ противорѣчіе съ самимъ собою, развѣ къ этому не обязываетъ насъ рѣшительный и неотразимый смыслъ сочиненія.

Тѣ же, которые призывали противъ синоптическихъ Евангелій и ихъ столь точнаго свидѣтельства авторитетъ четвертаго Евангелія, чтобы доказать положеніе, будто Иисусъ праздновалъ лишь Тайную Вечерю 13-го Низана, а умеръ 14-го, въ самый день законной Пасхи іудейской, забыли великіе споры по вопросу о днѣ празднованія Пасхи, которыми было наполнено все второе христіанское столѣтіе. Что утверждали епископы Малой Азіи съ епископомъ Поликарпомъ во главѣ? То, что Иисусъ вкушалъ Пасху 14-го, а умеръ 15-го Низана. Но на какомъ же авторитетѣ опирались они, если это не былъ авторитетъ самого Евангелиста Іоанна и другихъ апостоловъ?

Какимъ же образомъ послѣ этого возможно давать четвертому Евангелію такое толкованіе, которое противорѣчило бы ученію трехъ первыхъ и которое обязывало бы, для избѣжанія прямого противорѣчія, извращать при посредствѣ произвольнаго толкованія столь точный текстъ синоптическихъ Евангелій?

У св. Іоанна существуютъ только два мѣста, которыя подавали поводъ къ затрудненію и на которыя опирались защитники мнѣнія, относившаго къ 13-му Низана послѣднюю Тайную Вечерю и къ 14-му смерть Іисуса.

Первое мѣсто (XIX, 14) есть то, гдѣ Іоаннъ говоритъ, что, когда Іисусъ былъ осужденъ Пилатомъ, „была пятница Пасхи“. Но мы видѣли, что это выраженіе равнымъ образомъ, съ филологической точки зрѣнія, можетъ обозначать и „пасхальную Пятницу“, и „канунъ Пасхи“, но что по контексту оно означаетъ именно Пятницу“ какъ день Пасхи

Второе мѣсто (XVIII, 28): Было утро; и іудеи не вошли въ преторію, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было ѣсть Пасху, ἵνα φάωσι τὸ πάσχα. Отсюда выводятъ будто день, когда Іисусъ былъ осужденъ Пилатомъ и преданъ смерти, былъ кануномъ Пасхи, т. е. 14-го Низана.

Заключение это можно было бы назвать правильнымъ, если бы выраженіе „ѣсть Пасху“ могло быть примѣняемо только къ законному празднику 14-го Низана; но вѣдь слово Пасха только вначалѣ означало вечеръ 14-го Низана, а позже стало выражать, какъ это доказали Іосифъ Флавій и Талмудисты, и цѣлый день, съ вечера 14-го Низана до вечера 15-го, и даже всѣ семь дней недѣли, посвященной этому празднеству, въ частности вечеръ 14-го числа, вечеръ 15-го числа, вечеръ 16-го и до 21-го числа. Точно также выраженіе ѣсть Пасху не только означало ѣсть пасхальнаго агнца, но ѣсть и добровольныя жертвоприношенія, „Chagiga“, какъ ихъ называетъ Талмудъ, т. е. жертвы, которыя во множествѣ приносили благочестивые израильтяне, по закону Моисееву (*Второзак. XVI, 16; Исходъ, XXIII, 15; XXXIV, 20*), во дни праздника и особенно утромъ 15-го Низана.

Понявъ это выраженіе въ послѣднемъ смыслѣ, что согласуется съ обычными выраженіями Св. Іоанна, коими онъ всегда пользуется, говоря о Пасхѣ (Іоан., II, 13, 23; VI, 4; XI, 55; XIII, 1), становится даже непонятнымъ, какимъ образомъ выраженіе это позволяло давать четвертому Евангелію такое толкованіе, которое удалялось отъ простаго и согласнаго разсказа трехъ первыхъ Евангелій? ¹⁾

Годъ смерти Іисуса Христа долженъ быть относимъ къ 783 г. отъ основанія Рима, или къ 30-му году общепринятой христіанской эры.

Это подтверждаетъ и астрономія.

¹⁾ Необходимо замѣтить, что даже принимая выраженіе «ѣсть Пасху» въ его строгомъ смыслѣ, наше заключеніе все-таки останется не опровержимымъ.

Необыкновенное стеченіе странниковъ не позволяло всѣмъ іудеямъ, присутствующимъ въ Іерусалимѣ, ѣсть Пасху въ одинъ и тотъ же день; поэтому иностранцы, подобно Іисусу, праздновали пасхальное торжество 14-го, а іерусалимляне имѣли право праздновать его 15-го Низана.

Въ самомъ дѣлѣ, Иисусъ былъ распятъ въ пятницу; всѣ евангелисты вполне согласны относительно этого пункта, и вселенское преданіе никогда не уклонялось отъ него (Мате., XXVII, 1, 62; Марка, XV, 42; Луки, XIII, 54; Иоан., XIX, 31, 42); эта пятница была днемъ самой Пасхи (Иоан., XIX, 14) и потому приходилось 15-го Низана. Отсюда слѣдуетъ заключить, что Иисусъ умеръ въ тотъ самый годъ, когда Пасха приходилась въ пятницу. Но астрономическія таблицы, которыя отмѣчаютъ фазы луны отъ 29-го до 33-го годовъ христіанской эры, крайнихъ годовъ, къ которымъ можно относить время смерти Иисуса Христа, доказываютъ, что тридцатый годъ былъ единственный, когда Пасха должна была прійтись въ пятницу. 15-е Низана этого года соотвѣтствовало нашему 7-му апрѣлю. Поэтому, Иисусъ былъ распятъ 7-го апрѣля 783 г. отъ основанія Рима, или въ 30-й годъ общепринятой христіанской эры.

Вѣроятное опредѣленіе 15-го Низана для годовъ 28—36 христіанской эры ¹⁾.

Годы отъ Р. Х.	День новолунія.	День, когда луна дѣлается видимой.	15-е Низана.
28	15 марта, 2 ч. 16' м.	16 марта.	30 марта, вторникъ.
	13 апрѣля, 4 ч. 10' с.	15 апрѣля.	29 апрѣля, четвергъ.
29	2 апрѣля, 7 ч. 42' с.	4 апрѣля.	18 апрѣля, понедѣльникъ.
30	22 марта, 8 ч. 8' с.	24 марта.	7 апрѣля, пятница.
31	12 марта, 12 ч. 56' м.	13 марта.	27 марта, вторникъ.
	10 апрѣля, 2 ч. 0' с.	12 апрѣля.	26 апрѣля, четвергъ.
32	29 марта, 10 ч. 51' с.	31 марта.	14 апрѣля, понедѣльникъ.
33	19 марта, 1 ч. 16' с.	21 марта.	4 апрѣля, суббота.
	17 апрѣля, 9 ч. 30' с.	19 апрѣля.	3 мал, воскресенье.
34	9 марта, 9 ч. 2' м.	11 марта.	25 марта, четвергъ.
	7 апрѣля, 6 ч. 42' с.	9 апрѣля.	23 апрѣля, пятница.
35	28 марта, 6 ч. 19' м.	30 марта.	13 апрѣля, среда.
36	16 марта, 5 ч. 53' с.	18 марта.	1-е апрѣля, воскресенье.
	15 апрѣля, 5 ч. 15' м.	16 апрѣля.	30 апрѣля, понедѣльникъ.

Кромѣ Евангелій, и два еще историка,—одинъ іудейскій—Иосифъ Флавій, и другой языческій—Тацитъ,—въ немногихъ словахъ упоминаютъ о смерти Иисуса и относятъ ее ко времени правленія Понтія Пилата и императора Тиверія.

Говоря о христіанахъ, на которыхъ Неронъ при посредствѣ

¹⁾ Vurm, *Astronomische Beiträge zur genäherten Bestimmung Geburts und Todesjahrs Jesu*, Bengels Archiv.

несправедливой лжи и ужасной клеветы взвелъ обвиненіе въ государственномъ преступленіи, именно въ поджогъ Рима, и которыхъ онъ предавалъ утонченнѣйшимъ мученіямъ, Тацитъ прибавляетъ, что народное имя христіанъ происходитъ отъ „Христа“, осужденнаго на смерть въ правленіе императора Тиверія, вслѣдствіе осужденія его Понтіемъ Пилатомъ ¹⁾.

„Въ то время, говоритъ Іосифъ,—въ знаменитомъ мѣстѣ, которое критика преднолагаетъ искаженнымъ христіанскою рукою, но которое она не имѣетъ права отвергать цѣликомъ,—въ то время, когда Пилать правилъ Іудеей, жилъ Іисусъ. Обвиненный первыми нашими мужами, Онъ былъ осужденъ на распятіе на крестѣ Пилатомъ“. Γίνεται Ἰησοῦς... καὶ αὐτὸν ἐνδιέξωσε τῶν πρῶτων ἀνδρῶν παρ' ἡμῶν σταυρῶ ἐπιτεμῆχοτος Πιλάτου (*Antiq.*, XVIII, 3).

Но Пилать управлялъ Іудеей отъ 26 до 31 г.; на эту же эпоху указываютъ и евангелисты, какъ на такую, къ которой надобно приурочивать смерть Іисуса Христа. Такимъ образомъ язычники, іудеи и христіане, всѣ единодушно свидѣтельствуютъ объ одномъ и томъ-же годѣ смерти Его.

Н. К.

¹⁾ ... quos per flagitia invisos vulgus «christianos» appellabat. Auctor nominis ejus «Christus», Tiberio imperitante, per procuratorem Pontium Pilatum supplicio affectus erat (*Ann.*, XV, 45).

ФИЛОСОФІЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Понятіе о наукѣ—главное въ современной философіи. Промышленный характеръ научной дѣятельности. Вопросъ о познаніи, взятый въ себѣ самомъ. Понятіе о познаніи, какъ составѣ разнородныхъ представленій. Недостаточность такого понятія о познаніи. Различныя теоріи о происхожденіи познавательнаго процесса и различные взгляды на познаніе. Невозможность изъяснить познаніе изъ однихъ субъективныхъ основаній.

Всякое время имѣло свою философію. Безъ сомнѣнія наше время также имѣетъ свою философію. Во всякой философіи должно быть основное понятіе, отъ котораго зависитъ отличительный ея характеръ. Существуетъ ли и теперь такое понятіе, которое господствовало бы надъ всѣми другими, имѣющимися въ обращеніи, понятіями и давало бы тонъ всей философіи нашего времени? Несомнѣнно, что это есть понятіе о наукѣ. Необходимо во всей полнотѣ разъяснить это понятіе, представить всѣ связанныя и связываемыя съ нимъ идеи, и мы будемъ имѣть тогда важнѣйшія черты современной намъ философіи.

Понятіе о знаніи есть наиболѣе сложное и, по своей сложности, настолько не опредѣленно, что позволяетъ выдвигать въ одномъ случаѣ одни изъ содержащихся въ немъ элементовъ; а въ другомъ—другіе, причемъ и самый смыслъ, значеніе понятія измѣняется, а это влечетъ за собою заключенія и предположенія, трудно согласимыя между собою.

Никто теперь не сомнѣвается въ томъ, что знаніе есть великая сила. Успѣхи наукъ существеннымъ образомъ измѣнили условія быта народовъ и оказали могучее вліяніе на развитіе общественной жизни. Просвѣщеніе сближаетъ людей, увеличиваетъ удобства и средства жизни, облегчаетъ трудъ человѣка,

создаетъ общее благосостояніе, обезпечиваетъ мирное и безопасное теченіе жизни повсюду; уменьшая силу страстей и торжествуя надъ предрасудками, уничтожаетъ косность и бездѣятельность; словомъ, благодѣянія просвѣщенія неисчислимы, а знаніе именно и есть сила просвѣтительная. Неудивительно, что повсюду такъ много заботъ прилагается къ распространенію просвѣщенія: учреждаются школы отъ низшихъ до высшихъ, возникаютъ и умножаются ученые общества; всякаго рода повременныя изданія, имѣющія цѣлью распространеніе знаній, по всѣмъ частямъ свѣта разносятъ приобрѣтенія науки и дѣлаютъ ихъ общимъ достояніемъ; безъ помощи науки ничего теперь не дѣлается. Итакъ, безспорно наукѣ принадлежитъ теперь въ значительной мѣрѣ власть надъ міромъ, и кто можетъ сомнѣваться, что власть эта чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будетъ распространяться и усиливаться? Поэтому нѣтъ, кажется, болѣе достойнаго для изслѣдованія предмета какъ знаніе, наука. Дѣйствительно, теорія науки, изслѣдованіе знанія теперь все болѣе заступаетъ мѣсто старой метафизики, т. е. признается основною важнѣйшею частію философіи, а ученіе о познаніи—фундаментомъ для всего міросозерцанія.

Что же даетъ намъ наука о знаніи? Насколько этотъ предметъ изслѣдованъ и разъясненъ? Можно ли сказать, что и сила знанія, подобно другимъ силамъ, которыми человѣкъ пользуется, изслѣдована и опредѣлена въ отношеніи объема, способовъ и законовъ дѣйствія? Если мы спросимъ, что такое знаніе, то за не имѣніемъ на этотъ вопросъ прямого отвѣта, мы принуждены выводить понятіе о знаніи изъ тѣхъ взглядовъ, которые можно признать руководящими какъ въ обычной оцѣнкѣ знанія, такъ и въ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ знанію, дабы оно удовлетворяло своему назначенію, т. е. было годнымъ для предназначаемаго ему употребленія.

Наиболѣе употребительное понятіе о знаніи, хотя прямо и невыражаемое, есть то, которое основывается на предполагаемомъ сходствѣ познанія съ промышленною дѣятельностію. Промышленность состоитъ въ добываніи матеріала, въ обработкѣ добытаго матеріала, наконецъ, въ распространеніи обработаннаго матеріала. Соотвѣтственныя различія мы находимъ и въ

познаніи: оно состоитъ прежде всего въ добываніи фактическихъ свѣдѣній, въ установленіи фактовъ, которые составляютъ собственно матеріаль знанія. Какъ для добыванія, въ промышленной сферѣ, иного матеріала, требуются сложныя приспособленія, искусственныя орудія и нелегко усвояемыя приемы, подобно тому, для установленія научныхъ данныхъ, необходимы сложныя умственныя операціи, тѣмъ не менѣе результаты таковыхъ операцій все же имѣютъ значеніе лишь матеріала, для котораго нужна обработка, дабы получилась дѣйствительное знаніе. Конечно, матеріалы и сами по себѣ имѣютъ большую или меньшую цѣнность, смотря по трудности ихъ добыванія, а также по важности той цѣли, для которой употребляются, но въ промышленности эти основанія оцѣнки матеріала легко и безошибочно опредѣлимы; въ наукѣ же такія основанія имѣются, лишь когда уже установилась въ главныхъ чертахъ общепризнанная система знаній въ той самой области изслѣдованія, къ которой матеріалы относятся: гдѣ нѣтъ прочно установившейся системы, тамъ не достаетъ основныхъ началъ знанія, а безъ того и оцѣнка матеріала по необходимости является случайною, не мотивированною надлежащимъ образомъ и произвольною. Это именно мы видимъ въ исторіи. Такъ какъ исторія не имѣетъ твердо установленныхъ и безспорныхъ началъ, то поэтому мы и видимъ въ области исторіи и соприкосновенныхъ съ нею отдѣловъ знанія (каковы: археологія, статистика, хронологія) беспорядочное, неруководимое никакою идеею накопленіе матеріала: собраніе всякаго рода фактическихъ свѣдѣній, безъ должнаго ихъ разбора и оцѣнки, здѣсь часто принимается за ученый трудъ, и люди безъ всякихъ принциповъ и убѣжденій, а обладающіе лишь практическою смѣтливостію и умѣньемъ примѣняться къ обстоятельствамъ,—слывутъ за людей ученыхъ, представителей науки; результатомъ подобнаго рода ученыхъ трудовъ, и такого, столь матеріальнаго, направленія науки является лишь то, что здоровая любознательность превращается въ пустое и мелочное, а иногда даже зловредное, любопытство. Раздѣленіе труда справедливо признается важнымъ условіемъ его производительности. Но чѣмъ менѣе трудъ имѣетъ характеръ механическаго,

а таковъ трудъ умственный, тѣмъ меньшее значеніе имѣетъ принципъ раздѣленія труда. Въ промышленности раздѣленіе труда дѣйствительно способствуетъ развитію и усовершенію различныхъ отраслей производства; а въ области науки не болѣе ли способствуетъ производительности сосредоточеніе труда, нежели его раздробленность; непрерывное увеличеніе научнаго матеріала, безъ надлежащей обработки, единственно въ тѣхъ видахъ, что впослѣдствіи этотъ матеріаль окажется нужнымъ и кто-либо имъ воспользуется, никакъ нельзя считать приращеніемъ науки, но скорѣе засореніемъ; конечно, нельзя же препятствовать увеличенію научнаго балласта; но не слѣдуетъ также увеличивать цѣнность подобнаго рода трудовъ; вѣдь даже для того, чтобы распредѣлить матеріаль по категоріямъ, необходимо владѣть нѣкоторыми общими воззрѣніями относительно систематизаціи знаній въ той или иной области, а потому часто обходятся даже безъ такого простѣйшаго способа обработки, какъ раздѣленіе по категоріямъ. Когда какое-либо дѣло, или явленіе общественной жизни не имѣетъ внутренней цѣнности, которою оправдывалось бы его существованіе, то несомнѣнно въ такомъ случаѣ, что оно вызвано къ бытію либо подражаніемъ, или же продолженіемъ, по силѣ инерціи, нѣкотораго, въ первыхъ своихъ проявленіяхъ, значительнаго направленія дѣятельности. Тоже видимъ и въ настоящемъ случаѣ. Раскопки, произведенныя въ разное время настоящаго столѣтія на Востокѣ, а также въ южныхъ странахъ Европы (въ Италіи и Греціи) обогатили науку обширнымъ и важнымъ матеріаломъ, пролившимъ много свѣта на исторію древнѣйшихъ народовъ; а еще ранѣе,—изслѣдованія разныхъ пластовъ земной поверхности, во многихъ мѣстахъ, кромѣ того, что дали указанія на давно прошедшую исторію земли, привели къ открытію многихъ слѣдовъ древнѣйшаго до-историческаго быта народовъ. Этого было довольно, чтобы постепенно развилось, до степени общаго увлеченія, стремленіе къ разысканію, сохраненію и обнародованію всякаго рода памятниковъ и остатковъ старины какъ самой отдаленной, такъ и ближайшей къ намъ по времени, причемъ едва ли не больше интересуется большинство старина не очень давняя. Кто станетъ отрицать по-

лезность такого увлеченія? Безспорно такое увлеченіе заслуживаетъ всякой похвалы, если взять во вниманіе общую его тенденцію—желаніе ознакомиться съ прошлымъ и образъ его возстановить съ наибольшою наглядностію и живостію. Но эта общая тенденція получаетъ превратное направленіе отъ того именно, что при этомъ имѣется въ виду не общій смыслъ и характеръ прошлаго разъяснить, а возстановить всякія и самыя мелочныя подробности старины, и это то именно—подборъ мелочныхъ подробностей—и составляетъ главную задачу археологіи, разумѣется изъ очень глубокой старины и мелочная подробность по справедливости цѣнится высоко, такъ какъ чѣмъ древнѣе старина, тѣмъ менѣе мы имѣемъ остатковъ, и всякій слѣдъ изъ глубокой древности важенъ; но такой же взглядъ переносится и на времена не очень отдаленныя; а главное,—занимаясь собираніемъ остатковъ старины, археологія не даетъ руководящихъ идей для разграниченія важнаго отъ незначительнаго; то, что должно бы служить только средствомъ обращается въ самостоятельную цѣль; само по себѣ собираніе матеріала, безъ всякой оцѣнки онаго, представляется дѣломъ важнымъ. Въ эпоху блестящаго развитія философіи на Западѣ существовало общее увлеченіе философскими теоріями, была страсть къ построенію философскихъ доктринъ. Въ свое время довольно осмѣивали такое увлеченіе, но по крайней мѣрѣ увлеченіе это никакихъ издержекъ не стоило, а между тѣмъ все же побуждало учиться мыслить; а современное намъ увлеченіе требуетъ значительныхъ издержекъ, да при томъ не только не научаетъ, а скорѣе отучаетъ мыслить.

Въ то время, когда обычною формою промышленнаго труда было не машинное, а ручное производство, самыя произведенія имѣли несравненно большую не только матеріальную (по причинѣ дороговизны труда), но и эстетическую цѣнность; ибо на нихъ была печать оригинальности самого производителя, тогда какъ машинное производство стираетъ всякій личный характеръ въ продуктахъ промышленности, воспроизводя съ неизмѣнною точностію одну и ту же форму въ неограниченномъ множествѣ экземпляровъ. Не то же ли мы видимъ и въ области научнаго производства? Здѣсь постоянно мы встрѣчаемъ

или совершенное отсутствіе всякой обработки научнаго матеріала, или же обработка оказывается воспроизведеніемъ все тѣхъ же разъ установившихся и общепринятыхъ формъ, нисколько не сообразующихся съ существомъ предмета, а рассчитанныхъ лишь на достиженіе разнаго рода удобствъ, подобно тому какъ и въ промышленности на первомъ мѣстѣ стоятъ теперь требованія удобства въ практическомъ отношеніи, между прочимъ—доступности какъ можно большому числу потребителей, вмѣсто бывшихъ нѣкогда требованій оригинальности и изящества, служащихъ признаками творчества. Школы—это не что иное какъ фабрики, гдѣ по установленнымъ образцамъ, заготавливаются свѣдующіе люди по разнымъ частямъ; талантъ всегда имѣетъ личный, индивидуальный характеръ; понятно, что строй современной школы, гдѣ прежде всего требуются исправность и аккуратность, мало благопріятствуетъ развитію талантовъ; всякое излишнее пристрастіе къ одной какой-либо части школьныхъ занятій влечетъ за собою недостаточную внимательность въ исполненіи другихъ работъ, и этого одного уже довольно для того, чтобы двери школы оказались закрытыми для такихъ, съ рѣзко отмѣченной индивидуальностію, натуръ; между тѣмъ, для учащихся со средними способностями, какъ разъ достаточными для того, чтобы быть исполнительнымъ и аккуратнымъ по всѣмъ частямъ школьной программы, прохожденіе курса вполне обеспечено. Въ промышленности, чтобы обезпечить наилучшій сбытъ товара, т. е. наибольшее его распространеніе въ массахъ населенія, сообразуются главнымъ образомъ съ требованіями и вкусами большинства потребителей. Равно и школа не для того ли предназначена, чтобы сдѣлать образованіе доступнымъ для большинства, а большинство вѣдь состоитъ изъ лицъ среднихъ дарованій. Научныя знанія также составляютъ нѣкоторымъ образомъ товаръ, для котораго требуется помѣщеніе въ массахъ потребителей. Отсюда общедоступное изложеніе является дѣломъ первостепенной важности. Чтобы трудное сдѣлать легкимъ, для этого работа разбивается на части и каждая часть исполняется отдѣльно; здѣсь лежитъ отчасти причина умноженія научныхъ специальностей всякаго рода. Для увеличенія

производства въ промышленномъ мірѣ учреждаются товарищества и компаніи; составляются также и въ ученomъ мірѣ временныя и постоянныя собранія и общества; но увеличивается ли оттого научное производство? Да, конечно, увеличивается только въ количественномъ, а не въ качественномъ отношеніи; но это вѣдь такъ и должно быть: и въ промышленности что всего важнѣе какъ не количество изготовляемыхъ продуктовъ?

Такимъ образомъ научная дѣятельность, повидимому, вполне имѣетъ характеръ промышленный, т. е. представляетъ собою особый видъ промышленности, и слѣдовательно подлежитъ всѣмъ условіямъ промышленной дѣятельности, каковы въ особенности законы спроса и предложенія, и слѣдовательно не можетъ быть изъята отъ тѣхъ ограничительныхъ и направительныхъ мѣръ, какія принимаются правительствомъ по отношенію къ различнымъ видамъ промышленности, съ цѣлью по возможности сдѣлать оную общепольною, или по крайней мѣрѣ совмѣстимою съ требованіями общаго блага. Для научной дѣятельности необходима, правда, свобода; но вѣдь свобода есть въ нѣкоторой мѣрѣ необходимое условіе преуспѣянія всякаго рода промысловъ; излишнія стѣсненія всегда отзываются крайнимъ вредомъ для успѣховъ промышленности.

Но все сказанное до сихъ поръ нисколько не разъясняетъ вопроса о познаніи, ибо относится не къ самому познанію, а только къ употребленію его. Между тѣмъ требуется знать что такое познаніе, помимо того употребленія, какое можетъ быть сдѣлано изъ него. Вопросъ не въ томъ заключается, какимъ образомъ, въ какомъ направленіи и духѣ, и для какихъ цѣлей можетъ быть развиваема научная дѣятельность, а въ томъ какъ происходитъ познаніе, прежде и не зависимо отъ всякихъ цѣлей, какія могутъ быть въ разное время предназначаемы для него самимъ человѣкомъ. Вѣдь познаніе есть прежде всего процессъ натуральный, совершающійся въ насъ по природѣ, и только когда мы овладѣваемъ этимъ процессомъ, то можемъ по произволу направлять его такъ или иначе, прилагать его къ тѣмъ или инымъ предметамъ, обращая его въ средство для различныхъ цѣлей. Хожденіе есть механизмъ движеній, совершающихся по законамъ, лежащимъ въ устройствѣ организма,

но уже отъ воли человѣка зависитъ то, какъ и куда онъ идетъ въ данномъ случаѣ,—идеть ли онъ скоро или медленно, въ какомъ направленіи и по какому дѣлу. То же самое различіе относится и къ познанію: и у ребенка совершается процессъ познанія; но понятно ребенокъ еще не ставитъ для него никакихъ опредѣленныхъ цѣлей, не можетъ имъ управлять произвольно: познаніе для него есть не болѣе какъ отправление природы, само собою совершающееся, какъ процессъ дыханія, кровообращенія, а не практическое дѣло и тѣмъ менѣе промышль, производимый съ пользою (или во вредъ, при злоупотребленіи имъ) для себя и другихъ.

Познаніе начинается съ ощущеній. Но ощущенія сами по себѣ еще не составляютъ познаній: познаніе образуется лишь когда ощущенія превращаются, при посредствѣ памяти, въ представленія. Представленія по извѣстнымъ законамъ (законы ассоціаціи) распредѣляются на болѣе или менѣе сложныя группы; вслѣдствіе сочетанія однородныхъ представленій, образуются представленія общія; а когда представленіе раздѣляется на содержащіяся въ немъ элементы, т. е. сложное представленіе распадается на содержащіяся въ немъ представленія элементарныя, то получаютъ представленія отвлеченныя. Итакъ познаніе, взятое само по себѣ, есть не что иное какъ разнообразный составъ представленій. Познаваемо для насъ лишь то, что можетъ стать представленіемъ; въ сущности мы ничего иного не знаемъ какъ только наши представленія. Вещи познаются нами лишь въ той мѣрѣ, насколько являются для насъ; а явленіе и есть представленіе. Въ этомъ смыслѣ Шопенгауеръ сказалъ: весь міръ есть мое представленіе. Существуетъ для насъ лишь то, что познается нами, ибо какимъ образомъ мы можемъ утверждать существованіе того, о чемъ мы ничего не знаемъ? А такъ какъ познаніе наше всецѣло заключается въ представленіяхъ, то ясно, что мы можемъ утверждать лишь существованіе собственныхъ нашихъ представленій: и самъ я лишь настолько существую, насколько представляю себя существующимъ. Повидимому, этотъ взглядъ на познаніе никакимъ образомъ не можетъ быть опровергнутъ. Положимъ, что представленія мы относимъ къ вещамъ представляемымъ, от-

личая такимъ образомъ вещи представляемыя отъ самихъ представлений: въ этомъ состоитъ такъ называемая объективность представлений;—*объективностью* представлений называется отношеніе ихъ къ предметамъ представляемымъ, такое отношеніе, въ силу котораго мы смотримъ на представленія какъ на *выраженіе* вещей представляемыхъ. Но вѣдь то, что мы называемъ вещью цѣликомъ разрѣшается въ представленія, а потому объективность представлений не есть отношеніе отличное отъ самихъ представлений: и самое отнесеніе представлений къ вещамъ состоитъ въ актѣ представлений и также есть лишь одно изъ множества представлений; тоже самое слѣдуетъ признать и о другомъ отношеніи нашихъ представлений, именно объ отношеніи къ нашему *я*. Относя представленія къ нашему *я*, мы смотримъ на нихъ какъ на дѣйствія представляющей способности нашего *я*; а между тѣмъ и самое *я*, какъ равно и способность представлять, усвояемая нашему *я*,—все это лишь представленія. Такимъ образомъ приходится, повидимому, принять за несомнѣнное, что мы въ нашемъ познаніи ничего болѣе не имѣемъ какъ только представленія. Все о чемъ бы мы ни помыслили, и на что бы ни указали намъ,—разрѣшается въ представленія. Отсюда многіе теперь дѣлаютъ такой выводъ: всѣ представленія заключены въ моемъ сознаніи и иначе не могутъ быть даны для меня какъ только въ видѣ состояній или дѣйствій моего *я*; поэтому, строго говоря, я могу утверждать лишь существованіе самого себя, т. е. своего *я*, ибо все другое есть для меня не что иное какъ представленіе моего *я*. Но какъ выше показано, нѣтъ никакого основанія дѣлать исключеніе въ пользу нашего *я* изъ того общаго положенія, что все для насъ дано не иначе какъ въ видѣ представленія; и самое наше *я* также вѣдь есть не болѣе какъ представленіе. Въ чемъ же можетъ и должна заключаться для насъ задача познанія, если смотрѣть на него такимъ образомъ, если, то есть, оно ничто болѣе какъ только совокупность представлений? Задача познанія состоитъ въ такомъ случаѣ единственно въ томъ, чтобы изъяснить происхожденіе въ нашемъ сознаніи даннаго представленія. Насъ интересуеть какой либо предметъ; мы хотимъ знать, что такое этотъ предметъ, каково происхожденіе

его и отношеніе къ другимъ предметамъ? На эти вопросы не можетъ быть иного отвѣта, кромѣ того объясненія, по кѣмъ законамъ нашей умственной организаціи возникаетъ въ насъ представленіе этого предмета и какъ это представленіе относится къ другимъ представленіямъ.

Нужно ли говорить, что такое объясненіе познанія, едва ли кого можетъ удовлетворить; по крайней мѣрѣ нельзя признать его полнымъ. Дѣло въ томъ, что для насъ важнѣе всего не просто представленія, а *значеніе* представленій. Не всякое представленіе составляетъ познаніе. Представленія фантастическія, вымышленныя не составляютъ познанія. Изъ какихъ же именно представленій образуется *познаніе*. Изъ представлений, имѣющихъ объективную стоимость. Т. е. представленія не только относящіяся къ извѣстнымъ предметамъ (всѣ представленія относятся къ какому либо предмету), но главное—согласныя со своими предметами одни только могутъ образовать познаніе. А такъ какъ выше было найдено, что никакихъ предметовъ, отличныхъ отъ представлений, на самомъ дѣлѣ нѣтъ, или по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ основанія утверждать ихъ существованіе, что такъ называемыя вещи это тѣ же представленія, только объективированныя, т. е. полагаемыя какъ данныя всѣ и независимо отъ субъекта представляющаго, то слѣдовательно нужно указать какой либо иной признакъ (вмѣсто соотвѣтствія своимъ предметамъ) представленій, входящихъ въ составъ познанія. Выше сказано, что если устранить предположеніе о бытіи внѣшняго міра, какъ предмета познанія, то задачею познанія можетъ быть лишь разъясненіе того, какимъ образомъ возникаетъ въ нашемъ познаніи то или иное представленіе и какъ одно представленіе относится къ другимъ. Поэтому и относительно представлений, входящихъ въ составъ познанія, вопросъ можетъ состоять лишь въ томъ—какъ происходятъ и какъ относятся между собою таковыя представленія. Относительно происхожденія познавательныхъ представлений очевидно, что источникомъ ихъ служитъ чувственное воспріятіе, иначе наблюденіе или опытъ (внѣшній и внутренній); но вѣдь и представленія фантастическія образуются изъ элементовъ, которые черпаются изъ того же источника, съ тѣмъ только различіемъ,

что сочетаніе этихъ элементовъ въ области представленій фантастическихъ есть дѣло произвола; значить отличительный признакъ познавательныхъ представленій въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что не только первоначальное возникновеніе, но и дальнѣйшее формированіе такихъ представленій есть дѣло необходимости, а не произвола. Непроизвольно, а по необходимости, мы комбинируемъ такъ, а не иначе данныя представленія, когда хотимъ составить изъ нихъ познаніе. Теперь спрашивается—отъ чего же зависитъ, или на чемъ основывается, необходимость свойственная познавательнымъ представленіямъ? Сочетаніе, а равно и раздѣленіе, вообще распредѣленіе представленій есть *дѣйствіе*, которое мы сами производимъ. Поэтому необходимость свойственная сочетанію представленій есть необходимость самого дѣйствія умственного, результатомъ котораго оно является; а необходимость дѣйствія можетъ быть только послѣдствіемъ *закона*, въ силу котораго оно совершается. Итакъ, очевидно, что необходимость познавательныхъ представленій, какъ отличительный ихъ признакъ, слѣдуетъ выводить изъ законовъ ихъ сочетанія. Такими законами признаются прежде всего общеизвѣстные *законы ассоціаціи идей*. Законы эти однакожь не могутъ служить основаніемъ для разъясненія различія между познавательными и иными представленіями; ибо по законамъ ассоціаціи происходитъ, или, по крайней мѣрѣ, можетъ происходить распредѣленіе всякаго рода представленій какъ познавательныхъ, такъ и иныхъ. Тоже должно сказать и о *категоріяхъ*, на которыя Кантъ указываетъ какъ на условія объективности познанія. Категоріи не условія, а только формы выраженія объективности, которыя мы свободно прилагаемъ ко всякимъ безъ различія представленіямъ. И субъективные элементы чрезъ то именно объективируются, что мы прилагаемъ къ нимъ категоріи, однакожь только въ представленіи эти элементы получаютъ характеръ объективности, а не становятся на самомъ дѣлѣ объективными, подобно тому какъ вымышленный рассказъ хотя имѣетъ признаки дѣйствительнаго происшествія, однакожь, то, что въ немъ содержится только представлено какъ дѣйствительное, а на самомъ дѣлѣ никогда не было дѣйстви-

тельными и тѣмъ существенно различается вымысль отъ историческаго повѣствованія. Нельзя также изъяснить изъ *законовъ мышленія* тотъ особый характеръ необходимости, по которому сочетаніе представленій признаваемое познаніемъ отличается отъ всякаго иного и который составляетъ то, что называется объективною значимостію познанія. Законы мышленія, какъ имѣющіе нормативный характеръ, собственно состоятъ въ требованіяхъ о томъ, какъ мы должны вообще мыслить вещи, дабы то, что мы мыслимъ о нихъ имѣло характеръ необходимости, или иначе, такой принудительности, которая и составляетъ признакъ истинности мыслимаго. Но самыя эти требованія должны же имѣть основаніе; какъ возможны были бы требованія объ условіяхъ необходимости мыслить такъ, а не иначе, если бы эту необходимость мы напередъ какимъ-либо образомъ не испытали, и она не сдѣлалась намъ извѣстною фактически. Вѣдь всякій законъ, нормирующій наши дѣйствія, условливается уже существующею необходимостію и есть лишь выраженіе этой необходимости, именно необходимости дѣйствовать такъ, а не иначе, дабы цѣль дѣйствія могла быть достигнута. Цѣль мыслительной дѣятельности есть познаніе истины; законы мышленія показываютъ при какихъ условіяхъ съ необходимостію цѣль эта достигается. Отсюда очевидно, что законы мышленія не только не создаютъ необходимости свойственной познавательнымъ представленіямъ, но и сами суть послѣдствія этой необходимости. Итакъ, что же дѣлаетъ необходимымъ такое, а не иное сочетаніе представленій? Изъ субъективныхъ условій, т. е. принадлежащихъ самому субъекту познающему, невозможно изъяснить эту необходимость. Она не можетъ быть послѣдствіемъ и выраженіемъ (какъ полагалъ Юмъ) привычки связывать въ одно цѣлое впечатлѣнія всегда въ томъ же порядкѣ послѣдовательности, проходящія въ нашемъ сознаніи; ибо при этомъ остается неразъясненнымъ: отъ чего же нѣкоторыя впечатлѣнія всегда получаютъ нами въ томъ же порядкѣ послѣдовательности. Равнымъ образомъ не достаточно сказать (какъ это дѣлаетъ Кантъ), что разумъ нашъ имѣетъ свойственные ему способы сочетанія представленій, и всякое сочетаніе, производимое разумъ-

комъ сообразно съ этими способами (категоріи), сознается нами какъ необходимое. Способы разсудочной дѣятельности не составляютъ такого послѣдняго даннаго, далѣе котораго анализъ не могъ бы и не долженъ простирается. Напротивъ требуется объясненіе и для того, — почему именно таковы способы разсудочной дѣятельности. Объясненіе это можетъ заключаться лишь въ томъ необходимомъ отношеніи ихъ къ бытію вещей, которое одно даетъ имъ значеніе условій познанія, такъ что безъ метафизическихъ предположеній о бытіи вещей нечего и думать о построеніи теоріи познанія. Какъ необходима мысль о бытіи, лежащемъ внѣ познанія, когда требуется изъяснить познаніе, это видно уже изъ того, что и тѣ теоріи, которыя выводятъ познаніе изъ однихъ субъективныхъ основаній, каковы указанные сейчасъ теоріи Канта и Юма, привели однако къ заключеніямъ о бытіи объективномъ, т. е. полагаемомъ внѣ познанія, откуда видно, что познаніе безъ отношенія къ отличному отъ него бытію совершенно невысказуемо. Свойственные разсудку способы сочетанія представленій (категоріи), по Канту, столь необходимы для нашей познавательной дѣятельности, что произведенія этой дѣятельности, сообразныя съ тѣми способами, поэтому самому имѣютъ значеніе *общеодное*; т. е. всякое сочетание представленій, производимое въ силу той или иной категоріи, имѣетъ истинность не только для того, кто это сочетание производитъ, но также должно быть таковымъ, т. е. истиннымъ, и для всякаго другаго мыслящаго субъекта. Всѣ сочетанія представленій, производимыя разсудкомъ, имѣютъ то свойство по Канту, что съ ними соединяется ясно сознаваемое нами притязаніе на общее признаніе ихъ всякимъ, кто только способенъ мыслить и познавать, слѣдовательно, усвоятъ подобныя сочетанія представленій. Вѣдь категоріи, какъ формы разсудочной дѣятельности, имѣютъ силу необходимыхъ законовъ, а отсюда и продукты разсудочной дѣятельности (понятія и сужденія) отличаются характеромъ необходимости сравнительно съ произвольными сочетаніями фантазіи. Законъ всегда имѣетъ общее значеніе, ибо устанавливаетъ одинаковый образъ дѣйствія для безчисленнаго множества случаевъ; слѣдовательно законы и формы разсудочной дѣятельности, какъ имѣющіе общее значеніе, долж-

ны быть одинаковы у всѣхъ людей. Это предположеніе ведетъ къ тому заключенію, что существуетъ общечеловѣческій разумъ, дѣйствующій по тѣмъ же самымъ законамъ и направляющій свои дѣйствія къ одной конечной цѣли, а если есть разумъ общечеловѣческій, то долженъ быть также еще болѣе общій, міровой разумъ, именно разумъ вещей, по отношенію къ которому общечеловѣческій разумъ есть только яснѣйшее, очевиднѣйшее его обнаруженіе. Таковъ выводъ изъ Кантовскаго взгляда на познаніе. Этимъ выводомъ, очевидно, утверждается бытіе разума отдѣльнаго отъ каждаго познающаго субъекта. разума общаго, который не совпадаетъ съ моимъ личнымъ разумомъ, слѣдовательно существуетъ внѣ моего представляющаго сознанія. Другое воззрѣніе на познаніе, по которому необходимость, присущая сочетаніямъ представленій, составляющимъ познаніе, есть результатъ и выраженіе привычки—связывать такъ, а не иначе представленія (законы ассоціаціи), — привело къ тому предположенію, что умственные навыки, въ которыхъ лежитъ основаніе всей познавательной дѣятельности, суть результатъ общечеловѣческаго опыта, что приспособленіе къ внѣшнимъ условіямъ существованія вынуждаетъ съ необходимостію такой, а не иной порядокъ идей, что образовавшіеся этимъ путемъ ряды (комплексы) представленій, передаваясь по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому, все болѣе закрѣпляются въ умственномъ сознаніи людей, и стаповятся такимъ образомъ врожденными началами познанія, присущими болѣе или менѣе уму каждаго. Отсюда, наряду съ пріобрѣтеніями своего личнаго опыта, каждый человѣкъ обладаетъ такими умственными навыками, которые составляютъ общее достояніе всего человѣчества, а такимъ образомъ сознаніе каждаго человѣка, живущаго въ правильно организованномъ обществѣ, имѣетъ сколько индивидуальнѣй, столько же общечеловѣческій характеръ. Это воззрѣніе о двоякомъ характерѣ человѣческаго сознанія, воззрѣніе близкое къ теоріи Спенсера объ опытномъ происхожденіи апріорныхъ началъ познанія, проводитъ въ своей обширной статьѣ о природѣ человѣческаго сознанія князь Трубецкой. „Если изъ нашего индивидуальнаго сознанія, говоритъ онъ, удалить ту живую связь,

которая соединяетъ насъ съ другими сознаніями, какъ предшествовавшими, такъ и сосуществующими, если удалить изъ нашего индивидуальнаго сознанія совокупность всего унаслѣдованнаго, всего внушеннаго и внушаемаго намъ, оно лишится и формы и содержанія, обратится въ ничто!! „Мы знаемъ, что человѣкъ есть наслѣдникъ опыта предъидущихъ поколѣній, ихъ организаціи и чувственности: всѣ человѣческія чувства, приемы воспріятія, всѣ инстинкты и аппетиты наслѣдственны, точно такъ же, какъ и всѣ наши органы, наша психофизическая организація... Сознаніе наше соборно по существу; разъ я могу подлинно сознать другія существа, сознаніе есть не только мое, но общее, т. е. возможное сознаніе всѣхъ“¹⁾. Итакъ здѣсь уже самое сознаніе разсматривается какъ бытіе, какъ нѣкоторое объективное начало, отдѣльное отъ каждаго индивидуума, общее для всѣхъ.

Указанныя воззрѣнія, имѣющія цѣлью разъяснить возможность познанія и являющіяся послѣдствіемъ, съ одной стороны, Кантовскаго идеализма, а съ другой, Юмова эмпиризма, въ томъ между собою противоположны, что одно воззрѣніе признаетъ кореннымъ условіемъ, отъ котораго происходитъ возможность познанія—единый міровой разумъ, содержащій въ своемъ нераздѣльномъ единствѣ, какъ субъективность познающаго, такъ и объективность познаваемаго, отъ чего и зависитъ согласіе одного съ другимъ;—другое же воззрѣніе за основное условіе познаваемости вещей, т. е. идеальной содержимости ихъ въ сознаніи субъекта познающаго, признаетъ, какъ выражается кн. Трубецкой,—*соборное* сознаніе, т. е. не *единое* абсолютное начало, каковъ міровой разумъ, а *совокупность* безчисленнаго *множества* умственныхъ навыковъ, постепенно накапливающихся въ человѣческой организаціи, и чрезъ наслѣдственную передачу, неизмѣнно сохраняющихся въ родѣ человѣческомъ. Очевидно, что первое воззрѣніе имѣетъ существенно *идеалистическій* характеръ, ибо разсматриваетъ общее, какъ единое начало, господствующее надъ частнымъ, множественнымъ, дробнымъ; другое же воззрѣніе есть *эмпирическое* или *реалисти-*

¹⁾ *Вопросы философіи и психологіи*, книга 7-я, стр. 22 и д.

ческое по преимуществу,—такъ какъ общее (въ настоящемъ случаѣ общечеловѣческое сознание) подчиняетъ частному, смотря на общее какъ на результатъ постепеннаго накопленія и объединенія, иначе обобщенія частныхъ, совпадающихъ между собою въ нѣкоторыхъ чертахъ. Въ настоящемъ случаѣ для насъ важно впрочемъ не столько это различіе изложенныхъ воззрѣній на познаніе, сколько то, въ чемъ они совпадаютъ между собою. Оба указанныя воззрѣнія имѣютъ въ основаніи своемъ то понятіе о познаніи, что познаніе есть процессъ внутренній, органическій, такой процессъ, который образуется и развивается по своимъ необходимымъ законамъ, притомъ такой процессъ, который раскрывается на протяженіи всей міровой исторіи человѣчества, слѣдовательно не ограничивается дѣятельностію отдѣльныхъ индивидуумовъ, но имѣетъ характеръ родовой, универсальный; акты познавательной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ имѣютъ значеніе только какъ проявленія или какъ составныя части общечеловѣческаго сознанія. Такое понятіе о познаніи имѣетъ лишь теоретическое значеніе, тогда какъ въ практикѣ, какъ мы видѣли, обращается тотъ взглядъ на познаніе, который усматриваетъ въ немъ нѣкоторую аналогію съ дѣятельностію промышленною. По этому взгляду, познаніе есть не внутренній, а внѣшній процессъ воспріятія и усвоенія; источники познанія этотъ взглядъ всегда предполагаетъ данными независимо и внѣ субъекта познающаго, отъ котораго требуется лишь обладаніе извѣстными приемами и способами употребленія этихъ источниковъ. Конечно, и тотъ и другой взглядъ на познаніе, взятый въ своей односторонности, требуетъ исправленія, и ведетъ самъ по себѣ къ ложнымъ заключеніямъ. Если познаніе есть внутренній процессъ, совершающійся по своимъ внутреннимъ мотивамъ, процессъ органическій, сходный съ процессами кровообращенія, дыханія, тогда всѣ заботы объ успѣшномъ развитіи познанія—должны ограничиться лишь устраненіемъ всякихъ къ тому препятствій; свобода, самодѣятельность умственная, автономія науки—единственно возможное требованіе и условіе, необходимое для процвѣтанія познавательной дѣятельности. Наоборотъ, если познаніе есть процессъ внѣшняго воспріятія и усвоенія, въ

такомъ случаѣ дѣятельность познавательная имѣеть характеръ процесса механическаго. Въмѣсто автономіи въ такомъ случаѣ требуется, напротивъ, во всѣхъ подробностяхъ точно установленный порядокъ для обезпеченія правильнаго хода въ дѣлѣ приобрѣтенія и распространенія знаній. Нужно ли говорить, что свобода и порядокъ должны дѣйствовать совмѣстно и одно условіе другимъ поддерживаться, для того, чтобы избѣгнуть крайностей двухъ вышеозначенныхъ взглядовъ на познаніе. Порядокъ долженъ служить единственно средствомъ для обезпеченія свободы дѣятельности умственной. Взятые же отдѣльно, и порядокъ, и свобода одинаково не благопріятствуютъ успѣшному развитію умственныхъ интересовъ; порядокъ самъ по себѣ ведетъ къ формализму и умственной неподвижности; свобода, неогражденная порядкомъ, можетъ породить только произволь, хаотическое броженіе умовъ. Отсюда уже очевидно, что только такая теорія познанія можетъ быть признана вполне соотвѣтствующею своему предмету, которая равное вниманіе оказывала бы, и должное значеніе усвояла бы какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ отношеніямъ познавательной дѣятельности. Конечно, всего труднѣе удержать въ равновѣсіи разныя и притомъ противоположныя стороны предмета, даже при теоретическомъ изясненіи его, а тѣмъ болѣе въ практическомъ обращеніи съ нимъ; но по крайней мѣрѣ когда уже явный перевѣсъ беретъ одна какая либо сторона, то слѣдуетъ тогда заботиться о надлежащемъ освѣщеніи и выставленіи на видъ также и другой стороны, которая если не пренебрегается, то во всякомъ случаѣ оставляется безъ должнаго вниманія. Вопросы о познаніи, изслѣдованіе познанія имѣютъ не только теоретическій, но и практическій интересъ; много зависитъ отъ взглядовъ на познаніе и постановка учебнаго дѣла и оцѣнка научныхъ работъ. Удивительнѣе всего то, что никогда, по видимому, наука не была въ такой мѣрѣ общепризнаною силою, никогда предъ ея авторитетомъ такъ не склонялось все, какъ теперь, и однако такъ мало обращается вниманія на изслѣдованіе вопросовъ о наукѣ, какъ системѣ познанія, и о самомъ познаніи.

Все предъидущее приводитъ къ тому заключенію, что при

разсмотрѣннн познанія получаютя такого рода понятія и заключенія, которыя необходимо предполагаютъ нѣкоторыя метафизическя возрѣнн на дѣйствительность, лежащую внѣ познанія, такъ что безъ метафизики невозможно обойтись, хотя бы мы ограничили свое изслѣдованіе вопросами о познаніи, чего требуетъ современная философія.

П. Линицкій.

Основные гносеологическіе принципы послѣ-кантовой философіи.

(ОЧЕРКЪ ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЙ).

Вступая въ послѣдній періодъ своего существованія, философія насчитывала себѣ около двухъ съ половиною тысячелѣтій. Между тѣмъ, подводя итоги этому продолжительному развитію философіи, Кантъ нашелъ, что она не только не рѣшила вопросовъ о послѣдней основѣ, истинности и цѣнности бытія, но должна навсегда отказаться отъ мысли рѣшить ихъ, такъ какъ ея стремленіе проникнуть въ сущность бытія будетъ всегда разбиваться о „вещь въ себѣ“,—о тотъ темный, непроницаемый для мысли (ирраціональный) остатокъ, на который, какъ на предѣлъ разумѣнія, философъ неизбежно наталкивается всякій разъ, когда покидаетъ сферу опыта. Философіи оставалось, такимъ образомъ, или открыто сознаться въ своей неспособности рѣшить взятая на себя задачи, или попытаться отыскать новый гносеологическій принципъ, новый органъ познанія, при помощи котораго можно было бы снять покровъ съ того таинственнаго призрака, который указанъ философіи Кантомъ. Такъ какъ первый исходъ равнялся-бы самоупраздненію философіи, то она естественно остановилась на второмъ. Вотъ почему въ новѣйшей философіи мы видимъ постоянную смѣну гносеологическихъ принциповъ, постоянную неудовлетворенность принципомъ прежнимъ и исканіе началъ новыхъ,—видимъ рядъ попытокъ открыть новый, невѣдомый Канту, органъ философскаго познанія.

Движеніе мысли, направлявшейся къ отысканію новаго гносеологическаго принципа, совершалось въ трехъ различныхъ направленіяхъ: во-первыхъ, думали найти такой принципъ въ высшихъ, дотолѣ неизвѣстныхъ функціяхъ того самаго теоретическаго разума, который призналъ некомпетентнымъ Кантъ; во-вторыхъ, хотѣли восполнить его недостаточность волею; наконецъ, обратились къ показаніямъ нашего практическаго (нравственно-эстетическаго) смысла или чувства и въ немъ стали искать источникъ и критерій познанія. Каждое изъ этихъ трехъ направленій отыскивало для себя точку опоры въ философіи Канта; каждое хотѣло ее восполнить и исправить; каждое пришло къ болѣе или менѣе ясному сознанію недостаточности вновь провозглашеннаго принципа, взятаго въ его исключительности и односторонности, и каждое, наконецъ, закончило болѣе или менѣе рѣшительнымъ исповѣданіемъ бессилія чистой философской мысли и признаніемъ необходимости мистическаго или религіознаго начала для постиженія истины.

I.

Представителями перваго направленія служатъ Фихте, Шеллингъ (въ первую половину своей философской дѣятельности) и Гегель. Въ частностяхъ ихъ взгляды на нашъ предметъ довольно различны, но всѣ эти различія поглощаются въ основномъ сходствѣ—въ ихъ общей *вѣрѣ въ самозаконность и самостоятельность нашего логическаго разума, какъ верховнаго принципа и органа познанія*. Фихте прежде всего—проповѣдникъ морали, въ духѣ и силѣ своего учителя, Канта: его философія холодна и серьезна, какъ сама мораль ригоризма, и паеость одушевленія, которымъ согрѣты нѣкоторыя страницы его твореній, лишь изрѣдка поднимаетъ его надъ сферою *отвлеченной разсудочности* въ область живаго, понятнаго также и сердцу, идеала. Шеллингъ прежде всего художникъ: онъ хочетъ уловить истину посредствомъ глубокихъ *мистическихъ* прозрѣній, хочетъ созерцать ее въ образѣ фантазіи, постигнуть безотчетнымъ чутьемъ художника и его мистическія концепціи далеко не всегда воплощаются въ отчетливой формѣ логическаго сужденія. Гегель доводитъ до конца то „*логизированіе міра*“,

которое дано лишь въ скрытомъ состояніи въ системахъ Фихте и Шеллинга. Онъ совмѣщаетъ въ себѣ абстрактную разсудочность Фихте съ мистическою интуитивною Шеллинга и въ своемъ *чистомъ умозрѣніи или спекуляци*, которая вмѣстѣ и отвлеченно-разсудочна и мистична, видитъ не только органъ, но и самый объектъ познанія, саму дѣйствительность во всемъ ея объемѣ и глубинѣ, во всемъ ея многосложномъ процессѣ: ибо міровой процессъ, по Гегелю, какъ извѣстно, есть лишь процессъ логическій, который, какъ нѣкоторый „кругъ круговъ“, самъ собою начинается, самъ себя развиваетъ и самъ себя и собою-же заканчиваетъ. Такимъ образомъ, въ философіи Гегеля теоретическое мышленіе заявило себя во всей своей абсолютности,—заявило не только какъ принципъ адекватнаго познанія, но и какъ принципъ абсолютной дѣйствительности, абсолютнаго бытія, какъ *само абсолютное*. Гегель выразилъ мысль, которая, какъ скрытая сила, управляла умами раціоналистовъ всѣхъ вѣковъ,—выразилъ ее такъ полно и вмѣстѣ односторонне и притязательно, что другаго Гегеля человѣчеству уже не нужно: принципъ исчерпанъ разъ и навсегда.

Итакъ, нашъ логическій разумъ совершенно достаточенъ для осуществленія задачи познанія, такъ какъ самъ онъ въ своихъ процессахъ и есть та абсолютная дѣйствительность, къ постиженію которой стремятся философы: вотъ тезисъ раціоналистовъ. Къ этому отождествленію абсолютнаго начала съ философскимъ разумомъ и къ сведенію законовъ бытія къ законамъ мысли философія пришла совершенно послѣдовательно, выходя изъ началъ кантовой философіи. Кантъ сказалъ: формы познанія даетъ познающій разумъ самъ отъ себя, а матеріаль даетъ независимая отъ насъ „вещь въ себѣ“; мы же его только воспринимаемъ въ ощущеніяхъ (страдательно). Но, — замѣтили Канту,—страдательнаго элемента въ познаніи нѣтъ, да и быть не можетъ, такъ какъ и самой „вещи въ себѣ“, которая, будто-бы, даетъ матеріаль для ощущеній, съ точки зрѣнія самого же Канта, признать нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь къ ней неприложимы имѣющія примѣненіе только въ сферѣ опыта разсудочныя категоріи сосуществованія и причинности, а слѣдовательно, о ней нельзя, съ точки зрѣнія Канта, сказать,

что она существуетъ и дѣйствуетъ въ насъ. Такимъ образомъ,— таково неизбежное слѣдствіе собственныхъ началъ Канта,— познающее мышленіе даетъ не только формы, но и матеріаль, или,—говоря иначе,—мѣръ есть мое твореніе не только какъ мѣръ *познаваемый* (что выходило у Канта), но весь вообще, всецѣло. Нельзя думать такъ, что одно какое-то чуждое мнѣ начало даетъ жизнь всему, а другое — познаетъ. Нѣтъ, творитъ и познаетъ сотворенное одно и то-же начало. Но творитъ оно безотчетно и сначала какъ-бы не узнаетъ само себя: именно, въ *воззрѣніи*, т. е. на ступени непосредственнаго сознанія простаго человѣка оно смотритъ на свои акты, какъ на нѣчто ему чуждое, какъ на вѣшнюю дѣйствительность, косный и непроницаемый матеріальный мѣръ. Но за то, когда поднимается на ступень философскаго познанія, иллюзія пропадаетъ: вещи вѣшняго міра снова признаются абсолютнымъ началомъ, собственными актами, исторгнутыми имъ изъ себя по нѣкоторому внутреннему побужденію. И такъ какъ познаетъ бытіе то же начало, которое его и производитъ, такъ какъ, слѣдовательно, законы произведенія бытія и познанія одинаковы; то и познаніе должно быть полнымъ: разумъ *совершенно* познаетъ потому, что познаетъ свое же собственное,—то, что самъ, по своимъ законамъ, образовалъ.

Послѣ того, какъ было признано, что природа абсолютнаго выражается въ мышленіи, оставалось только уяснить законы собственнаго мышленія, раскрыть жизнь собственнаго разума, чтобы разрѣшить загадку бытія. Философъ долженъ подмѣтить въ себѣ ту творческую жизнь, которая проявляется въ природѣ, такъ сказать, подслушать въ себѣ процессъ творенія и по себѣ истолковать все бытіе. Онъ долженъ уподобиться художнику, который стоитъ передъ своимъ произведеніемъ и на немъ изучаетъ свои собственные приемы и правила, по которымъ онъ безотчетно, повинувшись одному художественному инстинкту, произвелъ свое твореніе. Приступая къ разрѣшенію этой задачи, т. е. къ выясненію основныхъ процессовъ и законовъ мышленія, философія нашла, что сущность всѣхъ логическихъ процессовъ составляетъ діалектика, состоящая въ переходѣ чрезъ самоотрицаніе и самораздвоеніе къ утвержде-

нію себя, или мыслимаго предмета въ новой высшей формѣ. Діалектическій методъ съ своею тріадою тезиса, антитезиса и синтезиса не есть принадлежность одной только системы Гегеля. Нѣтъ, Гегель лишь послѣдовательно провелъ то, на что указалъ уже Фихте и чѣмъ нерѣдко уже пользовался Шеллингъ. Но онъ впервые призналъ въ діалектическомъ методѣ самую сущность философской спекуляціи. Остановился на уясненіи этого процесса.

Бытіе многосодержательно и многосмысленно. Каждая вещь имѣетъ много сторонъ. Каждое явленіе распадается на много моментовъ. Міръ состоитъ изъ безконечнаго числа предметовъ. Его исторія состоитъ изъ безконечнаго числа событій. Обнять все вдругъ разумъ не въ силахъ. Онъ по необходимости долженъ переходить отъ одного момента міровой жизни къ другому, съ одного предмета на другой, съ одной стороны предмета на другую, и т. д. Философія всегда знала эту черту нашей дѣятельности, но не придавала ей надлежащаго значенія. Между тѣмъ, здѣсь-то, въ этой особенноти и лежитъ, по Гегелю, разгадка бытія: только путемъ подобнаго послѣдовательнаго перехода можно, такъ сказать, развернуть всѣ его складки. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только признать, что абсолютное начало въ своей жизни, т. е. въ своемъ мышленіи подчиняется тѣмъ-же законамъ, и тогда мы возстановимъ всѣ его моменты. Абсолютное обращается на себя и опредѣляетъ себя такъ или иначе (какими именно чертами,—это зависитъ отъ пониманія каждымъ философомъ абсолютнаго начала, какъ я, субъектъ—объекта или идеи). Это первый моментъ—тезисъ. Еслибы кромѣ абсолютнаго было другое бытіе, то послѣ первой рефлексіи абсолютное обратилось бы къ этому бытію для сравненія его съ собою. Но такъ какъ ничего внѣ абсолютнаго нѣтъ, то оно снимаетъ съ себя свои собственныя опредѣленія, какъ-бы не свои, какъ бы ему несвойственныя, и выставляетъ ихъ внѣ себя, такъ сказать, исторгаетъ изъ себя свою конечность, причемъ опредѣленія мыслимыя превращаются въ опредѣленія реальныя, а совокупность этихъ опредѣленій образуетъ одно единство—вещь. Это второй моментъ—антитезисъ. Въ третьемъ моментѣ—синтезисѣ—абсолютное начало

снова возвращается къ себѣ и уничтожаетъ въ нѣкоторомъ высшемъ единствѣ разрывъ между собою и отдѣленнымъ отъ себя своимъ опредѣленіемъ, а чрезъ то переходитъ въ новую форму. Такимъ образомъ, абсолютное развиваетъ изъ себя всю совокупность существующаго по противоположностямъ. Каждое понятіе,—или, что то-же у Гегеля,—каждая вещь рождаетъ изъ себя свою противоположность, съ которой затѣмъ объединяется въ единствѣ новаго высшаго понятія, новой болѣе совершенной вещи и т. д. безъ конца, подобно кровообращенію въ животномъ организмѣ. Безконечный рядъ подобныхъ переходовъ, образующій безконечное множество логическихъ и вмѣстѣ реальныхъ единствъ, становящихся одно подлѣ другого, и образуетъ то, что простое сознаніе называетъ внѣшнимъ міромъ. Однако ничего подобнаго, никакой косной, чуждой нашему духу и непроницаемой для мысли внѣшности не должно существовать для философа, проникающаго умомъ въ тайну мірообразованія по законамъ противоположности. Предъ его взоромъ пелена спадаетъ и его конструктивная, возсоздающая исторію міра, философія должна и непосредственное сознаніе освободить отъ иллюзіи. И когда философъ, освободившись отъ иллюзіи наивнаго реализма и возстановивъ подлинную исторію мірообразованія, представитъ себѣ всѣ вещи со всею полнотою ихъ очертаній и красокъ въ ихъ существенномъ единствѣ; когда онъ или,—точнѣе,—само абсолютное въ немъ станетъ созерцать ихъ въ цѣломъ, какъ бы на одной картинѣ (*интеллектуальное созерцаніе* Фихте и Шеллинга): тогда задача философіи выполнена, высшая цѣль знанія достигнута. На этой ступени познанія философъ удостовѣряется, что всѣ противоположности по своей сущности составляютъ одно и то же и должны быть понимаемы, какъ тождественныя, и если при этомъ онъ до того увлеченъ внутреннею стороною міроваго бытія, что какъ-бы не видитъ внѣшнихъ очертаній вещей, полноты ихъ жизни и красокъ, то его умъ совершенно освобождается отъ сознанія противоположностей и погружается въ самоудовлетворенное созерцаніе сущаго въ единствѣ понятій. Это усмотрѣніе единства противоположностей и есть собственная

сфера философіи—*умозрѣніе* или *спекуляція* ¹⁾). Въ ней сущее постигается нами адекватно.

Что же получилось? Устранена-ли та преграда, которая была поставлена умозрѣнію Кантомъ? Снято-ли покрывало съ того таинственного призрака, который подъ именемъ „вещи въ себѣ“ Кантъ оставилъ въ наслѣдство философіи?—Казалось, да. Но, присмотрѣвшись къ новымъ системамъ, критика безъ труда замѣтила, что всѣ увѣренія рационалистовъ въ томъ, что они будто-бы достигли адекватнаго познанія дѣйствительности, суть результатъ простого самообольщенія. И прежде всего она увидала, что философы по-прежнему брали понятія и представленія своихъ системъ изъ опыта, такъ что ихъ заявленія, будто они „превышаютъ опытъ“, разрѣшаютъ все существующее въ систему „чистыхъ понятій а priori“ и т. д., не соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію дѣла. Она увидала, далѣе, что новый высшій органъ вѣдѣнія, указанный въ этихъ системахъ, есть не что иное, какъ старый формально-логическій разумъ, съ тою лишь разницею, что онъ сталъ теперь относиться къ указаніямъ опыта произвольно (сталъ допускать натяжки, подстановки, символизмъ въ значеніи словъ и представленій и т. д.) и, начавъ дѣйствовать

1) Непереводимымъ словомъ *спекуляція* обыкновенно обозначаютъ внутреннюю, отвлеченную, осуществляющуюся въ формѣ понятій, сторону того-же самого процесса, который, когда его рассматриваютъ со стороны внѣшней, осуществляющейся въ конкретной формѣ наглядныхъ представленій, называютъ *интеллектуальнымъ созерцаніемъ*. Первая есть принадлежность главнымъ образомъ системы Гегеля, второе—системъ Фихте и Шеллинга.—Спекуляція и интеллектуальное созерцаніе могутъ быть подведены подъ третье, болѣе общее понятіе,—посредственное мышленіе, которое въ свою очередь образуетъ примую противоположность мышленію *дискурсивному*. Первое непосредственно (какъ, напр., непосредственны ощущенія внѣшнихъ чувствъ) и направлено преимущественно на усмотрѣніе сходнаго въ различномъ, тождественнаго въ противоположномъ; второе—посредственно (какъ, напр., сужденія и умозаключенія разсудка, отчего оно и называется такъ-же разсудочнымъ) и направлено преимущественно на установку связи и отношенія между различнымъ.—Гегель въ спекуляціи, Фихте и Шеллингъ въ своемъ интеллектуальномъ созерцаніи видѣли нѣчто превышающее наличныя познавательныя наши силы и неумѣщающееся въ рамкѣ индивидуальнаго сознанія,—нѣчто, слѣдовательно, такое, что можетъ быть понято и объяснено лишь какъ «откровеніе въ нашемъ мышленіи самаго абсолютнаго», которое (откровеніе), какъ самодостаточное основаніе всякой очевидности, какъ органъ абсолютнаго вѣдѣнія, дается только философамъ, но не «профанамъ» (см. у Фихте *Wissenschaftslehre—«Einleitungsvorlesungen»* и у Шеллинга *Werke*, B. 1, S. 181—2, по пер. изд.).

внѣ своей связи съ нравственнымъ и эстетическимъ смысломъ, отождествилъ себя съ міромъ внутреннимъ и внѣшнимъ, незаконно поставилъ себя и свои процессы на мѣсто всего другого и тѣмъ самымъ упразднилъ все, кромѣ себя самого. Она увидала, наконецъ, что смѣшеніе своихъ субъективныхъ идей съ идеями абсолютными, своего условнаго и ограниченаго разума съ разумомъ абсолютнымъ, своихъ отвлеченныхъ понятій и схемъ міроваго бытія съ творческими, живыми и конкретными первообразами сущаго и т. д.,—что такое смѣшеніе есть лишь результатъ горделиваго самовозвышенія разума, ослѣпленнаго своими мнимыми успѣхами. Вслѣдствіе всего этого, совершенно искренно признавъ великую заслугу системъ Фихте, Шеллинга и Гегеля въ томъ, что онѣ указали на діалектику, какъ на вѣрное средство къ полнѣйшему раскрытію много-смысленной и многосодержательной истины, критика все же никакъ не могла примириться съ односторонностію и глубокою неправдою этихъ системъ, заключавшеюся въ томъ, что онѣ думали добыть истину путемъ примѣненія діалектическихъ процессовъ мысли къ самому же разуму и игнорировали все, лежащее внѣ разума, тогда какъ совершенно очевидно, что разумъ не можетъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ опредѣленій бытія, что имъ не исчерпывается существованіе предметовъ, что то единство, въ которомъ *мысленіе* примиряетъ противоположности реального бытія, есть лишь очень отвлеченное, одностороннее и несовершенное единство. Вотъ почему вслѣдъ за критикою и масса, послѣ кратковременнаго увлеченія, отвергла разсматриваемыя системы. Она не въ состояніи была, конечно, усмотрѣть всѣхъ ихъ внутреннихъ несообразностей; но не этимъ способомъ она и оцѣниваетъ ихъ. Не отдѣльные положенія, не понятія привлекаетъ она предъ свою судейскую трибуну, но общій духъ, общее направленіе системы, сличая его съ общими потребностями своей жизни—физической, нравственной и религіозной. И такъ какъ на этотъ разъ оказывалось, что права этихъ потребностей въ разсматриваемыхъ системахъ болѣе или менѣе рѣшительно отрицаются, то онѣ и были непосредственнымъ сознаниемъ всецѣло отвергнуты.

Такимъ образомъ, Кантовъ призракъ, т. е. вышеразумный

остатокъ бытія, снова всталъ предъ философскою мыслию; и, хотя Гегель думалъ, что, признавши образованіе міра „прикладною логикою божественнаго разума“, онъ тѣмъ самымъ сдѣлалъ для себя реальное бытіе столь-же прозрачнымъ, какъ прозрачна была для него его собственная логика, однако Фихте и Шеллингъ, въ системахъ которыхъ отождествленіе бытія съ разумомъ вообще не столь рѣшительно, какъ у Гегеля, оказались не настолько ослѣпленными, чтобы не замѣтить хотя къ концу своей философской дѣятельности, что и для нихъ, не смотря на употребленіе ими при объясненіи міра высшихъ функцій разума, въ бытіи оставалось нѣчто невысказанное. Въ самомъ дѣлѣ, хотя философскій разумъ, на высшей ступени своего развитія, постигаетъ всю систему вещей, весь міръ явленій, какъ конечность, исторгнутую изъ себя въ діалектическомъ процессѣ Абсолютнымъ, однако само это Абсолютное, изводящее изъ себя вещи, очевидно, все еще остается не вполне проявившимся бытіемъ: оно можетъ извести изъ себя новыя вещи и новыя индивидуальныя философскія разумы. Слѣдовательно, и теперь, рядомъ съ свѣтлою областью мысли остается для философа нѣкоторая темная область бытія невысказаннаго, непостигнутаго. Нужно постоянно ожидать новыхъ проявленій еще не вполне проявившейся природы Абсолютнаго и воспринимать лишь то, что открывается изъ темной глубины ея сущности въ тѣ моменты восторга, когда человѣку кажется будто онъ увлеченъ въ иной міръ и какое-то неизвѣстное существо нѣкоторымъ удивительнымъ образомъ располагаетъ его къ развитію высшихъ идей и понятій. Какъ извѣстно, къ такому убѣжденію и пришелъ Шеллингъ на закатѣ своихъ дней. Къ этому же убѣжденію склонялся и Фихте. И—кто знаетъ?—можетъ быть и Гегель сдѣлалъ бы то же самое, еслибы не сошелъ преждевременно съ философской арены.

II.

Попытки разрѣшить бытіе въ систему отвлеченныхъ понятій и свести его къ холодному единству формально-логическаго разума, какъ это обыкновенно бываетъ въ исторіи философіи, вызвали реакцію, пробудили движеніе мысли въ направленіи,

совершенно противоположномъ. Дознанное историческимъ опытомъ безсиліе теоретическаго разума познать метафизическую истину заставило признать, что она познается *какъ-то иначе*. Но какъ именно? Если разумъ, какъ выяснилось, способенъ къ истолкованію лишь *формальной* стороны міроваго процесса (въ этомъ и его сила, и его безсиліе), то, очевидно, *реальный* моментъ міровой жизни долженъ быть и истолкованъ столь же реальнымъ началомъ духа. Но что въ насъ реальнѣе разума? Воля. Итакъ, философія естественно останавливается на нашей желательной способности, какъ верховномъ принципѣ и органѣ метафизическаго познанія,—пытается воспользоваться волею, какъ истолковательницею бытія въ его сокровеннѣйшей сущности. Волю, какъ принципъ познанія, провозгласилъ Шопенгауеръ (и отчасти Шеллингъ во второй періодъ своей дѣятельности), а въ системѣ Гартмана признана уже недостаточность и этого новаго органа философскаго познанія.

Наше знаніе,—разсуждаетъ Шопенгауеръ, опять таки примыкая къ Канту,—состоитъ изъ элементовъ апріорнаго и апостеріорнаго, субъективныхъ формъ и эмпирическаго матеріала (ощущеній). Еслибы оно состояло всецѣло изъ элемента апріорнаго, то бытіе было бы для насъ безусловно понятно. Еслибы, напротивъ, оно состояло всецѣло изъ элемента эмпирическаго, то бытіе было бы абсолютно не доступно нашему разумѣнію. Отсюда слѣдуетъ, что чѣмъ менѣе въ познаваемомъ предметѣ элемента апріорнаго и чѣмъ болѣе эмпирическаго, тѣмъ предметъ для насъ таинственнѣе, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, проявляется въ немъ Кантова „вещь въ себѣ“. Въ человѣкѣ, какъ предметѣ познанія, постижимая, т. е., выразимая въ формѣ представленій и понятій сторона бытія почти совершенно заслонена эмпирическимъ элементомъ: явленія собственно человѣческой жизни, т. е. проявленія свободы, кажется, совершенно не имѣютъ никакого законѣрнаго основанія. Но—странно!—когда предметъ всего менѣе поддается нашему *посредственному* (черезъ разсудокъ) познанію, онъ всего полнѣе познается нами *непосредственно*: ибо этотъ предметъ мы сами; въ насъ, въ нашей волѣ, познающее какъ бы совпадаетъ съ познаваемымъ. Правда, это знаніе бѣдно по содержанію, но за то

оно безусловно достовѣрно и по своей цѣнности безконечно превышаетъ все посредственное знаніе. И не только мы сами, открывъ эти узкія врата къ истинѣ, перестаемъ быть для себя тайною; но въ себѣ самихъ, въ своемъ внутреннѣйшемъ разумѣніи себя, какъ воли, мы находимъ ключъ къ разумѣнію и всего остальнаго бытія, съ которымъ каждый изъ насъ связанъ неразрывными узами, какъ одна изъ вещей міра, скрывающая въ себѣ обще-міровую сущность. Уразумѣвъ себя въ этомъ внутреннемъ вѣдѣніи какъ волю, мы уже не отчуждаемъ себя болѣе, какъ бы ослѣпленные и смущенные этимъ внутреннимъ свѣтомъ, отъ обще-міровой жизни; но тамъ, гдѣ внѣшнее, опосредствованное знаніе устанавливаетъ непрерывную, причинно-механическую связь явленій, мы привносимъ новое, изнутри полученное познаніе къ внѣшнему, какъ его ключъ, и познаетъ торжество нашей воли съ тѣмъ намъ доселѣ неизвѣстнымъ X, который являлся остаткомъ при всякомъ внѣшнемъ раціональномъ объясненіи, который Кантъ назвалъ непостижимою „вещью въ себѣ“, а обыденное сознаніе и несовершенная наука называютъ силою природы. Такъ, на примѣръ, мы знаемъ теперь, благодаря внутреннему свѣту, что актъ воли и дѣйствіе нашего тѣла суть одно и то же, только данное двумя совершенно различными способами: съ одной стороны, совершенно непосредственно, съ другой же, въ воззрѣніи, для разума посредственно. Дѣйствіе тѣла есть не что иное, какъ объективированный, т. е., вошедшій въ воззрѣніе актъ воли.

Такимъ образомъ, непосредственное познаніе служитъ какъ-бы комментариемъ къ познанію, опосредствованному разсудкомъ. Въ каждой, повидимому, самой инородной вещи мы можемъ, при свѣтѣ внутренняго вѣдѣнія, познать ту же волю, которая и въ насъ самихъ, но лишь—объединѣвшую и оскудѣвшую въ своихъ реальныхъ опредѣленіяхъ, и потому болѣе, чѣмъ мы сами, подпавшую опредѣленію внѣшними, чуждыми ей формами представленія. Снимая же съ воли несвойственныя ей внутреннѣйшему существу формы представленія, мы приходимъ въ актѣ философской рефлексіи къ признанію ея въ качествѣ метафизической, всеединой, безусловно свободной сущности. И такъ какъ эта міровая сущность не есть ничто чуждое намъ;

такъ какъ мы причастны ей: то она и не остается для насъ, какъ Кантова „вещь въ себѣ“, непостижимою, хотя Шопенгауеръ и не рѣшается утверждать, что міровая сущность познается нами адекватно. Впрочемъ, по вопросу о предѣлахъ познанія міровой сущности и законности перенесенія на нее свойствъ непосредственно извѣстной намъ воли, въ ея психологической сущности, Шопенгауеръ высказывается нерѣшительно. Повидимому, его выраженіе, что „*вещь въ себѣ*“ въ волѣ только приподнимаетъ свое покрывало, но не сбрасываетъ его совершенно“, даетъ основаніе думать, что онъ не уравнивалъ эмпирической воли съ „вещью въ себѣ“, такъ что, хотя эмпирическая воля, какъ принципъ жизни и познанія міра явлений, и помогаетъ намъ уразумѣть этотъ послѣдній, однако она совершенно бессильна раскрыть предъ нами тайну „бытія въ себѣ“, виѣ нашего познанія. По крайней мѣрѣ, такъ понимаетъ Шопенгауера большинство его толкователей.

Какъ бы то ни было, уже это колебаніе Шопенгауера показываетъ, что в самомъ ему предносилась мысль, хотя и неясная, о недостаточности воли, какъ верховнаго принципа метафизическаго познанія. Да и нельзя иначе. Въ самомъ дѣлѣ, въ актахъ эмпирически данной воли по непосредственному опыту мы узнаемъ только, что такое хотѣть страдать (хотѣніе ненаполненное, по Шопенгауэру), наслаждаться (хотѣніе наполненное, удовлетворенное). Но, вѣдь, акты воли, будучи сходны между собою съ виѣшной стороны, какъ психологическіе процессы, весьма различны по своему внутреннему смыслу и, такъ сказать, по окраскѣ: одни акты управляются разумными мотивами, другіе—безотчетными идеальными стремленіями, третьи—изменными чувственными влеченіями и потребностями и т. д. И какъ разумъ не можетъ точно опредѣлить непосредственно извѣстнаго намъ психологическаго явленія; какъ, далѣе, высшія влеченія нашего духа, вносяція разнообразіе въ однообразный самъ по себѣ психологическій актъ хотѣнія, не могутъ служить замѣстителями и истолкователями этого послѣдняго (*характеръ* акта одно, а *самый актъ*—другое): такъ и наоборотъ,—психологическая природа воли не можетъ разъяснить намъ ни природы разума, ни природы нашихъ высшихъ влеченій. Отсюда слѣ-

дуетъ, что воля не можетъ быть признана достаточною истолковательницею всего бытія. Вотъ почему Гартманъ столь рѣшительно высказался противъ возведенія воли, въ ея *психологическихъ* опредѣленіяхъ, въ верховный познавательный принципъ.

Воля,—таковъ смыслъ разсужденій Гартмана по данному вопросу,—дана намъ въ сознаніи отдѣльныхъ существъ, какъ обусловленная; воля же міровая, какъ „корень подлинной дѣйствительности“, какъ *pernis regum*, какъ нѣкоторый „ирраціональный остатокъ“ въ бытіи, лежитъ за предѣлами всякаго эмпирическаго сознанія, представляя изъ себя какъ бы плотину, задерживающую потокъ нашихъ усилій исчерпать сущее. И такъ какъ именно по этому самому, предикаты первой (воли условной) не могутъ быть прямо перенесены на другую—(безусловную), то изъ непосредственнаго знанія своей эмпирической воли мы и не можемъ сдѣлать никакого употребленія въ цѣляхъ метафизическаго изъясненія абсолютнаго начала. Остается только одно средство проникнуть въ тайну бытія этого начала. Это—воспріятіе откровеній самого Абсолютнаго (безсознательнаго) въ непосредственномъ мистическомъ чувствованіи единства индивидуальнаго *я* съ безконечнымъ первосубъектомъ. Въ этихъ откровеніяхъ сознаніе переполняется содержаніемъ, какъ бы противъ нашей воли, и уже будетъ дѣломъ философіи перевести это мистическое содержаніе изъ формы образа, символа, бездоказательнаго утвержденія въ форму раціональной системы. При объясненіи міра, на помощь и въ дополненіе къ этимъ чрезвычайнымъ внушеніямъ должна прійти „логическая спекуляція“ (въ смыслѣ Гегеля) ¹⁾. Такъ философія пришла къ сознанію недостаточности и втораго органа познанія истины—воли.

1) См. *Philosophie des Unbewussten von Eduard von Hartmann* (Methode der Untersuchung und Art der Darstellung I Ss. 5—13 neunte Auflage; das Unbewusste in der Mystik, ss. 313—5. Ср. у *Vaihinger'a*: Hartmann, Dühring und Lange, Ss. 10—13. 41—3.— «Непосредственное или мистическое знаніе можетъ быть подведено подъ понятіе *опыта*, такъ какъ оно оказывается въ сознаніи независимо отъ воли, которая безсилна что-либо въ немъ измѣнить. Сознаніе, отъ котораго ускользаетъ его собственная глубочайшая основа, должно воспринимать возникающія изъ этой глубины мистическія внушенія, какъ нѣчто ему чуждое, вслѣдствіе чего въ раннѣйшіе періоды у людей философски необразованныхъ, и возникаетъ вѣра въ божественныя или демоническія внушенія интел-

III.

Желая устранить темный призракъ, оставленный Кантомъ, философія, какъ уже мы отчасти видѣли, попала въ сомнительную область твореній изъ ничего и начала,—какъ еще Кантъ выразился о своихъ преемникахъ,—свое „безплодное странствованіе по обширному и бурному океану,—настоящему царству призрачности“. Вслѣдъ за дѣйствительно философскими умами, въ поиски за новымъ органомъ истины выступила толпа мелкихъ подражателей, которые громоздили въ небо одну мысленную пирамиду за другою, забывая лишь объ одномъ—основать ихъ на твердой почвѣ. Но чѣмъ сильнѣе было это метафизическое увлеченіе, тѣмъ болѣзненнѣе должно было оказаться разочарованіе. И оно, дѣйствительно, оказалось болѣзненнымъ. Философія Ланге и повокантіанцевъ, на которую можно смотрѣть, какъ на реакцію всему предшествовавшему движенію идеалистической философіи, приглашаетъ „возвратиться на преждевременно оставленную позицію, пріобрѣтенную для философіи Кантомъ“, т. е. приглашаетъ снова признать „вещь въ себѣ“ предѣльнымъ понятіемъ умозрѣнія. Но такъ какъ, съ другой стороны, развитіе послѣ-кантовской философіи самымъ очевиднымъ образомъ доказало, что умъ не можетъ отказаться отъ поисковъ за высшей метафизической истиной, то приходилось искать новаго выхода изъ того двусмысленнаго положенія, въ которое попадала теперь мысль,—изъ тяжелаго колебанія между жаждой знанія и сознаніемъ невозможности вполнѣ удовлетворить этой жадѣ. Указать такой выходъ и

лектуальныхъ созерцаній. Такъ какъ сознаніе знаетъ, что изъ чувственныхъ воспріятій ни прямо, ни косвенно оно не можетъ почерпнуть своего мистическаго знанія, почему оно и является ему знаніемъ непосредственнымъ, то его происхожденіе остается объяснять лишь внушеніемъ Безсознательнаго,—и мы можемъ, слѣд., опредѣлять сущность мистическаго такъ: *оно есть наполненіе сознанія содержаніемъ (чувство, мысль, желаніе), которое возникаетъ непосредственно изъ Безсознательнаго.* (Erfüllung des Bewusstseins mit dem Inhalte durch unwillkürliches Auftauchen desselben aus dem Unbewussten; см. Phil. des Unb. V. I, S. 314).—Философія «разрабатываетъ преимущественно такіа темы, которыя стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ мистическимъ чувствомъ,—и именно вопросы *объ отношеніи индивидуума къ абсолютному*» (ibid. S. 315).

пытаются новокантианцы въ своей новой, оригинальной теоріи познанія.

Взглядъ Ланге, представителя этого новаго направленія въ рѣшеніи нашего вопроса, какъ уже сказано, образуетъ реакцію взглядамъ на этотъ предметъ мыслителей двухъ другихъ, уже рассмотрѣнныхъ выше, направленій. Сущность перваго взгляда (раціонализма) состояла въ томъ, что истина признается доступною отвлеченному формально-логическому разуму, взятому внѣ эстетическаго и нравственнаго смысла (высшія функціи разума, на которыя указывала философія, не измѣнили его отвлеченной природы и формализма). Шопенгауэръ (представитель втораго взгляда) признавалъ истолковательницею бытія волю, но опять таки не въ ея эстетической и нравственной сущности, а въ ея психологическихъ опредѣленіяхъ и функціяхъ. Теперь Ланге возвращаетъ похищенные права всѣмъ высшимъ влеченіямъ человѣческой природы — эстетическимъ, нравственнымъ и архитектурнымъ (т. е. стремленію къ связности, цѣльности и законченности міросозерцанія). Философскія построенія, по Ланге, суть не что иное, какъ продуктъ высшаго синтезиса, стремящагося установить гармонию между идеями, безсознательно производимыми указанными высшими влеченіями нашей природы (идеями единства бытія, красоты, добра и т. д.), и дѣйствительностію, т. е. „совокупностію необходимыхъ явленій, данныхъ принужденіемъ чувствъ“. Очевидно, съ точки зрѣнія Ланге, можно уже говорить не о философскомъ *познаніи* истины, но о философскомъ *творчествѣ*, построеніи истины („философія есть творчество въ понятіяхъ“). Очевидно, далѣе, что Ланге могъ усвоить философскимъ построеніямъ не объективную истинность (ибо ни о какомъ соотвѣтствіи или отношеніи къ идеальной истинѣ, съ его точки зрѣнія, не можетъ быть и рѣчи), но лишь истинность субъективную: эти построенія истинны лишь потому, что, съ одной стороны, они служатъ подлиннымъ выраженіемъ нашей природы, а съ другой—удовлетворяютъ ея кореннымъ стремленіямъ ¹⁾.

¹⁾ Для выясненія этого своеобразнаго взгляда Ланге на истину и ея органъ нужно имѣть въ виду основныя положенія его гносеологіи. Вещь въ себѣ (въ смыслѣ независимаго отъ насъ бытія) существуетъ: ибо есть внѣ насъ что-то такое,

Взгляды Ланге, не смотря на сравнительно недавнее (съ 1865 г.) появленіе ихъ въ его „Исторіи матеріализма“, нашли широкое распространеніе. И это понятно. Наскучивши неудачами, которыя испытывалъ въ своихъ поискахъ за абсолютною истинною разумъ, неутратившая интереса къ философіи часть современнаго образованнаго общества съ восторгомъ привѣтствовала мысль о томъ, что сердце можетъ творить себѣ истину, не подчиняясь суровому контролю разума. На опустѣв-

что, очевидно, не происходитъ изъ насъ; между вещами существуетъ взаимодѣйствіе, которое независимо отъ нашего мышленія идетъ своею дорогою и которое насъ самихъ охватываетъ и подчиняетъ своимъ законамъ. Но эта вещь въ себѣ незнанаема: нужно твердо помнитъ, что, какъ доказала фізіологическая психологія своею теоріею субъективности ощущеній, міръ явленій есть лишь наше представленіе,—принудительное только потому, что оно обусловлено нашею общемою природою («организациею рода»: мы одинаково ощущаемъ потому, что, вслѣдствіе наследственности и одинаковыхъ условій жизни, имѣемъ одинаковые органы ощущенія). Итакъ, міръ явленій есть наше произведеніе, хоти невольное и въ этомъ смыслѣ истинное. Если мы остановимся мыслию на причинно-механической связн явленій, открываемой опытомъ, то прійдемъ къ механическому міросозерцанію (матеріализму), которое образуетъ сравнительно самую твердую (и въ этомъ смыслѣ истинную) ступень философіи, ибо, примыкая непосредственно къ познанію природы, имѣетъ значительную степень однородности и связности. Однако, принимая во вниманіе, что у матеріализма нѣтъ отношенія къ высшимъ функціямъ свободнаго человѣческаго духа, что онъ бѣденъ возбужденіемъ, бесплоденъ для искусства и науки, равнодушенъ или склоненъ къ эгоизму, что онъ, наконецъ, не можетъ замкнуть кольцо своей собственной системы, не заимствуясь связующихъ элементовъ у идеализма,—принимая во вниманіе все это, нужно признать матеріализмъ *лишеннымъ истинности субъективно* (т. е. цѣнности для жизни частной и общественной). Но если мы восполнимъ міръ дѣйствительности міромъ идеала, внесемъ въ указанія опыта идеи, то мы получимъ міросозерцаніе, которое, переступая границы опыта, хоти и не точно соотвѣтствуетъ дѣйствительности (въ этомъ отношеніи не истинно); но за то удовлетворяетъ высшимъ стремленіямъ человѣческаго духа и въ этомъ отношеніи можетъ быть полною субъективною истинною. Такимъ образомъ, истинность философскихъ построеній опредѣляется ихъ цѣнностью, ихъ жизненнымъ значеніемъ. Въ этомъ отношеніи, какъ, впрочемъ, и въ отношеніи къ происхожденію, на философію можно смотрѣть точно такъ же, какъ на поэзію и религію. Всѣ эти культурныя силы суть продукты творящаго синтеза и всѣ истинны и цѣнны лишь постольку, поскольку имѣютъ значенія для жизни. Всѣ дальнѣйшіе вопросы о происхожденіи и объективной истинности философіи (равно какъ поэзіи и религіи) должны смолкнуть въ виду опыта доказанной невозможности ихъ рѣшенія. *Природа наша такъ устроена, что мы не можемъ обойтись безъ творчества*, будетъ-ли то творчество понятій (философія), представленій (поэзія), или мифовъ (религія),—и удовлетворится этимъ творчествомъ. Больше мы ничего не знаемъ; но и этого съ насъ совершенно довольно.

шій тронъ, занятый нѣкогда философскимъ разумомъ, возвели теперь творческое чувство, такъ какъ будто-бы только оно своими сладкими грѣзами и мечтами можетъ дать душѣ удовлетвореніе и обезпечить счастье. Но совершенно очевидно, что такое настроеніе умовъ не можетъ быть продолжительнымъ: ибо нельзя же въ самомъ дѣлѣ признать нормальнымъ и возвести въ принципъ внутреннее раздвоеніе, разрывъ между головою и сердцемъ. Вотъ почему, хотя и нельзя не видѣть заслуги Ланге и новокантіанцевъ въ томъ, что они подняли энергичный голосъ за высшія и благороднѣйшія стремленія человѣческаго духа, однако нельзя не согласиться съ тѣми изъ его критиковъ, которые въ ихъ „субъективной истинѣ“ видятъ не что иное, какъ „плащъ, которымъ думаетъ скрыть свою наготу полусознательный скептицизмъ“ (Гартманъ). Въ самомъ дѣлѣ, философія, которая признаетъ высшія влеченія нашего духа и направляемое ими творчество понятій явленіемъ совершенно законнымъ, нормальнымъ и истиннымъ, и въ то же время не можетъ дать отчета въ томъ, почему она такъ поступаетъ, не хочетъ изслѣдовать, какъ выражается Ланге, „трансцендентныхъ корней субъективной истины“,—такая остановившаяся на полу-дорогѣ философія, конечно, не удовлетворитъ цѣльнаго, нераздвоеннаго духа. Если же такъ, то возрѣніе Ланге, какъ неудовлетворяющее кореннымъ требованіямъ нашей природы, очевидно, не можетъ быть названо истиннымъ даже въ смыслѣ субъективномъ, которымъ только и дорожить названный философъ.

Основная ошибка новокантіанцевъ, какъ видно изъ сказаннаго, состоитъ въ томъ, что они отрѣшили наше нравственно-эстетическое чувство отъ связи съ объективными логическими процессами, признавъ тѣмъ самымъ въ нашемъ духѣ радикальную двойственность и превративъ теорію познанія въ исповѣданіе нашего невѣдѣнія. Отсюда ясно, въ какомъ направленіи должны быть исправлены ихъ взгляды. Показанія и проэкціи нравственно-эстетическаго смысла должны быть разсматриваемы не въ качествѣ замѣстителей логическаго мышленія, совершенно безсильнаго будто-бы въ дѣлѣ постиженія верховной истины, и не въ качествѣ непримиримой съ нимъ

его противоположности: но—лишь въ качествѣ руководящаго начала, которое, не выѣшиваясь въ чисто логическій процессъ установки формальныхъ соотношеній между вещами, даетъ для этихъ соотношеній первичные термины, открывающіеся нашему духу въ непосредственномъ переживаніи, и указываетъ для всего процесса верховную цѣль. Въ этомъ направленіи, какъ извѣстно, и прошелъ Лотце съ своими послѣдователями (между которыми особенно слѣдуетъ упомянуть о Тейхмюллерѣ).

Мышленіе,—разсуждаетъ Лотце,—по природѣ своей формально. Оно предполагаетъ уже данными тѣ элементы, между которыми оно должно установить соотношеніе. Понятій бытія, становленія, дѣйствія и т. п. никакими усиліями, никакими „мысленными построеніями“, никакою „хитростію ума“ нельзя объяснить тому, кто не узналъ непосредственно, въ собственномъ переживаніи, что значитъ быть, становиться; дѣйствовать и т. д. Еще менѣе можно уместить въ отвлеченныхъ понятіяхъ идеи добра, блага, красоты. Все это испытывается нами такъ-же непосредственно, какъ на примѣръ, краснота, сладость и другія впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ. Отсюда видно, какъ несправедливо отождествленіе мышленія и бытія и какъ неосуществимо стремленіе разрѣшить бытіе безъ остатка въ мысли: „въ потокѣ мысли постоянно остаются неразрѣшимыя единичныя точки, представляющія разныя стороны или грани того великаго содержанія, которое мы обозначаемъ именемъ бытія“. Словомъ, „сущность вещей состоитъ не въ мысляхъ, и мышленіе безсильно постичь ее“. Она открывается лишь всей совокупности нашихъ духовныхъ силъ. Лишь „цѣлый духъ въ разнообразныхъ формахъ своей дѣятельности и своей участливой возбудимости переживаетъ существенный смыслъ всякаго бытія и дѣйствія“. Ощутить въ сердцѣ своемъ, пережить, угадать, непосредственнымъ нравственно-эстетическимъ смысломъ тѣ идеальныя начала, которыя созидаютъ міръ, и развить изъ нихъ всю совокупность существующаго, воспользовавшись для этой цѣли всѣми средствами опыта и мышленія,—развить въ строгомъ согласіи съ его законами: вотъ верховная задача философіи. И Лотце вѣритъ, что хотя и не скоро, но можетъ наступить время, когда изъ верховнаго начала міровой жизни,

Божественной любви,—начала, которое прозрѣваетъ за міромъ непосредственное чутье души вѣрующей,—будутъ развиты не только всѣ метафизическія истины, логическія и математическія аксіомы, но даже, напримѣръ, „начало механики“, которыя будутъ истолкованы въ качествѣ „крайнихъ формальныхъ отпрысковъ добра, образующаго начала и цѣль вселенной“ (Микрокосмъ, русскій перев., III, 281—290. 735 и др.).

Изъ представленнаго очерка послѣдовательной смѣны гносеологическихъ принциповъ послѣ-кантсвской философіи видно, что каждый изъ этихъ принциповъ (за исключеніемъ третьяго въ модификаціи Лотце) страдаетъ односторонностію. Ихъ поборники забываютъ, что даже наше собственное существо (не говоря уже о всей совокупности бытія) не покрывается одною какою-либо своею стороною и не исчерпывается одною какою-либо функціею. Человѣкъ не разумъ только, отрѣщенный отъ хотѣнія жить и взятый внѣ эстетическаго и нравственнаго смысла, и не слѣпая воля—хотѣніе жить и дѣйствовать способомъ близкимъ къ животному, и не совокупность однихъ идеальныхъ стремленій: нѣтъ, онъ — то, и другое, и третье вмѣстѣ, въ нераздѣльномъ единствѣ.

Впрочемъ, опираясь на историческія аналогіи, въ указанномъ фактѣ противоборства и взаимоисключенія отдѣльныхъ гносеологическихъ началъ слѣдуетъ усматривать не новое доказательство бесплодности философскихъ работъ, но скорѣе предугазаніе близости всесторонняго разрѣшенія поставленнаго вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, исторія мысли показываетъ, что всестороннему опредѣленію того или другаго положенія, той или другой истины всегда предшествуетъ частнѣйшее развитіе ея отдѣльныхъ сторонъ. Если и въ данномъ случаѣ будетъ имѣть мѣсто то же явленіе, то можно ожидать, что философія будущаго признаетъ органомъ познанія истины не ту или другую силу нашего духа въ ея обособленности и исключительности, не ту или другую функцію, но всю совокупность силъ, соединенныхъ, какъ въ фокусѣ, въ томъ средоточіи нашего духовнаго бытія, гдѣ сливаются въ одно живое единство и разумъ,

и воля, и совѣсть, и всѣ высшія стремленія духа къ идеальному—къ истинѣ, прекрасному и благому. Будутъ-ли называть это средоточіе по платоновски—воспоминаніемъ изъ идеальнаго міра, или интуитивнымъ воззрѣніемъ, спекуляціею, сверхчувственнымъ чувствованіемъ, зрѣніемъ ума, или какъ-либо иначе, все равно. Важно то, что новая гносеологическая теорія уже не за однимъ отвлеченнымъ разумомъ и не за другою какою-либо силою въ отдѣльности признаетъ право налагать печать истины, но за всею совокупностью душевныхъ силъ. Тогда будетъ признано, что идеи, безъ которыхъ не мыслима ни одна философская система, справедливо носящая это имя, суть очень сложные продукты, въ образованіе которыхъ вносятъ элементы всѣ силы и функціи нашего духа, входящаго въ многообразное соприкосновеніе съ бытіемъ и его сокровенною сущностію. Тогда и абсолютное начало бытія и жизни, если и не откроется предъ нами во всей глубинѣ своего внутренняго существа (что невозможно), то все же будетъ постигнуто настолько полно и жизненно, что дастъ основаніе для истолкованія всего остальнаго бытія. Въ самомъ дѣлѣ, если и въ системѣ Гартмана, которая, во всякомъ случаѣ, есть лишь весьма несовершенный синтезъ только двухъ первыхъ гносеологическихъ принциповъ (Гегеля и Шопенгауера), нѣкоторые не безъ основанія усматриваютъ выраженіе въ формѣ рациональнаго познанія тѣхъ самыхъ истинъ, которыя въ формѣ вѣры и духовнаго созерцанія всегда утверждались въ религіозныхъ ученіяхъ христіанскаго востока: то тѣмъ болѣе мы въ правѣ ожидать этого отъ временъ грядущихъ, когда, судя по всѣмъ историческимъ аналогіямъ, долженъ произойти всесторонній синтезъ силъ познающаго духа,—какъ бы возстановленіе личности человѣка въ ея первозданной недѣлимости.

Мысль о необходимости пользоваться при метафизическомъ истолкованіи бытія въ его глубочайшихъ основахъ всѣми силами и способностями нашего духа въ ихъ живомъ единствѣ въ недавнее время высказана и краснорѣчиво развита талантливымъ представителемъ той націи, которая, кажется, наиболѣе одарена синтетическими стремленіями, извѣстнымъ французскимъ мыслителемъ *Фуле* (*L'avenir de la métaphysique*,

fondée sur l'expérience, par Alfred Fouillée, Paris, 1889). Если міръ есть цѣлое, то человѣкъ—его важнѣйшая часть. Если онъ—организмъ, то человѣкъ—его совершеннѣйшій членъ. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ подобенъ универсу и по себѣ можетъ истолковывать его. Если міръ имѣетъ внутренній смыслъ и истинность, то этотъ смыслъ и истина должны найти свое выраженіе въ человѣческомъ разумѣ,—въ его законахъ и въ его эмпирическомъ содержаніи. Если міровой процессъ стремится къ цѣли, то и человѣческая воля увлечена тѣмъ-же стремленіемъ и, слѣдовательно, такъ или иначе, должна знать и оцѣнивать его. Если міръ устроенъ дурно и наполненъ страданіемъ, то и человѣкъ страдаетъ съ міромъ и по собственному опыту долженъ знать объ этомъ и—наоборотъ. Словомъ, человѣкъ живетъ съ міромъ одною жизнію, испытываетъ біеніе одного и того же пульса, съ нимъ страдаетъ или радуется, съ нимъ плачетъ или смѣется. Слѣдовательно, человѣкъ можетъ по себѣ истолковывать и міръ,—можетъ и долженъ во имя того права, которое даетъ ему его несомнѣнная и реальная связь съ міромъ. И чѣмъ глубже онъ войдетъ въ самого себя, чѣмъ разностороннѣе выяснитъ свою природу и свои многоразличныя отношенія къ универсу, тѣмъ совершеннѣе будетъ его рѣшеніе метафизической задачи.

Такова сущность взглядовъ Фулье. Эта рѣчь прозвучала на западѣ, какъ новая вѣсть, какъ призывъ къ новому. Но она не совсѣмъ нова у насъ. Мы, русскіе, не смотря на крайнюю бѣдность нашей систематической научно-философской литературы, всегда и настойчиво проявляли въ области мысли тяготѣніе къ „синтетизму“¹⁾, тѣсно связанное съ исконнымъ недовѣріемъ къ отвлеченному логосу. Въ частности, именно та литературная школа, которая, быть можетъ, одна изъ всѣхъ нашихъ школъ сохранила свою полную самобытность отъ западныхъ вліяній и потому должна быть признана выразитель-

1) Этотъ терминъ принадлежитъ одному изъ даровитыхъ представителей нашей самостоятельной философской мысли, проф. Карпову, который едва ли не первый возсталъ противъ диктатуры въ философіи отвлеченнаго разума и сталъ настаивать на «уравненіи его съ другими силами сознанія». См. его *Введеніе въ философію*, Спб. 1840, стр. 70—3.

ницею подлинно-русской мысли съ ея характерными особенностями (разумѣю славянофиловъ), эта школа уже давно и даже съ большею силою и оригинальностью, чѣмъ Фулье, указывала, въ противовѣсъ западному рационализму, какъ на высшій критерій и источникъ самыхъ значительныхъ метафизическихъ идей, на „внутреннюю цѣльность ума“, на то „средоточіе самосознанія“, „гдѣ настоящее мѣсто для истины и гдѣ не одинъ только отвлеченный разумъ, но вся совокупность умственныхъ и душевныхъ силъ кладутъ одну общую печать достовѣрности на мысль, предстоящую разуму,—какъ на Аѳонскихъ горахъ каждый монастырь имѣетъ только одну часть той печати, которая, слагаясь вмѣстѣ изъ всѣхъ отдѣльныхъ частей, на общемъ соборѣ монастырскихъ предстоятелей, составляетъ одну законную печать Аѳона“ (Киреевскій, II, 312).

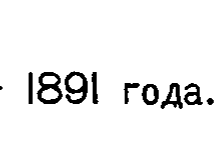
Конечно, сознать односторонность тѣхъ или другихъ ложныхъ движеній мысли еще далеко не значитъ возвыситься надъ ними. Въ этомъ же послѣднемъ отношеніи значеніе славянофильской школы, какъ и вообще русской философской мысли, довольно незначительно. Но—всему свое время. Время протестамъ противъ чужихъ ошибокъ и поисковъ за новыми началами, время раскрытію и обоснованію этихъ началъ. Важно уже и то, что мы, русскіе, начинаемъ свое философское развитіе (ибо мы еще только его начинаемъ) съ яснымъ сознаніемъ крайностей западной философіи. Въ этомъ залогъ самобытнаго будущаго нашей мысли: по глубокому замѣчанію Спинозы, кто созналъ ошибку, тотъ отъ нея уже наполовину свободенъ..

А. Введенскій.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Октября № 19. 1891 года.

Содержаніе. Постановленія Съѣзда духовенства Харьковскаго Училищнаго Округа.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Постановленія Съѣзда духовенства Харьковскаго Училищнаго Округа.

Уполномоченные Съѣзда духовенства Харьковскаго Училищнаго Округа собрались 19 сентября сего 1891 года, въ числѣ 9-ти, въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ, и, избравъ въ утреннемъ засѣданіи, посредствомъ закрытой баллотировки, предсѣдателемъ Съѣзда—города Чугуева Рождество-Богородичной церкви, священника Іоанна Жадановскаго, и дѣлопроизводителемъ—города Волчанска пригородной слободы Заводъ Успенской церкви, священника Александра Чернявскаго,

1. Слушали (въ вечернемъ засѣданіи) предложеніе о. Предсѣдателя Съѣзда объ избраніи комиссіи для провѣрки вѣнчиковыхъ вѣдомостей за 1890 г. церковей Харьковскаго училищнаго округа, членами каковой и избрали оо. уполномоченныхъ, священниковъ Василя Збукарева и Гавріила Павловскаго; постановили: избраннымъ членамъ комиссіи передать вѣнчиковыя вѣдомости для разсмотрѣнія, а о результатахъ доложить Съѣзду съ своимъ заключеніемъ.

2. Разсматривали смѣту прихода и расхода по содержанію Харьковскаго духовнаго училища и училищнаго общежитія, составленную Правленіемъ училища на 1892 годъ, причемъ оказалось, что предполагаемый расходъ 32,133 руб. 91 коп. равняется приходу, исчисленному въ статьяхъ смѣты; постановили: смѣту, составленную Правленіемъ училища на 1892 годъ, принять безъ измѣненія

и передать въ Правленіе училища для руководства. На журналѣ семь послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая: «Сентября 24. Утверждается».

3. Слушали (20 сентября—въ утреннемъ засѣданіи) журналъ временно-ревизіоннаго комитета о повѣрѣхъ имъ отчета по приходу и расходу суммъ Харьковскаго духовнаго училища за 1890 г. и объ освидѣтельствваніи имъ наличныхъ училищныхъ суммъ, а также о наблюденіи имъ за расходованіемъ ихъ въ 1891 году, въ которомъ сказано, что всѣ поступившія суммы записывались своевременно, хранились въ подлежащихъ учрежденіяхъ, расходывались правильно и наличность суммъ всегда соотвѣтствовала записямъ приходорасходныхъ книгъ. Постановили: отчетъ по содержанію Харьковскаго духовнаго училища признать правильнымъ и передать оный въ Правленіе училища для храненія; что же касается производства по училищу нѣкоторыхъ подѣлокъ въ 1892 году, исчисленныхъ ревизіоннымъ комитетомъ въ его журналѣ, то предоставить право Правленію училища произвести въ 1892 году тѣ подѣлки по училищу, которыя оно найдетъ болѣе необходимыми, употребивъ на это сумму (до 200 руб.), если таковая останется отъ смѣтнаго назначенія.

4. Приступили къ избранію членовъ временно-ревизіоннаго комитета для документальной повѣрки экономической отчетности по содержанію училища и училищнаго общежитія въ 1891 году и для наблюденія за производствомъ расходовъ въ 1892 году, и посредствомъ закрытой баллотировки избрали на означенную должность священниковъ города Харькова: Василя Лихницкаго, Іоанна Крушедольскаго и Николая Сокольскаго. Постановили: журналъ сей вмѣстѣ съ баллотировочнымъ листомъ представить на благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства. На семь журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства таковая «Сентября 24. Утверждается».

5. Слушали: 1) прошеніе вдовы учителя гимнастики Харьковскаго духовнаго училища, Варвары Черновой, объ оказаніи помощи ей назначеніемъ единовременнаго денежнаго пособія, въ виду крайней ея бѣдности, а также и того, что умершій мужъ ея, Илья Черновъ, состоялъ учителемъ при Харьковскомъ духовномъ училищѣ въ теченіе десяти лѣтъ; 2) прошеніе вдовы учителя Харьковскаго духовнаго училища, Анны Молчановской, о назначеніи ей денежнаго пособія, въ виду того, что умершій мужъ ея, Георгій Молчановскій, состоялъ учителемъ при Харьковскомъ духовномъ

училищѣ около десяти лѣтъ и получалъ ограниченное жалованье, такъ что просительница—жена его—осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни. Постановили: сдѣлать одновременно личный взносъ по одному рублю отъ каждаго причта церковей Харьковскаго училищнаго округа въ январѣ мѣсяцѣ 1892 года при общихъ годовыхъ отчетахъ въ Правленіе училища, и взносъ этотъ Правленіе училища, по полученіи отъ оо. благочинныхъ, раздѣлить между Черновой и Молчановской такъ, чтобы Чернова получила одну треть взноса, а остальные двѣ трети должны поступить въ пользу Молчановской.

6. Слушали: а) прошеніе вдовы коллежскаго ассесора, Наталіи Ракшевской, объ освобожденіи сына ея, ученика проготовительнаго класса Харьковскаго духовнаго училища, Евгенія Ракшевскаго, отъ платы за обученіе по бѣдности ея; и б) прошеніе Харьковскаго уѣзда села Рогани Вознесенской церкви священника Іоанна Ракшевскаго о принятіи въ училищное общежитіе его племянника—того же Евгенія Ракшевскаго—со взносомъ платы, установленной за содержаніе для дѣтей лицъ духовнаго званія, такъ какъ племянникъ его по сиротству своему находится на полномъ его иждивеніи и попеченіи; постановили: ученика проготовительнаго класса Харьковскаго духовнаго училища, Евгенія Ракшевскаго, освободивъ отъ платы за обученіе, принять въ училищное общежитіе со взносомъ платы, установленной для дѣтей лицъ духовнаго званія за содержаніе, если Правленіе училища не найдетъ къ тому препятствій. На журналѣ семь послѣдовала такая резолюція Его Высокопреосвященства: «Сентября 24. Назначеніе пособія вдовамъ Черновой и Молчановской можетъ быть утверждено не иначе, какъ подъ условіемъ добровольнаго согласія каждаго причта на это пожертвованіе. Остальное утверждается».

7. Слушали (въ вечернемъ засѣданіи) докладъ ревизіонной комиссіи по провѣркѣ вѣнчиковыхъ вѣдомостей церковей Харьковскаго училищнаго округа за 1890 годъ, изъ котораго видно, что отъ благочинія церковей города Харькова и по настоящее время Правленіемъ училища не получены не только суммы за проданные вѣнчики и листы разрѣшительной молитвы, но даже и вѣдомости; при разсмотрѣніи же другихъ благочинническихъ вѣдомостей, оказалось, что въ благочиніи 1-го Валковскаго округа вѣнчиковая операція велась не согласно съ постановленіями съѣздовъ; въ благочиніи 3-мъ, Волчанскаго уѣзда, въ частныхъ вѣдомостяхъ, а также въ вѣдомости отъ Харьковскаго Каѳедраль-

наго собора не показанъ возрастъ умершихъ, отъ благочинія же 4-го округа, Харьковскаго уѣзда, не оказалось ни общей благочинической вѣдомости, ни частныхъ вѣдомостей по церквямъ, безъ чего съѣздъ не можетъ сдѣлать надлежащей повѣрки вѣнчиковою суммы; постановили: просить Харьковскую Духовную Консисторію побудить оо. благочинныхъ въ точности выполнять постановленія съѣздовъ касательно вѣнчиковаго сбора и своевременно доставлять какъ вѣнчиковыя суммы, такъ и вѣдомости по установленной формѣ.

За окончаніемъ всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію съѣзда, постановили: засѣданія съѣзда закрыть и назначить время съѣзда въ будущемъ 1892 году 16 числа сентября мѣсяца. На семь журналь послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая: «Сентября 24. Утверждается и поручается Правленію училища отнестись по сему предмету въ Консисторію съ изложеніемъ подробностей, указанныхъ въ докладѣ комиссіи».

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

20-го августа сего 1891 года священникомъ г. Харькова, о. Николаемъ Мощенковымъ, представлено въ Правленіе *три тысячи рублей* въ разныхъ процентныхъ бумагахъ, пожертвованныя по завѣщанію умершимъ протоіереемъ города Валокъ соборной Преображенской церкви, Аполлономъ Теодоровичемъ Солодовниковымъ, на содержаніе одного стипендіата при Харьковской Духовной Семинаріи. Объ учрежденіи сей стипендіи Правленіе Семинаріи вошло съ ходатайствомъ къ высшему духовному начальству.

Епархіальныя извѣщенія.

28 сентября н. г. награждены набодренникомъ священники: города Богодухова, Соборно-Успенской церкви Дмитрій *Владыковъ*, Троицкой—Евгеній *Пономаревъ*, и Троицкой церкви слоб. Сѣвной Богодуховскаго уѣзда Василій *Сукачевъ*.

— 23 сент. перемѣщены, согласно прошенію, одинъ на мѣсто другаго, Богодуховскаго уѣзда с. Вольнаго, Успенской церкви, священникъ Василій *Сукачевъ* и того же уѣзда слоб. Сѣвной, Троицкой церкви, священникъ Александръ *Артюховскій*.

— Опреѣленъ на мѣсто перваго священника при Троицкой церкви слоб. Перекопа, Валковскаго уѣзда, п. г. окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, Андрей *Мухомъ*, вторымъ же священникомъ къ сей церкви перемѣщенъ священникъ Борисоглѣбской церкви села Ясенка, Ахтырскаго уѣзда, Іоаннъ *Меньковскій*.

— Опреѣленъ на мѣсто священника при Рождество-Богородичной церкви слоб. Сѣнной, Богодуховскаго уѣзда, студентъ Харьковской Духовной Семинаріи, Георгій *Шепелевскій*.

— Перемѣщенъ въ Егтерінославскую епархію священникъ Преображенской церкви слоб. Петровской, Изюмскаго уѣзда, Михаилъ *Лавиновъ*, а на его мѣсто определень окончившій курсъ наукъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, Стефанъ *Чиркинъ*.

— Уволенъ отъ должности законоучителя Лебединскаго народнаго училища священникъ Петръ *Чижевскій*, а въ сей должности утверждень священникъ Аполлоній *Гончаревскій*.

— Уволенъ заштатъ діаконъ Николаевской церкви сл. Боровской Старобѣльскаго уѣзда, Данилъ *Платоновъ*, согласно прошенію.

— Опреѣленъ псаломщикъ Николаевской церкви сл. Муратовой Старобѣльскаго уѣзда, Феоктистъ *Александровъ*, на діаконское мѣсто къ церкви сл. Боровской.

— Перемѣщенъ псаломщикъ церкви слободы Ново-Ахтырки того же уѣзда, Аполлонъ *Ушаковъ*, на псаломщицкое мѣсто къ Николаевской церкви слободы Муратовой.

— Опреѣленъ псаломщикомъ къ церкви слободы Ново-Ахтырки, Старобѣльскаго уѣзда, сынъ дворянина, Стефанъ *Козловскій*.

— Опреѣленъ псаломщикомъ къ Успенской церкви сл. Климовки, Сумскаго уѣзда, окончившій курсъ наукъ въ Черниговской Духовной Семинаріи, Василій *Томашевскій*.

— Утверждень церковнымъ старостою Архангело-Михаиловской церкви сл. Кириковки, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ Михаилъ *Дядюшка*.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ по Изюмскому уѣзду: къ Успенской церкви сл. Савинець отставной унтеръ-офицеръ Григорій *Лукиенко* и къ Всѣхсвятской церкви с. Залиманья крестьянинъ Іеремія *Бережной*.

— Уволенъ по прошенію отъ должности церковнаго старосты крестьянинъ Акилиппинской волости сл. Некременаго, Изюмскаго уѣзда, Павелъ *Хоронько*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Кончина, вынось тѣла и погребеніе Высокопреосвященнаго Платона, митрополита Кіевскаго и Галицкаго, и краткія свѣдѣнія объ его жизни и дѣятельности.—Дѣйствія Харьковскаго епархіальнаго комитета по сбору пожертвованій въ пользу бѣдствующихъ соотечественниковъ.—Отмѣна придворныхъ баловъ.—По поводу увеселеній съ благотворительною цѣлю.—Пожертвованіи въ пользу голодающихъ.—Братскіе союзы.—О церковно-приходской благотворительности сектантамъ.—Бесплатный провозъ по желѣзнымъ дорогамъ пожертвованій въ мѣстности, постигнутыя неурожаемъ.—Новая мѣра къ обезпеченію продовольствія.—Заботы правительства объ искорененіи пьянства въ народѣ.—Отрадное явленіе въ жизни крестьянъ.—О вѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ.—Новое общество церковнаго пѣнія.—Сближеніе раскольниковъ съ православною Церковію.—Комиссія для изученія раскола.—Свято-Владимірское братство.—О прекращеніи работы и торговли въ праздничные дни.—Открытіе дома трудолюбія въ г. Орлѣ.—Выставка арестантскихъ ремесленныхъ работъ.—Выставка народныхъ любочныхъ картинъ.—Объ учителяхъ для церковно-приходскихъ школъ и объ учительскихъ семинаріяхъ.—Къ вопросу о ремесленномъ образованіи для дѣтей духовенства.—О введеніи преподаванія садоводства и огородничества въ духовныхъ училищахъ.—Суммы для организациі преподаванія сельскаго хозяйства.—Награды въ школахъ учителямъ за распространеніе въ народѣ знаній по сельскому хозяйству.—Новая сельско-хозяйственная школа.—Вопросъ о сельскомъ кредитѣ.—Еврей и незаконная осѣдность.—Выпускъ 30/0 займа.—Закрытіе французской выставки.—О правахъ на русское подданство.—Положеніе православія въ Святой землѣ, Святогробское братство и Православное Палестинское общество.—Освященіе русскаго дома вблизи гроба Господня.—Провинціальный соборъ въ Галиціи, и «Галицкая Русь».—Французское правительство и церковь.—Молитва о спасеніи республики.—Самоубійство Буланже и Вальмаседи.—Бѣдствія на о. Мартиникѣ.—Улучшеніе путей сообщенія въ Харьковской губерніи.—Новый нищевой продуктъ.—Новое изобрѣтеніе.—Возрастъ деревьевъ.—Продолжительность сна.—Медицинскіе совѣты.

Перваго октября, послѣ долговременнаго примѣрнаго служенія Русской Церкви, отошелъ въ вѣчность митрополитъ Кіевскій и Галицкій Платонъ.

Покойный іерархъ, въ мѣрѣ Николай Ивановичъ Городецкій, родился 2 мая 1803 года, въ посадѣ Погорѣломъ-Городищѣ (Тверской губерніи, Ржевскаго уѣзда). Послѣ домашняго образованія подъ руководствомъ роднаго отца священника, онъ воспитывался въ Тверской Семинаріи и Петербургской Духовной Академіи. Въ послѣдней ему пришлось окончить курсъ со степенью магистра богословія (1827), а затѣмъ, съ 7 сентября того же года, занять мѣсто преподавателя физико-математическихъ наукъ и греческаго языка въ Орловской Семинаріи. Черезъ два года онъ былъ призванъ въ родную Академію для преподаванія греческаго языка (съ 29 сентября 1829 г.), послѣ же принятія монашества (въ маѣ 1830 года) читалъ лекціи по нравственному и обличительному богословію. Въ слѣдующемъ году, возведенный въ санъ архимандрита, молодой профессоръ получилъ мѣсто инспектора въ той-

же Академіи (съ 6 ноября 1831 года) и занималъ эту должность въ теченіе шести лѣтъ (до 20 декабря 1837 года). Затѣмъ, послѣ недолгаго ректорства въ Костромской Духовной Семинаріи (съ 20 декабря 1837 года до 28 апрѣля 1839), его назначили настоятелемъ первокласснаго Виленскаго Свято-Духова монастыря. Въ этомъ мѣстѣ своего служенія онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ близкихъ лицъ къ Преосвященному Литовскому Юсифу Сѣмашко и явился ревностнымъ сотрудникомъ его въ дѣлѣ сближенія униатовъ съ православіемъ и русскою народностью. Такая плодотворная дѣятельность продолжалась четыре года (съ 28 апрѣля 1839 года до 8 сентября 1843 года) и обратила на себя вниманіе Св. Синода: 8 сентября 1843 года архимандритъ Платонъ былъ рукоположенъ во епископа Ковенскаго, викарія Литовской епархіи. Санъ епископа далъ ему большее вліяніе на распространеніе православія въ Западномъ краѣ, а заботы объ угнетенной паствѣ выказали въ немъ замѣчательнаго администратора. Спустя пять лѣтъ, когда было нужно послѣ перевода епископа Филарета въ Харьковъ замѣстить Рижскую кафедру, Высочайшимъ указомъ (6 ноября 1848 года) былъ назначенъ туда Преосвященный Платонъ. Здѣсь предъ нимъ открылось еще болѣе обширное поле дѣятельности. Много трудовъ и усилій потратилъ здѣсь Архипастыръ для великаго насажденія и утвержденія Православія среди эстовъ и латышей и для огражденія его отъ посягательствъ лютеранскихъ пасторовъ и бароновъ, противоборствовавшихъ великому дѣлу всею силою и своего мѣстнаго вліянія, и петербургскихъ связей, путемъ интригъ и доносовъ. Ревностный Архипастыръ началъ хлопотать о преобразованіи духовнаго училища въ семинарію. Успѣхъ увѣнчалъ это дѣло. Вскорѣ затѣмъ Преосвященный достигъ и матеріальнаго обезпеченія подвѣдомственнаго ему духовенства. Содержаніе священниковъ было увеличено, нѣкоторые получили земельный надѣлъ. Онъ обратилъ должное вниманіе и на церковно-строительное дѣло. Постоянные храмы существовали только въ городахъ, для сельскихъ же прихожанъ церкви открывались во временныхъ помѣщеніяхъ, въ домахъ военнаго поста, иногда даже въ сараяхъ, погребахъ, брошенныхъ винокурняхъ и вузницахъ. Скудость и убожество церквей превосходили всякое вѣроятіе: священники имѣли всего по одному, по два облаченія, да и то ветхія, изорванныя; въ необходимыхъ принадлежностяхъ чувствовался существенный недостатокъ; иконостасы состояли изъ тесовыхъ перегородокъ, на которыхъ развѣшивались иконы,

давно утратившія видъ коня. Все это стараніями Преосвященнаго исправлялось и количество постоянныхъ церквей удвоилось, а число православныхъ съ 117,730 душъ возрасло до 180,846. Въ 1866 г. высокопреосвященнѣйшій Платонъ былъ переведенъ въ Новочеркасскъ. Владыка пріѣхалъ сюда, уже пользуясь громкою извѣстностью и самою широкою популярностью не только въ духовныхъ сферахъ, но и во всѣхъ слояхъ русскаго общества, какъ защитникъ и насадитель Православія въ литовскихъ и отзейскихъ губерніяхъ, какъ іерархъ, много поработавшій и много сдѣлавшій для подъема русскаго національнаго духа на окраинахъ Россіи. Высокопреосвященный Платонъ скоро заявилъ себя и на новомъ посту. Во время десятилѣтняго управленія Донскою епархіей, онъ оказалъ ей тѣмъ важныя услуги, что имя его и до нынѣ пользуется тамъ большою извѣстностью, какъ въ высшихъ слояхъ общества, такъ и въ массѣ простаго люда. Въ 1877 году высокопреосвященный Платонъ былъ переведенъ на Херсонскую кафедру. Время святительства его въ Одессѣ совпало съ войной за освобожденіе славянъ. Энергическій архипастыръ весь отдался великому патріотическому движенію, поддерживалъ его своими рѣчами, первый подавалъ примѣръ щедрыхъ пожертвованій на больныхъ и раненыхъ воиновъ и на другія нужды военнаго времени. Ближайшимъ поприщемъ пастырскаго учительства высокопреосвященнаго Платона была, конечно, Одесса, гдѣ онъ имѣлъ свое пребываніе, но оно не ограничивалось только ею. Не смотря на преклонность своихъ лѣтъ, онъ предпринималъ продолжительныя поѣздки по епархіи каждый годъ. Во время этихъ поѣздокъ онъ внимательно наблюдалъ за состояніемъ не только храмовъ Божіихъ и ихъ причтовъ, но и всѣхъ православныхъ чадъ Церкви. Въ каждомъ храмѣ, послѣ обычнаго осмотра его и собесѣдованія съ духовенствомъ, онъ обращался съ своимъ архипастырскимъ словомъ къ присутствовавшему въ немъ, коихъ всегда было много: узнавалъ о нуждахъ Церкви, объ усердіи къ ней прихожанъ, о взаимныхъ отношеніяхъ причта къ прихожанамъ и обратно, и сообразно съ тѣмъ, что ему дѣлалось извѣстнымъ при этомъ, предлагалъ тогда же пастырскія наставленія, продолжавшіяся часъ и полтора часа, особенно если въ обозрѣваемыхъ имъ приходяхъ находились старообрядцы, штундисты или шалопуты, которыхъ въ Херсонской епархіи, къ сожалѣнію, не мало. 4 февраля 1882 года, высокопреосвященный Платонъ, по Монаршему соизволенію, былъ назначенъ на митрополичью кафедру

«матери русскихъ городовъ». При своемъ новомъ высокомъ духовномъ званіи доблестный іерархъ принималъ живое участіе въ дѣлахъ Святѣйшаго Синода, особенно по вопросу о штундизмѣ: онъ первый учредилъ миссіонерство для борьбы съ этою вредною сектой, еще въ 1886 году созвалъ помѣстный соборъ въ Кіевѣ для обсужденія мѣръ противъ распространенія ея на югѣ и до конца своей многолѣтней дѣятельности самъ являлся великимъ миссіонеромъ православной Церкви.

Маститый архипастырь почувствовалъ себя нездоровымъ 24 сентября. Доктора опредѣлили болѣзнь инфлуэнцей, отъ которой и пользовали владыку. Въ послѣдніе дни предъ смертію болѣзнь и потеряла опасный характеръ и казалось дѣло идетъ къ выздоровленію. Въ воскресенье, 29 сентября, владыка приобщился Св. Таинъ; 1 октября, въ праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы, больной снова пожелалъ приобщиться Св. Таинъ и чувствовалъ себя значительно лучше прежнихъ дней, и бывшимъ при немъ врачамъ сказалъ: «я васъ, господа, долженъ порадовать: мнѣ сегодня необыкновенно легко». Въ два часа дня онъ пожелалъ присутствовать за обычною домашнею трапезой, но аппетита уже не имѣлъ никакого. За обѣдомъ владыка вспоминалъ о службѣ своей въ Ригѣ и велъ бесѣду съ окружавшими его о другихъ текущихъ дѣлахъ. Въ три часа легъ спать и въ пять проснулся, жалуюсь на тяжесть въ головѣ и рассказывая, что онъ видѣлъ сонъ о войнѣ своей съ Нѣмцами. Врачъ нашелъ слабымъ біеніе пульса и ненормальное дѣйствіе сердца. Больному дано было лѣкарство и онъ снова успокоился, а въ 6 часовъ 15 минутъ совершенно тихо и мирно предалъ духъ свой Богу на 89 году жизни. На скрижаляхъ русской церковной исторіи никогда не изгладится имя почившаго архипастыря, столь много потрудившагося на благо Православія и для защиты его и русской народности противъ римско-католическихъ и протестантскихъ притязаній.

Выносъ тѣла въ Бозѣ почившаго высокопреосвященнаго митрополита Платона въ Софійскій соборъ состоялся, въ установленномъ церемоніаломъ порядкѣ, 3 октября, ровно въ 11 часовъ утра. Гробъ поднять былъ на руки 12 лицами изъ архимандритовъ, протоіереевъ и іереевъ, а крышку гроба несли 3 діакона. Впереди гроба шли воспитанники и служащіе духовныхъ учебныхъ заведеній, затѣмъ пѣвчіе, далѣе діаконы, іереи, протоіереи, архимандриты и архіереи. Предъ гробомъ на 4 подушкахъ заслуженные священники несли регалии почившаго архипастыря, митру

и кlobукъ. За гробомъ шли высокопоставленныя особы свѣтскихъ вѣдомствъ и масса народа. Печальная церемонія выноса тѣла почившаго архипастыря окончилась около 1 часа пополудни. 5-го октября состоялось отпѣваніе и погребеніе почившаго митрополита. Ровно въ 9 часовъ утра начался благовѣстъ въ соборѣ къ поздней литургіи. Одновременно съ этимъ начался перезвонъ колоколовъ во всѣхъ кіевскихъ градскихъ церквахъ. Заупокойную литургію совершали четыре архіерея: высокопреосвященный Сергіѣй, архієпископъ Херсонскій и Одесскій, ректоръ Кіевской Духовной Академіи преосвященный Сильвестръ, епископъ Каневскій, преосвященный Иринеѣй, епископъ Чигиринскій, преосвященный Анатолий, епископъ Уманскій, въ сослуженіи съ намѣстникомъ Лавры отцомъ архимандритомъ Ювеналіемъ, кафедральнымъ протоіереемъ отцомъ П. Лебединцевымъ, архимандритами и заслуженными протоіереями. Во время Богослуженія въ соборѣ присутствовали: Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Александра Петровна, начальникъ края съ супругою, командующій войсками Кіевского военнаго округа, начальникъ губерніи, попечитель учебнаго округа, помощникъ попечителя, вице-губернаторъ, городской голова и другіе представители военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, профессора Кіевской Духовной Академіи, наставники кіевскихъ духовно-учебныхъ заведеній, студенты академіи и воспитанники духовно-учебныхъ заведеній. По распоряженію попечителя Кіевского учебнаго округа, въ соборѣ присутствовали также воспитанники классическихъ гимназій, реальнаго училища, воспитанницы гимназій и ученики городскихъ училищъ; присутствовали также сестры милосердія, въ качествѣ представителей отъ Общества Краснаго Креста. Во время отпѣванія были произнесены три надгробныя рѣчи: ординарнымъ профессоромъ В. Ф. Пѣвницкимъ, протоіереемъ о. Златоверховниковымъ и студентомъ Духовной Академіи Шевелевымъ. «Прощаніе» съ любимымъ митрополитомъ длилось около часа. При пѣніи ирмосовъ гробъ былъ поднятъ архимандритами и отнесенъ въ Срѣтенскій придѣлъ Софійскаго собора къ приготовленной могилѣ. Это мѣсто избрано самимъ митрополитомъ; сбоку находится могила замѣчательнаго русскаго ученаго, Кіевского митрополита Евгенія. Во всѣхъ церквахъ города происходилъ траурный перезвонъ колоколовъ. Когда гробъ съ останками покойнаго вложили въ заранее приготовленный склепъ, первенствующему архіерею, высокопреосвященному Сергію, была поднесена на серебрянномъ блюдѣ

земля. Архіепископъ посыпалъ крестообразно гробъ землей. Затѣмъ обрядъ посыпанія землей совершенъ былъ и остальными духовными и свѣтскими лицами. Собравшіеся нѣсколько тысячъ народа долго не расходились съ Софійской площади, желая поглядѣть на могилу высокопреосвященнаго митрополита. «М. В.».

— Харьковскій епархіальный комитетъ по сбору пожертвованій въ пользу бѣдствующихъ соотечественниковъ отъ неурожая, въ засѣданіяхъ своихъ 12-го сентября и 2-го октября, сдѣлалъ слѣдующія, между прочимъ, постановленія: 1) Кромѣ кружечнаго сбора при богослуженіяхъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, предоставитъ право членамъ комитета производить сборъ пожертвованій на означенный предметъ, для чего отпечатать потребное количество экземпляровъ квитанціонныхъ книгъ, для выдачи квитанцій въ пріемъ пожертвованій членами комитета, — о чемъ и объявитъ къ свѣдѣнію чрезъ мѣстныя газеты. Пожертвованія, поступившія къ членамъ комитета, по мѣрѣ накопленія ихъ, должны быть сдаваемы казначею комитета для внесенія таковыхъ на храненіе и приращеніе процентами въ одно изъ существующихъ въ г. Харьковѣ кредитныхъ учрежденій. 2) О дѣятельности епархіального комитета посылать ежемѣсячныя донесенія въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ. 3) Свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ суммъ комитета, съ указаніемъ именъ и фамилій жертвователей, сообщать для напечатанія въ редакціи «Южнаго Края» и мѣстныхъ «Губерн. Вѣдомостей». 4) Изъ суммы поступившихъ пожертвованій съ 15-го сентября по 1-е октября 1735 руб. 79¹/₂ коп. отчислить 1700 рублей для немедленной отсылки ихъ въ епархіальные комитеты пострадавшихъ губерній отъ неурожая: Нижегородскій, Самарскій, Оренбургскій, Саратовскій, Тамбовскій, Пензенскій, Казанскій и Симбирскій, по сто пятидесяти рублей въ каждый, какъ болѣе нуждающіеся, а въ Тульскій, Рязанскій, Воронежскій, Вятскій и Уфимскій — по сто рублей въ каждый.

— По волѣ Государя Императора балы при Высочайшемъ дворѣ отмѣнены и назначенныя на это суммы будутъ направлены въ помощь лицамъ, пострадавшимъ отъ неурожая. Ихъ Величества, не смотря на весьма понятное желаніе предоставить развлеченіе молодымъ Великимъ Князьямъ и Великой Княжнѣ, нашли устройство дворцовыхъ празднествъ несовмѣстнымъ съ народнымъ бѣдствіемъ. Вѣсть объ этомъ великодушномъ починѣ, объ этой дорогой царской отзывчивости несомнѣнно радостно отзовется въ русскихъ сердцахъ и уже заставляла многихъ послѣдовать яркому примѣру

собрания личныхъ расходовъ въ пользу немущихъ. Такъ, командиръ и гг. офицеры лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества полка постановили: ассигнуемую на товарищескій завтракъ въ день полковаго праздника, 4 октября, сумму пожертвовать въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая въ нынѣшнемъ году. Точно также воспитанники пиротехнической артиллерійской школы въ Петербургѣ рѣшили не устраивать въ этомъ году на Рождествѣ обычнаго бала. Балъ этотъ устраивался на собранныя по подпискѣ между воспитанниками деньги, къ которымъ добавлялось обыкновенно до 200 руб. казенныхъ денегъ. Воспитанники рѣшили ходатайствовать, чтобы какъ казенныя, такъ и собранныя по подпискѣ деньги, всего отъ 400 до 500 р., были направлены въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Будемъ надѣяться, что Царскій примѣръ громогласнымъ эхомъ отозвется по всей Россіи.

— Можно также надѣяться, что Царскій примѣръ для нѣкоторыхъ послужитъ урокомъ трезваго отношенія къ распространившемуся въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ обычаю — пользоваться благотворительностию какъ поводомъ для собственнаго своего увеселенія. Съ нѣкотораго времени вошло въ моду устраивать спектакли, балы, танцевальныя вечера и т. п. въ пользу тѣхъ или другихъ предпріятій благотворительнаго свойства, напр. для построенія и поддержки на вырученныя деньги церквей, школъ, богадѣленъ, больницъ и для облегченія участи отдѣльныхъ семей, пострадавшихъ отъ какого-нибудь несчастія. Когда въ текущемъ году Россію постигъ неурожай, нѣкоторыми высказано было предположеніе, какъ бы и это несчастіе не послужило поводомъ къ устройству увеселительныхъ развлеченій. Предположеніе оказалось небезосновательнымъ. Въ «Московск. Вѣдомостяхъ» читаемъ: «Есть способъ помогать, приобрѣтая билеты на благотворительныя спектакли и балы. Уже раздаются голоса о необходимости повеселиться по поводу голоданія. Добровольцы-распорядители не заставятъ себя ждать. Неужели эта форма помощи можетъ удержаться и при общемъ несчастіи? Вѣдь, если благотворительныя увеселенія возможно объяснить въ интересахъ поддержки отдѣльныхъ личностей и небольшихъ учреждений, то было бы уродливо плясать съ болью въ сердцѣ о голодающихъ собратіяхъ. Царскій примѣръ долженъ быть дорогъ намъ. Онъ указываетъ, что въ тяжелую годину нужно отказываться отъ различныхъ утѣхъ и прихотей. Отмѣненная вечеринка, некупленная шляпа или платье, невыкуренная сигара и т. д. и т. д. составятъ не мало денегъ, такъ необходимыхъ для закупки сельскихъ про-

дуктовъ, на которые иначе найдутся заграничные покупатели. Надо спѣшить помогать». Дѣйствительно, какъ замѣчаетъ «Цер. Вѣст.», было бы не только странно, но и оскорбительно для чело-вѣческаго чувства, если бы лицемѣрный способъ благотворенія посредствомъ самоугожденія и самоуслажденія нашелъ себѣ при-мѣненіе въ настоящую трудную минуту общенароднаго бѣдствія. Да и во всякое другое время этотъ способъ не можетъ не смущать благочестиво настроеннаго христіанина, для котораго бла-готворительность неразрывно связана съ понятіемъ подвига, са-моотверженія.

— Всеобщее движеніе въ пользу голодающихъ, выражающееся посильными пожертвованіями натурою или деньгами, одновремен-но или въ формѣ правильныхъ вычетовъ изъ содержанія, охва-тило также и педагогическій міръ. Въ настоящее время газеты почти ежедневно приносятъ извѣстія о постановленіяхъ тѣхъ или другихъ педагогическихъ совѣтовъ или всѣхъ служащихъ въ из-вѣстномъ заведеніи жертвовать опредѣленный процентъ изъ сво-его, весьма скромнаго въ большинствѣ случаевъ, содержанія въ пользу голодающихъ.

-- При многихъ церквахъ въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, какъ видно изъ донесеній мѣстныхъ епархіальныхъ вѣ-домствъ, впервые учреждаются «братскіе союзы», съ цѣлью бла-готворенія бѣднымъ приходомъ.

— Послѣднія распоряженія высшаго духовнаго правительства о сборѣ и распредѣленіи пожертвованій среди голодающихъ вызы-ваютъ въ свѣтской печати, между прочимъ, и такой вопросъ: под-ходятъ ли подъ эти мѣры православно-церковной благотворитель-ности наши сектанты? Хотя въ опредѣленіи Св. Синода и указа-но подавать помощь «безъ различія вѣроисповѣданій», тѣмъ не менѣе говорятъ, что сектантство не есть вѣроисповѣданія. При-томъ, противъ штундистовъ и раскольниковъ даже нынѣшнимъ лѣтомъ выработанъ цѣлый рядъ стѣснительныхъ мѣръ. Умѣстна ли поэтому помощь, на примѣръ, забоснѣлымъ штундистамъ со стороны православнаго духовенства, которое является, по мнѣнію свѣтскихъ газетъ, ихъ ближайшимъ антагонистомъ? По этому поводу «Нов. Вр.» высказываетъ такую мысль. — «Въ дѣлѣ подава-нія помощи нуждающимся не менѣе духовнаго элемента важно участіе и свѣтскихъ властей, со стороны которыхъ также принимаются вполне цѣлесообразныя для будущаго средства, причемъ, конечно, сектанты не могутъ быть забыты ни при распредѣленіи

озимыхъ сѣмянъ, ни при прямой раздачѣ продовольствія; для мѣстной губернской власти не можетъ быть различій, кто именно нуждается изъ обыкновенныхъ мирныхъ жителей; въ поддержкѣ благосостоянія всѣхъ жителей эта власть равно заинтересована. Но помимо этого мы бы желали сказать слово въ защиту и православнаго духовенства даже отъ самой мысли приписывать ему неправомѣрность въ распредѣленіи пожертвованій натурою, если въ числѣ голодающихъ, рядомъ съ православнымъ и лютераниномъ, сидитъ сектантъ. Напротивъ, вполне согласно съ высокимъ духомъ православія—воодушевлять и этихъ отщепенцевъ той истинно-христіанской теплотой, которая служитъ могучимъ факторомъ при проведеніи въ жизнь евангельской любви къ ближнему. Быть можетъ, помощь даже штундистскому населенію, оказанная во время, сдѣлаетъ больше, — или, по крайней мѣрѣ, не меньше, — тѣхъ непосредственныхъ миссіонерскихъ подвиговъ, какіе рекомендовались нынѣшнимъ лѣтомъ для обращенія сектантовъ: Прибавимъ, что такая помощь, если она нужна, вполне соотвѣтствуетъ и духу самаго миссіонерства».

Самый вопросъ возникъ по недоразумѣнію, такъ какъ сектанты въ глазахъ православнаго духовенства не антагонисты, а несчастные заблуждающіеся, которыхъ слѣдуетъ привлекать въ лоно церкви путемъ и убѣжденія и братской о Христѣ любви, подобно тому, какъ и Христосъ училъ и помогалъ не только іудеямъ, но и язычникамъ.

— Вслѣдствіе ходатайства г. синодальнаго Оберъ-Прокурора о предоставленіи бесплатнаго, по желѣзнымъ дорогамъ, провоза въ мѣстности, постигнутыя неурожаемъ, хлѣба, муки, сухарей и вообще всякаго рода пожертвованій, поступающихъ въ учрежденные по епархіямъ, во исполненіе опредѣленія Св. Синода, отъ 21 минувшаго августа за № 2139, епархіальные комитеты по сбору пожертвованій, министръ финансовъ, вполне раздѣляя выраженное г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ желаніе возможно облегчить доставку названными комитетами пожертвованій по назначенію, сдѣлалъ распоряженіе о подлежащемъ сношеніи съ желѣзнодорожными обществами, и такъ какъ всѣ россійскія желѣзныя дороги отнеслись къ предложенію съ полнымъ сочувствіемъ и заявили согласіе перевозить отправляемыя епархіальными комитетами, въ неурожайныя мѣстности, всякаго рода пожертвованія бесплатно, при условіи предъявленія, на станціяхъ отправленія пожертвованій, надлежащихъ свидѣтельствъ комитетовъ, то онъ, г. министръ, разрѣшилъ означенную бесплатную перевозку къ примѣненію

— Въ виду возникшаго на практикѣ вопроса относительно того, слѣдуетъ ли вывозимыя за границу выжимки масляничныхъ сѣмянъ подводить подъ понятіе объ отрубяхъ всякихъ, воспрещенныхъ къ отпуску именнымъ Высочайшимъ указомъ, 28 іюля 1891 года правительствующему сенату даннымъ, министръ финансовъ нашелъ нужнымъ разъяснить, на основаніи пункта 4 того-же указа, что выжимки масляничныхъ сѣмянъ составляютъ одинъ изъ видовъ отрубей, и потому, наравнѣ съ отрубями, не могутъ быть допускаемы къ вывозу за границу. «Цер. Вѣст.».

— Согласно циркулярному распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 14 ноября 1886 года, какъ передаютъ «М. В.», на волостныхъ старшинъ возложена была обязанность искоренять пьянство въ средѣ крестьянъ и болѣе виновныхъ подвергать отвѣтственности. Теперь новымъ циркулярнымъ распоряженіемъ волостнымъ старшинамъ вмѣнено въ обязанность доводить до свѣдѣнія земскихъ начальниковъ о такихъ лицахъ, расхищающихъ свое хозяйство. Земскіе начальники передаютъ ихъ волостному суду.

— Крестьяне слободы Ворожбы, Харьковской губерніи, находя, что питейная продажа вліяетъ на разореніе ихъ хозяйствъ, что пьянство служитъ главной причиной дракъ, ссоръ и, какъ ихъ послѣдствіе, различныхъ тяжбъ—нерѣдко же доводитъ до кражи и другихъ проступковъ,—постановили приговоръ о воспрещеніи въ предѣлахъ своего общества всякаго рода питейной торговли, безъ исключенія, на 3-хъ-лѣтіе, съ 1892 по 1895 г. Приговоръ этотъ еще мотивированъ тѣмъ, что въ будущемъ году имѣется въ виду перестройка церкви и училища, на что потребуются извѣстныя средства: закрывъ кабаки, крестьяне думаютъ сдѣлать хотя небольшія сбереженія на это доброе и полезное дѣло.

Въ нынѣшнемъ году, въ виду недорода хлѣба и общаго упадка производительности, мѣра, принятая Ворожбовскимъ обществомъ, является особенно своевременной и желательной.

— Внѣбогослужебныя собесѣдованія, при введеніи которыхъ имѣется въ виду облегчить полученіе религіознаго назиданія православнымъ населеніемъ, вводятся и ведутся духовенствомъ съ значительнымъ усердіемъ, но о значеніи этихъ собесѣдованій слышатся иногда весьма странныя сужденія. Одинъ изъ благочинныхъ вятской епархіи въ полугодичномъ рапортѣ своемъ, на имя преосвященнаго Сергія, о состояніи церквей, причтовъ и прихожанъ ввѣреннаго ему благочинническаго округа, донося, между прочимъ, о томъ, что внѣбогослужебныя бесѣды въ его благочи-

ни введены повсемѣстно, присоединилъ къ этому донесенію, что, по крайнему его разумѣнію, «нынѣ совершаемыя внѣбогослужебныя бесѣды ослабляютъ строгость требованій проповѣдничества и въ частности катихизаторства, потому что а) для устной бесѣды съ народомъ нѣтъ нужды для священника заботиться о тщательной подготовкѣ своей богословской рѣчи; б) тѣ, которые обязательно должны заботиться объ обработкѣ проповѣднической рѣчи, произносятъ готовое; слѣдовательно, когда же и какъ можетъ выработаться богословское мышленіе и—слѣдовательно—самый учительный характеръ въ проповѣдникѣ? Съ тѣмъ вмѣстѣ ослабляется и вліяніе слова Божія, потому что вечерня, хотя бы и торжественно совершаемая, не можетъ замѣнить священнѣйшей литургіи, и чтущіе воскресный день и литургію не являются столь же усердными посѣтителеми вечерней, предоставляя это посѣщеніе женскому полу, старцамъ и дѣтямъ, сами же жители города—купцы, чиновники, мѣщане и крестьяне или дозволяютъ себѣ послѣобѣденный физическій отдыхъ, или заготовляютъ матеріаль и все необходимое для недѣльной работы, и такимъ образомъ, когда прежде за литургіею слышалось слово назиданія для всѣхъ состояній и сословій, нынѣ оно обращено только къ избраннымъ—посѣщающимъ вечерню».

Преосвященный Сергій написалъ наэтотъ рапортъ: «Мнѣніе о благочиннаго о значеніи внѣбогослужебныхъ собесѣдованій неосновательно. Если бы по пяти разъ въ день было проповѣдуемо слово Божіе въ каждомъ храмѣ, то и тогда эта проповѣдь была бы неизлишняя, лишь бы сдумѣли проповѣдники распредѣлить предметы своихъ поученій и назидательныхъ чтеній; если, напр., на всенощномъ бдѣніи послѣ шестопсалмія прочитатъ житіе святого, между утренею и литургіею предложить объясненіе дневныхъ апостола и евангелія; въ обычное время литургіи—катихизическую бесѣду, послѣ литургіи—учить молитвамъ незнающихъ молитвъ дѣтей и возрастныхъ, а послѣ вечерни объяснять богослуженіе православной церкви, и вести все это въ надлежащемъ порядкѣ, или системѣ, то такія бесѣды и поученія окажутся полезными не однимъ женщинамъ—старухамъ, а и мужьямъ ихъ и дочерямъ, хотя бы и учившимся кое-чему въ прогимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ».

— Въ Ригѣ открывается въ непродолжительномъ времени Общество любителей православнаго церковнаго пѣнія. Распорядительный Комитетъ Общества, сообщая въ «Рижскихъ Епархіаль-

ныхъ Вѣдомостяхъ» о цѣляхъ и задачахъ Общества, полагаетъ, что учредители Общества чрезъ ходатайство объ учрежденіи его—угадали давнія и теплыя желанія мѣстнаго православнаго населенія относительно улучшенія церковно-богослужебнаго пѣнія въ православныхъ храмахъ и приглашаютъ всѣхъ православныхъ жителей города Риги и всего края къ поддержкѣ этого святаго дѣла. Они питаютъ твердую надежду, что интересы православнаго пѣнія, какъ одного изъ важнѣйшихъ элементовъ благолѣпія церковнаго богослуженія и религіозно-нравственнаго воспитанія народа, особенно въ нашей иновѣрной окраинѣ, гдѣ церковное пѣніе имѣетъ громадную силу, встрѣтятъ полное сочувствіе во всѣхъ слояхъ православнаго населенія края.

— Нетерпимость раскольниковъ и сектантовъ, если имѣтъ въ виду большинство ихъ, замѣтно слабѣетъ. Вотъ, напримѣръ, что видимъ изъ появившагося отчета рязанскаго братства св. Васи-лія за прошлый годъ. Дѣтей раскольниковъ и сектантовъ въ отчетномъ году обучалось въ школахъ 291 человекъ. Миссіонерское вліяніе школы на дѣтей сказывается уже въ школѣ: дѣти раскольниковъ молятся за общей молитвой предъ ученіемъ и послѣ ученія на иконы православныя, читаютъ символъ вѣры по православному, слушаютъ православное ученіе о таинствахъ, объ іерархіи и т. д.; въ школѣ они отвыкаютъ смотрѣть на православныхъ враждебно, а это все подаетъ надежду на обращеніе ихъ въ православную церковь. Пропаганда раскола и сектантства среди православнаго населенія лишилась прежняго вліянія на него, такъ какъ православные теперь и въ церкви—въ проповѣди—слышатъ обличеніе заблужденій раскола и сектантства, и на внѣ-богослужебныхъ собесѣдованіяхъ. Вслѣдствіе этого въ отчетномъ году случаевъ совращенія въ расколъ и сектантство не было. Благодаря бесѣдамъ миссіонеровъ съ раскольниками, эти послѣдніе прежде упорные въ преданности своей «старой вѣрѣ», нетерпимые къ православію, мало-по-малу начинаютъ ослабѣвать въ своемъ фанатизмѣ, и нѣкоторые изъ нихъ настолько проникаются сознаниемъ правоты православія, что разрываютъ всѣ связи съ старой вѣрой и присоединяются къ православной церкви. Обратилось въ теченіе года 48 человекъ. Это, конечно, не много, но было время, когда и подобныя цифры въ отчетахъ нашихъ братствъ не встрѣчались.

— Газеты передаютъ, что въ виду различныхъ обстоятельствъ, выяснившихся на второмъ миссіонерскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, въ

министерствѣ внутреннихъ дѣлъ возникъ вопросъ объ учрежденіи особой комиссіи для изученія раскола.

— Сравнительно съ огромными и разнообразными силами, направленными противъ православія въ Западной Россіи, сознательное противодѣйствіе съ нашей стороны очень не велико. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія дѣятельность Кіевскаго братства св. Владимира, отчеты котораго компилируются «Кіевскимъ Словомъ». Не касаясь другихъ сторонъ разнообразной его дѣятельности, отмѣтимъ, что въ отчетномъ году при содѣйствіи братства крестилось евреевъ мужскаго пола 45, женскаго пола 54, присоединилось къ православію католиковъ мужскаго пола 21 и женскаго пола 5, лютеранъ мужскаго пола 4 и женскаго пола 1, старообрядцевъ мужскаго пола 4 и женскаго пола 1. Такимъ образомъ братство въ теченіе одного года посодѣйствовало крещенію и воссоединенію съ Православною Церковью 135 лицъ. Братство оказывало свое вниманіе и къ возвратившимся въ православіе штундистамъ. Это выражалось иногда въ матеріальной поддержкѣ семьямъ, которыхъ разрывъ со штундизмомъ поставилъ въ безвыходное положеніе, иногда въ снабженіи ихъ иконами. Нельзя также не упомянуть о крайне полезномъ изданіи братства. Желая дать посѣщающимъ святыни города Кіева паломникамъ краткій и точный указатель св. мѣстъ и предметовъ города Кіева, братство издало въ настоящемъ году «Путеводитель по святынямъ Кіева въ числѣ 10.000 экземпляровъ, назначивъ за него весьма умеренную цѣну.

— Вопросъ объ обязательномъ прекращеніи работъ и торговли въ воскресные и праздничные дни, по словамъ «Н. Д.», близокъ къ окончательному разрѣшенію въ утвердительномъ смыслѣ. Инициатива исходитъ отъ г. Оберъ-Прокурора Святѣшаго Синода.

— Въ Орлѣ состоялось открытіе дома трудолюбія, съ дешевой столовой и ночлежнымъ пріютомъ для лицъ, работающихъ въ немъ, и понечительнаго при домѣ трудолюбія общества. Домъ трудолюбія давно уже былъ необходимъ въ Орлѣ въ виду большого количества нищихъ, въ числѣ которыхъ есть немало лицъ, лишившихся работы вслѣдствіе какого-либо неблагоприятнаго стеченія обстоятельствъ. Конечно, нечего говорить о профессиональныхъ нищихъ, но лицамъ бѣдствующимъ необходима помощь, в эту помощь доставляетъ домъ трудолюбія и помогаетъ человѣку, случайно попавшему въ бѣду, выбраться на путь честнаго труда. Еще до открытія дома трудолюбія въ него приняты 3 лица, и заявленія о принятіи

поступаютъ почти ежедневно, хотя подачѣ заявленій мѣшаютъ слухи, распространяемые нищими, не желающими лишиться своего выгоднаго промысла.

— По сообщеніямъ газетъ, главнымъ тюремнымъ управленіемъ разрѣшено устройство въ Петербургѣ и Москвѣ постоянныхъ выставокъ арестантскихъ ремесленныхъ работъ.

— Открылась въ Петербургѣ 29-го сентября выставка народныхъ и лубочныхъ картинъ, устраиваемая комитетомъ грамотности въ помѣщеніи Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества. Почти всѣ издатели и торговцы лубочными картинами согласились принять участіе въ предстоящей выставкѣ, причемъ среди экспонентовъ преобладаютъ москвичи. Въ распредѣленіи картинъ учредители выставки придерживались извѣстнаго порядка, а именно: картины духовнаго содержанія на темы св. писанія и др., нравственнаго, изображающія преимущественно пагубныя послѣдствія пороковъ, затѣмъ портреты, каррикатуры и, наконецъ, дѣтскія картинки. Самымъ крупнымъ экспонентомъ на выставкѣ является г. Морозовъ, приславшій свою довольно полную коллекцію. По словамъ «Гражд.», при взглядѣ на эту коллекцію, можно сразу замѣтить постепенный прогрессъ въ дѣлѣ изданія, что, очевидно, происходитъ отъ все большаго развитія народнаго вкуса. Коллекція начинается съ простыхъ лубочныхъ картинъ, а въ послѣднее время появились даже очень приличныя хромолитографіи. Изъ петербургскихъ издателей нѣтъ почти никого, кромѣ г. Климушина, выставившаго чужія работы. Но лучшими экспонентами являются изданія фирмы «Досугъ и дѣло», а также работы варшавскихъ издателей. Особенно послѣднія имѣютъ громадный успѣхъ у народа. Всего на выставкѣ собрано болѣе 5,000 картинъ. Выставка будетъ открыта по 26-е октября. Вырученная отъ входной платы сумма назначена для бесплатной разсылки книгъ въ бѣднѣйшія школы.

— Въ послѣднее время попечители учебныхъ округовъ были циркулярно увѣдомлены о томъ, что Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, признавая желательнымъ предоставить учительскія мѣста въ церковно-приходскихъ школахъ лицамъ, окончившимъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ министерства народнаго просвѣщенія, просилъ о разрѣшеніи казеннокоштнымъ воспитанникамъ названныхъ семинарій, когда для нихъ не окажется свободныхъ учительскихъ мѣстъ по вѣдомству этого министерства, выслуживать установленный для нихъ обязательный срокъ службы въ училищахъ

церковно-приходскихъ. Само собою разумѣется, что къ удовлетворенію желанія Оберъ-Прокурора Св. Синода министерство народного просвѣщенія не нашло препятствій, о чемъ и было сообщено по округамъ для свѣдѣнія начальства учительскихъ семинарій. Печать привѣтствуетъ этотъ фактъ, какъ знаменательный во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, онъ свидѣтельствуется о единодушіи между двумя вѣдомствами по такому важному вопросу, какъ организація школьнаго дѣла. Затѣмъ, онъ обезпечиваетъ народныя школы со стороны важнаго пункта, обусловливающаго ихъ удовлетворительность—учителей, имѣющихъ извѣстную педагогическую подготовку, хорошо знакомыхъ съ приемами преподаванія и обладающихъ достаточнымъ запасомъ свѣдѣній. Наконецъ, онъ можетъ служить нѣкоторымъ косвеннымъ рѣшеніемъ для спорнаго вопроса объ учительскихъ семинаріяхъ министерства народного просвѣщенія. Дѣло въ томъ, что по этому вопросу велась полемика на страницахъ преимущественно официальныхъ изданій. Съ одной стороны, противниками названныхъ заведеній приводились доводы, что учительскія семинаріи составляютъ роскошь, которая дорого обходится государственной казнѣ и, между тѣмъ, не приноситъ пользы, съ другой—защитниками ихъ указывались основанія, изъ которыхъ слѣдовало, что учительскія семинаріи и необходимы, и не такъ дорого стоятъ казнѣ, какъ обыкновенно думаютъ. Резюмируя всѣ аргументы pro и contra и приводя полемику объ учительскихъ семинаріяхъ въ связь съ фактомъ соглашенія, состоявшагося между Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода и министерствомъ народного просвѣщенія, «Русскія Вѣдомости» замѣчаютъ, что въ результатѣ полемики официальныхъ изданій по вопросу о цѣлесообразности существованія учительскихъ семинарій обнаружилось, что эти училища дѣйствуютъ довольно удовлетворительно. Конечно, они не лишены тѣхъ или иныхъ частныхъ недостатковъ въ организаціи или программахъ преподаванія—и въ этомъ отношеніи могутъ и должны быть улучшены. Но, главное, по существу своихъ задачъ, названныя заведенія оказываются прямо необходимыми при данномъ положеніи дѣла народного образованія. Правильность такого заключенія, повидимому, вполне подтверждается и состоявшимся распоряженіемъ. Тотъ фактъ, что Оберъ-Прокуроръ Св. Синода призналъ желательнымъ предоставить учительскія мѣста въ церковно-приходскихъ школахъ окончившимъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ, указываетъ, какому мнѣнію изъ высказанныхъ въ спорѣ дано предпочтеніе.

Такимъ образомъ въ настоящее время сомнѣнія относительно пригодности этихъ учебныхъ заведеній, надо думать, считаются разрѣшенными въ ихъ пользу.

— Въ послѣднее время раздаются голоса среди духовенства и въ епархіальныхъ органахъ о необходимости ремесленнаго образованія для дѣтей священно-церковно-служительскихъ. При этомъ одни высказываются за то, чтобы на средства нѣсколькихъ епархій устроить отдѣльныя заведенія съ ремесленнымъ характеромъ, гдѣ бы могли обучаться прежде всего всѣ тѣ дѣти духовенства, которыя оказались малоуспѣшными или совсѣмъ не способными къ прохожденію училищно-семинарскаго курса, а затѣмъ и тѣ, которыхъ родители не имѣютъ средствъ содержать въ духовныхъ заведеніяхъ или сами дѣти не чувствуютъ особеннаго влеченія къ духовному званію. Другіе наоборотъ—стараются совмѣстить ремесленное образованіе съ теперешнимъ курсомъ духовныхъ семинарій. Въ «Сам. Еп. Вѣд.» помѣщена статья подъ заглавіемъ: «ремесла, какъ одинъ изъ предметовъ обученія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ». Авторъ этой статьи, между прочимъ, говоритъ, что ручной трудъ—ремесла въ семинаріяхъ необходимы, потому, главнымъ образомъ, что изъ 150—200 человѣкъ, поступающихъ въ первый классъ духовнаго училища, оканчиваютъ полный семинарскій курсъ обыкновенно не болѣе 30—40. Огромное большинство, выходя изъ школы безъ всякихъ правъ, по необходимости ищеть, ради куска хлѣба, низшихъ должностей духовнаго званія; къ другой профессіи оно не подготовлено, такъ какъ программа духовныхъ школъ спеціально приготовляетъ только въ священники или причетники. Для большинства такихъ людей хорошій навыкъ въ какомъ-либо ручномъ трудѣ—ремеслѣ можетъ быть очень полезенъ и въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ. По мнѣнію автора, изъ многочисленныхъ занятій и ремеселъ можно желать и рекомендовать—какъ практичныя и доступныя—иконопись и ремесла: столярное, токарное, слесарное и переплетное. Особеннаго вниманія изъ нихъ заслуживаетъ, конечно, иконопись, съ необходимо предшествующимъ ей рисованіемъ, какъ по ихъ несомнѣнной пользѣ и интересности, такъ—главнымъ образомъ—потому, что представляютъ возможность занимающимся ими возвыситься отъ простаго занятія до степени искусства живописи. Считаая мысли, высказанныя авторомъ упомянутой статьи заслуживающими полнаго сочувствія, «Цер. Вѣст.» говоритъ, что едва ли мыслимо расширять семинарскую программу, и такъ уже слишкомъ сложную и обреме-

нительную, новыми, хотя бы и очень полезными, занятіями. Совсѣмъ другое дѣло, если будетъ устроено хоть маленькое, но особое ремесленное училище—школка, гдѣ бы могли обучаться различнымъ ремесламъ всѣ малоспособные и исключенные. Такія заведенія могли бы принести большую пользу и учащимся въ нихъ и обществу.

— По возбужденному Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ вопросу касательно введенія преподаванія садоводства и огородничества въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, съ устройствомъ при сихъ заведеніяхъ плодовыхъ питомниковъ и огородовъ, Учебный Комитетъ не нашелъ удобнымъ ввести въ кругъ семинарскаго образованія теоретическія и практическія занятія садоводствомъ и огородничествомъ, по обширности учебнаго курса духовныхъ семинарій и организаціи учебныхъ занятій воспитанниковъ, а равно и на основаніи опыта прежняго времени, показывавшаго, что изученіе воспитанниками духовныхъ семинарій сельскаго хозяйства наряду съ богословскими предметами не оправдало возлагавшихся на это дѣло надеждъ. Что же касается духовныхъ училищъ, то введеніе въ нихъ практическихъ занятій садоводствомъ и огородничествомъ представляется возможнымъ со стороны учебнаго курса сихъ заведеній и полезнымъ для развитія и укрѣпленія силъ учащихся. А посему Учебный Комитетъ положилъ разрѣшить правленіямъ духовныхъ училищъ, гдѣ имѣются денежные средства и удобныя мѣста для разведенія сада и огорода, ввести практическія занятія воспитанниковъ садоводствомъ и огородничествомъ, подъ руководствомъ свѣдущихъ въ семъ дѣлѣ лицъ, по опредѣленному плану, съ утвержденія мѣстныхъ преосвященныхъ, расположивъ сіи занятія такъ, чтобы они отнюдь не приносили ущерба учебнымъ занятіямъ воспитанниковъ.

— Вслѣдствіе соглашенія, состоявшагося между Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода и министромъ государственныхъ имуществъ, съ 1892 года будетъ производиться ежегодно отпускъ особой суммы для организаціи преподаванія сельскаго хозяйства въ церковно-приходскихъ школахъ, учительскихъ школахъ и различныхъ курсахъ духовнаго вѣдомства.

— По словамъ «Моск. Вѣдом.», въ правительственныхъ сферахъ рѣшено выдавать учителямъ народныхъ школъ награды за полезные труды по сельскому хозяйству и распространенію въ народѣ знаній по пчеловодству, огородничеству и т. д.

— 15 октября въ Лубнахъ, Полтавской губ., открывается зем-

ская сельско-хозяйственная школа. Кромѣ земскихъ пансіонеровъ въ интернатъ при школѣ принимаются и своекоштные воспитанники съ платою по 120 руб. въ годъ, а также входящіе съ годовой платою въ 10 рублей. Приѣмъ воспитанниковъ ограниченъ возрастомъ не моложе 14 лѣтъ. Прошенія отъ желающихъ поступить въ школу подаются въ Лубны на имя управляющаго сельско-хозяйственною школою.

— При кредитной канцеляріи министерства финансовъ предполагается, какъ передаетъ «Н. Вр.», образовать особую специальную комиссію для окончательной и подробной разработки вопроса о сельскомъ кредитѣ на началахъ, соотвѣтствующихъ прежнимъ волостнымъ ссуднымъ кассамъ крестьянъ вѣдомства министерства государственныхъ имуществъ и удѣльныхъ крестьянъ.

— Въ настоящее время начато выселеніе евреевъ изъ тѣхъ мѣстъ сельской осѣдлости, гдѣ неоспоримыми данными доказано, что свреи захватили крестьянскія земли и усадьбы путемъ домашнихъ условій, словесныхъ договоровъ и другихъ сдѣлокъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе ходатайства многихъ южныхъ земствъ, командировало нѣсколькихъ чиновъ министерства, для опредѣленія характера такихъ незаконныхъ сдѣлокъ, причемъ выяснилось, что во многихъ пунктахъ евреи живутъ на общественной землѣ, не платятъ никакихъ государственныхъ, земскихъ и общественныхъ податей, а также не участвуютъ въ отбываніи подворной, дорожной и другихъ натуральныхъ повинностей и занимаются ростовщичествомъ. Къ уничтоженію такихъ незаконныхъ сдѣлокъ и водворенію евреевъ въ мѣста приписки и приняты теперь мѣры. «М. В.»

— Высочайшимъ указомъ, 17 сентября, сего 1891 г., на имя г. министра финансовъ даннымъ, повелѣно: для доставленія государственному казначейству средствъ къ покрытію сдѣланныхъ и предстоящихъ расходовъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и по исполненію другихъ общепользныхъ работъ, какъ непосредственнымъ распоряженіемъ правительства, такъ и чрезъ частныя желѣзнодорожныя общества, произвести выпускъ облигацій 3% золотого займа на нарицательный капиталъ 125.000,000 р. зол. = 500.000,000 фр. = 404.000,000 имп. герм. мар. = 19.775,000 фунт. стер. = 239.000,000 гол. гульд. = 360.000,000 датскимъ кронамъ = 96.250,000 дол. золотомъ.

— На дняхъ, по сообщенію газетъ, послѣдовало закрытіе продолжавшейся полгода Французской выставки въ Москвѣ. Послѣ

закрытія выставки часть картинной галлеріи (до двухсотъ картинъ) будетъ перевезена въ Петербургъ на выставку, устраиваемую Обществомъ Краснаго Креста. Туда же предполагается отправить часть художественныхъ произведеній, выставленныхъ въ отдѣлѣ бронзы. Отдѣлъ города Парижа весь остается въ Москвѣ, гдѣ будетъ по частямъ принесенъ въ даръ различнымъ учрежденіямъ; многіе изъ экспонентовъ другихъ отдѣловъ принесутъ выставленные ими произведенія въ даръ Обществу Краснаго Креста и другимъ благотворительнымъ обществамъ. Посѣтителей на выставкѣ до сего числа было болѣе 800.000 человекъ, входныхъ билетовъ продано 1.200.000. Главная цѣль устройства выставки заключалась въ сближеніи русскихъ потребителей съ французскими производителями, въ развитіи оборотовъ франко-русской торговли. Хотя въ настоящее время трудно еще подвести окончательные итоги дѣятельности выставки, трудно сдѣлать выводъ относительно вліянія ея на расширеніе сбыта французскихъ товаровъ на русскіе рынки, тѣмъ не менѣе нѣкоторые утверждаютъ, что выставка не вполнѣ достигла своей цѣли. Во всякомъ случаѣ экономическое сближеніе Франціи съ Россіей служило бы ко взаимной ихъ выгодѣ и нельзя не пожелать скорѣйшаго осуществленія его.

— По выработаннымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ правиламъ, женщины, вступившія въ бракъ съ иностранными подданными, утрачиваютъ права русскаго подданства; исключаются изъ подданства: принявшіе иностранное подданство, вступившіе безъ разрѣшенія въ иностранную службу, не явившіеся по вызову правительства.

«Ю. Кр.»

— Въ «Москов. Вѣдом.» помѣщенъ длинный рядъ статей подъ заглавіемъ: «Святая земля и православное императорское палестинское общество». Авторъ этихъ статей, М. С. Соловьевъ, частью на основаніи отчетовъ палестинскаго общества, частью по личнымъ наблюденіямъ живыми красками изображаетъ, между прочимъ, то печальное положеніе, въ которомъ находится православіе въ іерусалимской патріархіи, откровенно указывая на тѣ причины и обстоятельства, которыми обуславливается это положеніе и которыя стоятъ непреодолимую стѣною для измѣненія дѣла къ лучшему. По мнѣнію автора, историко-политическія событія XV—XVI вв. создали въ оттоманской имперіи господство греческаго духовенства въ Константинополѣ (фанариотовъ), которое, съ одной стороны, охраняло христіанство отъ магометанства, а съ другой—поставило высокіе интересы православія въ слишкомъ тѣсную

зависимость отъ національно-греческихъ, а съ теченіемъ времени и совершенно подчинило дѣло православія узкому націонализму и личному своекорыстію. Благодаря этому, на іерусалимской кафедрѣ въ началѣ XVI ст. является патріархъ уже не изъ мѣстныхъ уроженцевъ, а грекъ (Германъ), который, умирая, назначилъ своимъ преемникомъ грека же и завѣщалъ не избирать лицъ негреческаго происхожденія не только въ патріархи, но и въ члены сѵнода и вообще на всѣ видныя мѣста іерусалимской патріархіи. Обычай такого назначенія привился въ іерусалимской церкви: мѣстному сѵноду оставалось только утверждать посмертную волю патріарха. При поддержкѣ Фанара и константинопольскаго патріарха іерусалимскій престолъ становился наследственнымъ по завѣщанію въ противность церковнымъ правиламъ. Около святаго гроба изъ пришлыхъ грековъ мало по малу собралось многочисленное братство «святोगробное», захватившее въ свое завѣдываніе святыя мѣста, доходы и управленіе церковью въ духѣ Фанара. Святोगробное братство, по словамъ автора, составленное исключительно изъ грековъ, представляется учрежденіемъ чрезвычайно своеобразнымъ. Въ него вошли, кромѣ должностныхъ лицъ патріаршаго управленія и соборнаго духовенства, всѣ іерархи іерусалимской церкви. Число послѣднихъ несоразмѣрно велико. Для 25—27,000 православныхъ, живущихъ въ 65 селеніяхъ и городахъ, при 29 церквяхъ, въ которыхъ было до 24 священниковъ, въ Палестинѣ, существуютъ 6 митрополитовъ, 6 архіепископовъ, 1 епископъ. Конечно, почти всѣ они имѣютъ одно номинальное значеніе и, за исключеніемъ двухъ-трехъ, пребываютъ въ Іерусалимѣ. Стремленіе поддержать внѣшній блескъ іерусалимской патріархіи заставляютъ патріарховъ не сокращать, а увеличивать число подчиненныхъ духовныхъ сановниковъ. Конечно, не обширное туземное населеніе, а пожертвованія на гробъ Господень составляютъ средства содержанія этихъ архіереевъ. Святोगробское братство не имѣетъ устава, канонически утвержденнаго, не составляетъ монастырской общины и не входитъ въ составъ іерусалимскаго сѵнода: оно сплочено только единствомъ греческаго происхожденія своихъ членовъ, прикосновенныхъ къ участию въ пользованіи доходами отъ святыхъ мѣстъ, состоящихъ въ ихъ завѣдываніи, и въ силу сего въ рукахъ его сосредоточились всѣ церковныя дѣла Палестины. Іерусалимская церковь раскололась на двѣ половины: высшій клиръ изъ греческихъ островитянъ и ихъ потомковъ, питавшійся отъ храма, и туземныхъ христіанъ, церковныя нужды которыхъ пребывали въ забвеніи. По истинѣ изу-

нительна стойкость этихъ туземныхъ православныхъ, небрегомыхъ пастырями, угнетенныхъ мусульманами и оставшихся вѣрными вѣрѣ отцовъ.

Члены святогробскаго братства, будучи совершенно чужды по происхожденію, языку и духу мѣстной христіанской паствѣ, не только сами не заботятся о ея духовныхъ нуждахъ, не только не охраняютъ ее отъ католической, протестантской и мусульманской пропаганды, на что, впрочемъ, большинство ихъ по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ и не способны, но они даже противодѣйствуютъ добрымъ начинаніямъ патріарховъ и нашего православнаго палестинскаго общества. Въ послѣднее время одинъ патріархъ—Проконій былъ низложенъ, а Никодимъ, послѣ открытаго покушенія на его жизнь, вынужденъ былъ отречься отъ престола. Что касается нашего палестинскаго общества, то, будучи основательно знакомо съ опасностями, грозящими православію въ Святой землѣ, оно явилось сюда съ горячимъ желаніемъ и усердіемъ помочь патріархіи. Но палестинское общество, какъ говорится въ его отчетѣ за 1889—90 гг., «очутилось въ положеніи вспомогательной арміи, которой, съ одной стороны, пришлось употреблять всю свою энергію противъ враговъ и въ то же время выставять щитъ противъ той арміи, на подмогу которой оно пришло». Въ подтвержденіе этого приводятся слѣдующіе факты. Палестинское общество изъ 30 церквей патріархіи нашло только девять въ исправномъ видѣ. Кромѣ того, сряду послѣ открытія въ 1882 г. палестинскаго общества въ нему посыпалась масса просьбъ мѣстныхъ жителей о возстановленіи у нихъ церквей и устройствѣ школъ. Общество, признавая необходимымъ устроить и то и другое въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ болѣе 100 душъ православнаго населенія, опредѣляло на каждую церковь по 10 тыс. руб. и предполагало всѣ предположенныя 30 церквей построить въ 10 лѣтъ. Турецкое правительство разрѣшило постройки, но греки поставили такую дилемму: «или мы будемъ строить церкви на ваши деньги, или мы не согласны на постройку». Съ русскимъ долготерпѣніемъ общество подчинилось греческимъ требованіямъ; деньги были выданы, а церкви остались и до сихъ поръ невыстроенными. Не будучи въ силахъ, да и не желая эллинизировать мѣстныхъ православныхъ, оттирая ихъ всячески отъ активнаго вмѣшательства въ церковную жизнь, греки съ недоброжелательствомъ усматриваютъ въ дѣйствіяхъ палестинскаго общества цѣль—поднять и укрѣпить туземное православное населеніе и въ немъ самомъ

создать опору для развитія духовно-православной жизни въ Святой землѣ. Благодаря этому упорному, систематическому противодѣйствію грековъ, за время патріарха Никодима болѣе 2,000 душъ были отторгнуты отъ православія; почти всѣ православныя школы закрыты; въ 29 церквахъ, изъ коихъ только девять исправныхъ, было всего 24 священника, получавшихъ по 90 р. въ годъ содержанія. Ни въ церквахъ, ни въ духовенствѣ ничто не улучшилось, хотя изъ Россіи и шли на это пожертвованія. Обыкновенно жалуются на скудость средствъ патріархіи. Но по смѣтѣ на 1890 г. обыкновенныхъ доходовъ патріархіи исчислено 402,200 р., а расходовъ 380,000 р. Кромѣ того, патріархія имѣетъ недвижимыхъ имуществъ въ Россіи и за границею на 6 милліоновъ. Слѣдовательно, всѣ жалобы на скудость средствъ несправедливы. Іерусалимскій патріархъ располагаетъ такими богатыми средствами, какъ ни одинъ изъ остальныхъ патріарховъ. Требуется только правильное расходованіе имѣющихся средствъ, т. е. употребленіе ихъ на нужды патріархіи, а не на личныя потребности святогробцевъ. А для этого, говоритъ г. Соловьевъ, необходимо прежде всего уничтоженіе незаконно существующаго святогробскаго братства и номинальныхъ епископскихъ кафедръ. Девять наличныхъ архіереевъ съ громкими титулами, большинству которыхъ нецѣлѣ жить кромѣ Іерусалима, нечѣмъ заниматься кромѣ дѣлъ, не соответствующихъ сану, совсѣмъ не нужны для пастырскаго служенія въ странѣ, гдѣ общее число православныхъ менѣе 30,000. Латинянь числятся здѣсь 12,000 и сотни духовныхъ лицъ, а епископовъ всегда два, изъ коихъ одинъ только недавно присланъ папою. Только послѣ закрытія святогробскаго братства можно будетъ мечтать о постройкѣ церквей и школъ въ патріархіи, о должной подготовкѣ священниковъ и объ уничтоженіи такихъ возмущающихъ и соблазняющихъ православныхъ обычаевъ, какъ напр. отдача въ аренду святыхъ мѣстъ и т. и. «Цер. Вѣст.»

— 3 сентября стало извѣстно, что 5 сентября, въ день тезоименитства Е. И. В. вел. кн. Елисаветы Феодоровны—супруги Августѣйшаго предсѣдателя православнаго палестинскаго общества, будетъ совершено освященіе русскаго дома за гробомъ Господнимъ, воздвигнутаго на средства палестинскаго общества.

Прежде чѣмъ начать постройку дома, палестинское общество произвело раскопки на этомъ мѣстѣ, которыми руководилъ начальникъ духовной миссіи архимандритъ Антонинъ. Труды по раскопкамъ увѣнчались громадными результатами: были открыты остатки,

судя по величинѣ камней и укладкѣ ихъ, несомнѣнно древней второй іерусалимской стѣны и былъ найденъ порогъ, ясно свидѣтельствующій о существованіи въ древности на этомъ мѣстѣ воротъ, которыми Спаситель нашъ и вынесъ свой крестъ на Голгоѳу.

Открытие на русскомъ мѣстѣ второй древней іерусалимской стѣны вблизи Воскресенскаго храма съ восточной стороны, со всею очевидностію показало ложь плановъ Робинсона (1841 г.), Фергюссона (1847 г.), Сеппа (1863 г.), Таблера (1876 г.) и другихъ археологовъ, которые проводили черту второй іерусалимской стѣны такъ, что Голгоѳа и гробъ Господень находились внутри города, а не внѣ городскихъ стѣнъ, и тѣмъ самымъ вводили многихъ въ заблужденіе, что современные гробъ и Голгоѳа не соответвуютъ древнимъ мѣстамъ распятія и воскресенія Господа нашего Іисуса Христа. Теперь всякій скептикъ можетъ придти въ русскій домъ и не только видѣть, но и осязать громаднѣйшіе камни древней еврейской стѣны и знаменитый порогъ судныхъ вратъ и, обратившись къ западу, скажетъ: «да, это истинная Голгоѳа и это истинный гробъ Господень».

Вопросъ о раскопкахъ, произведенныхъ на русскомъ мѣстѣ вблизи Воскресенскаго храма, имѣетъ уже значительную литературу, которую почти всю можно найти въ изданіяхъ палестинскаго общества. Къ взглядамъ ученыхъ, проводимымъ въ ихъ статьяхъ по означенному вопросу, нужно, думается, присоединить еще тотъ вѣроятный выводъ, который можно сдѣлать на основаніи недавно открытаго итальянцемъ Гаммурипп путешествія въ св. землю конца IV вѣка. Это описаніе путешествія несомнѣнно принадлежитъ образованнѣйшей по своему времени женщины. Путешественница въ своихъ записяхъ очень часто говоритъ о церкви за крестомъ (post crucem) за Голгоѳой, иногда называя ее Мартиріумомъ. Въ этомъ Мартиріумѣ, по словамъ путешественницы, очень часто совершалъ богослуженіе архіерей при громадномъ стеченіи народа. Въ настоящее время этой церкви за крестомъ не существуетъ. Принять придѣлъ обрѣтенія креста Господня за означенную церковь нельзя, потому что этотъ придѣлъ находится не за крестомъ, а подъ крестомъ. Общее преданіе древнихъ іерусалимскихъ христіанъ—арабовъ, абиссинъ, коптовъ и сиріанъ говоритъ, что нѣкогда за крестомъ была церковь, а потомъ разрушена. Существованіе церкви за крестомъ не противорѣчитъ и біографу Константина Великаго. Нѣкоторыя мѣста изъ означеннаго путешествія

ясно свидѣтельствуютъ, что въ древности отъ Голгоѣы на востокъ была устроена церковь точно такъ, какъ отъ гроба Господня на востокъ воздвигнуть Воскресенскій храмъ. Изъ того обстоятельства, что въ церкви за крестомъ архіерей совершалъ богослуженіе въ большіе праздники и при громадномъ стеченіи народа, можно сдѣлать тотъ выводъ, что голгоѣскій храмъ не уступалъ въ своихъ размѣрахъ Воскресенскому. А если это такъ, то алтарь, хотя и не весь, этого голгоѣскаго храма, совпадалъ съ тѣми частями русскаго дома, которыя приготовляются для церкви. Особенно сродняешься съ этою мыслию, когда поднимаешься на сѣверную террасу русскаго дома, или ходишь по абиссинскому монастырю и рассматриваешь на самомъ дѣлѣ то пространство, о которомъ говоритъ путешественница IV вѣка.

Домъ, выстроенный палестинскимъ обществомъ, отвѣчаетъ своему мѣсту, цѣнному по своей близости къ первой христіанской святынѣ и важному въ археологическомъ отношеніи. Главная часть зданія назначена для будущей церкви, стѣны которой уже украшены прекрасными картинами. Между ними особенно останавливаютъ вниманіе посѣтителя четыре картины Кошелева: «Моленіе о чашѣ», «Спящіе апостолы», «Предательство Іуды» и «Исусъ Христосъ предъ Пилатомъ». Въ прилегающихъ къ церкви проходахъ и комнатахъ археологъ найдетъ все, что было открыто при раскопкахъ: онъ увидитъ древнюю стѣну въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была найдена, ничто ему не помѣшаетъ внимательно всмотрѣться въ порогъ, чрезъ который Исусъ Христосъ прошелъ на Голгоѣу, мелкіе антики и найденныя надписи онъ можетъ смотрѣть въ одной изъ сѣверныхъ комнатъ дома. Южная часть зданія занята жилыми комнатами, въ которыхъ могутъ помѣщаться поклонники 1, 2 и 3 классовъ—всего до 50 человѣкъ. Всѣ комнаты убраны со вкусомъ, все сдѣлано съ толкомъ, чисто и говоритъ о томъ, что распорядители добросовѣстно и ревностно заботятся о славѣ Россіи на дальней сторонѣ.

Мы уже сказали, что 5 сентября было назначено освященіе вновь выстроеннаго русскаго дома. Уполномоченный палестинскаго общества Н. П. Михайловъ пригласилъ блаженнѣйшаго патріарха Герасима на это освященіе. Его блаженство сначала принялъ приглашеніе и изъявлялъ согласіе присутствовать на праздникѣ русскихъ, но чрезъ нѣсколько часовъ извѣстилъ уполномоченнаго, что онъ только совершитъ литургію на Голгоѣѣ по случаю тезоименитства великой княгини Елизаветы Θεодоровны, а на освященіи дома не будетъ.

Патріаршее служеніе на Голгоѣѣ 5 сентября началось въ 6 часовъ и окончилось въ 8^{1/2} часовъ. По обыкновенію послѣ литургіи духовенство во главѣ съ блаженнѣйшимъ отправилось въ патріархію на кофе; народъ же весь бросился къ новому дому, желая прежде занять мѣста. Но ворота были заперты: ожидали возвращенія миссіи и консульства изъ патріархіи. Когда начальникъ миссіи о. архимандритъ Антонинъ прибылъ, облачился и началъ освященіе воды въ сослуженіи другихъ членовъ миссіи, двери дома были открыты, и народъ быстро наполнилъ всѣ корридоры и лѣстницы. Замѣтно было много арабовъ, интересующихся русскимъ новымъ домомъ, но изъ грековъ—никого. Послѣ водоосвященія и окропленія всѣхъ помѣщеній, народъ долго не расходился, любясь картинами и внутренней отдѣлкой дома.

Въ 1 часъ дня уполномоченнымъ общества были приглашены на обѣдъ въ новый домъ миссія и консульство. Поклонники тоже не остались безъ утѣшенія: и ихъ угостили бесплатнымъ обѣдомъ. Извнѣ весь домъ былъ украшенъ флагами; словомъ, праздникъ былъ рѣдкій. «Цер. Вѣст.»

— Въ Галиціи общественное мнѣніе русскаго народа глубоко интересуется происходившими съ 12 сентября во Львовѣ засѣданіями греко-католическаго провинціального собора. Засѣданія были открыты послѣ торжественнаго молебствія львовскимъ митрополитомъ Сембратовичемъ. Послѣ краткой вступительной рѣчи митрополитъ предложилъ всѣмъ членамъ собора (до ста человекъ) принять присягу, что они будутъ сохранять въ тайнѣ постановленія сѣнода до полученія утвержденія отъ папы. Это послѣднее обстоятельство сильно встревожило многихъ русскихъ патріотовъ и, по ихъ побужденію, нѣкоторые изъ членовъ сѣнода обратились къ епископамъ и папскому делегату съ просьбою воздержаться отъ постановленія чего-либо такого, что противорѣчило бы неприкосновеннымъ исконнымъ обычаямъ и обрядамъ православной церкви, обеспеченнымъ многочисленными папскими буллами. Съ цѣлю смутить общественное мнѣніе и поколебать чисто русскія убѣжденія горячихъ защитниковъ русскаго дѣла, за нѣсколько дней до открытія собора іезуитско-польскія газеты распространили слухъ, что варшавскій архіепископъ, высокопреосвященный Леонтей, издалъ циркуляръ, въ которомъ приказываетъ всѣмъ переселившимся изъ Галиціи въ Холмскую Русь священникамъ перемѣститься въ теченіе одного года въ приволжскія епархіи въ виду будто бы того, что всѣ приходы въ Холмской Руси будутъ замѣ-

щены кореннымъ русскимъ духовенствомъ. Это извѣстіе съ быстротою молніи облетѣло все угюлки Галиціи и вызвало сильное недоумѣніе среди галицко-русскаго народа. Польскія газеты, между прочимъ, сообщили, что многіе священники, получившіе такое распоряженіе варшавскаго архіепископа, обратились съ ходатайствомъ къ львовскому митрополиту о принятіи ихъ въ подвѣдомственную ему епархію. Митрополитъ, затрудняясь, какъ поступить въ данномъ случаѣ, вошелъ съ просьбой о разъясненіи къ папскому конклаву. Цѣлая исторія, рассказанная съ такими подробностями, ввела въ заблужденіе многихъ галицко-русскихъ патриотовъ и они повѣрили въ истину этой польско-іезуитской утки, направленной главнымъ образомъ къ тому, чтобы повліять на участниковъ собора и принудить ихъ къ принятію заготовленныхъ условій и нововведеній для галицко-русской церкви.

Неудивительно, что галицкіе патриоты сильно озабочены результатами собора, которые, по справедливому опасенію, могутъ быть весьма печальны для русскихъ униатовъ, которыхъ поляки хотятъ олатынить. Нѣкоторые планы и замыслы собора положительно курьезны. Такъ, напримѣръ, соборъ намѣренъ прибавить къ титулу перемышльскаго униатскаго епископа, уже именующагося самборскимъ и саноцкимъ, еще титулъ епископа белзскаго, хотя старинный Белзь теперь находится въ области нашей православной варшавско-холмской епархіи.

Ревностной поборницей русскихъ интересовъ выступаетъ «Галицкая Русь», которая требуетъ строго очистить униатскій обрядъ отъ латинскихъ прибавокъ и возстановить его въ полной чистотѣ и красотѣ обряда восточной церкви. Тогда бы униа перестала быть политическимъ средствомъ для лишенія русскихъ ихъ народности и перестала бы быть орудіемъ въ рукахъ недоброжелателей русскаго народа. По мнѣнію газеты, автономія галицкой униатской церкви требуетъ, чтобы эта церковь имѣла своего представителя—мірянина въ Римѣ, при папѣ, чтобы было возстановлено право свободнаго избранія какъ униатскихъ епископовъ, такъ и членовъ снвода. Кроме того, необходимо уничтожить патронатъ, столь оскорбительный для священнаго сана. Кстати та же газета отмѣчаетъ постоянно повторяющіеся факты нарушенія галицко-польскимъ правительствомъ религіозныхъ правъ русскаго народа. Это правительство нагло игнорируетъ русскіе церковные праздники, и даже въ праздникъ Воздвиженія честнаго креста вызывало русскихъ галичанъ въ суды. Между тѣмъ, съ горечью замѣчаетъ

газета, «жиды по шабасамъ и поляки въ свои свѣнта не призываются никогда на термины въ судъ». «Цер. Вѣст.».

— Французское правительство въ своихъ отношеніяхъ къ церкви продолжаетъ занимать какое-то двусмысленное, неопредѣленное положеніе. Въ школьномъ вопросѣ оно продолжаетъ идти путемъ секуляризаціи, не смотря на то, что статистическія данныя ясно показываютъ, къ какой ужасной безднѣ нравственнаго паденія приводитъ юное поколѣніе безрелигіозная школа. Тамъ еще и теперь прежніе учебники при новыхъ изданіяхъ подвергаются тщательной очисткѣ, имѣющей цѣлью устранить всякіе слѣды религіи. Въ 18 изданіи одной весьма популярной христоматіи эта очистка произведена съ комическимъ усердіемъ. Въ ней повсюду устранено самое имя Бога и всѣ болѣе или менѣе религіозныя статьи замѣнены другими — изъ области матеріальнаго міра. На мѣсто статьи «объ обязанностяхъ человѣка къ Богу» явилась въ новомъ изданіи статья «о дыхательныхъ органахъ», вмѣсто «Приснодѣвы Маріи» — «патріотизмъ», вмѣсто «необходимость религіи» — «способъ фабричнаго изготовленія ковровъ» и т. д. въ томъ же родѣ. Замѣчательно, что на эти «преобразованія», какъ равно и вообще на изгнаніе христіанства изъ школы, республиканское правительство Франціи не жалѣетъ никакихъ средствъ, и теперь уже израсходовано на это дѣло до 500 мил. франковъ.

— Въ странномъ однако же противорѣчій съ этою ненавистью къ религіи и церкви, по словамъ «Цер. Вѣстн.», стоитъ недавно изданный французскимъ министромъ исповѣданій приказъ о строгомъ наблюденіи за тѣмъ, чтобы въ церквахъ во время богослуженія неопустительно возносилась по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ молитва *Domine salvam fac rempublicam* (Господи, спаси республику). Члены духовенства, которые замѣчены будутъ въ неисполненіи этого приказа, будутъ подвергаемы лишенію жалованья на опредѣленное время. «Странное распоряженіе, восклицаетъ одна французская газета, со стороны правительства, которое энергично изгоняетъ религію изъ школы!» Другая церковная газета проницательно замѣчаетъ, что этотъ приказъ въ порядкѣ вещей, но только вопросъ въ томъ, кто же будетъ наблюдать за его исполненіемъ? Газета надѣется, что этотъ приказъ побудитъ знатныхъ республиканцевъ хоть изрѣдка заглядывать въ церковь, чтобы убѣдиться, возносится ли тамъ молитва за республику. Въ противномъ случаѣ газета совѣтуетъ правительству назначить для этой цѣли особыхъ агентовъ съ настолько приличнымъ окладомъ, чтобы имъ вполне вознаграждалась тяжелая для нихъ обязанность посѣщать церковь.

— Политическая лѣтопись занесла на свои страницы два самоубійства выдающихся политическихъ дѣятелей. Въ Бельгіи выстрѣломъ покончилъ свою жизнь пресловутый французскій генералъ Буланже, который одно время былъ самымъ популярнымъ лицомъ во Франціи и даже заставлялъ серьезно опасаться за теперешнюю форму правленія въ ней, такъ какъ повидимому былъ недалеко отъ провозглашенія себя диктаторомъ. Но затѣмъ, вслѣдствіе его нѣкоторыхъ ошибокъ, слава его быстро померкла, онъ долженъ былъ бѣжать отъ французскаго суда за границу и тамъ жилъ въ забытомъ состояніи, подвизаясь лишь на поприщѣ мелкихъ любовныхъ похожденій. Жизнь безъ цѣли и безъ смысла безъ всякой религіозно-нравственной основы сдѣлалась для него невоносимымъ бременемъ и онъ покончилъ ее самоубійствомъ, послѣ чего лишенъ былъ даже церковнаго погребенія. Это былъ сынъ нашего вѣка съ его невѣріемъ и безпринципностью, и злополучная кончина его еще разъ ставитъ вопросъ: къ чему можетъ привести религіозно-нравственная безпринципность нашего времени?

— Второе самоубійство совершено Бальмаседой, бывшимъ президентомъ чилійской республики. Своими деспотическими замашками онъ повергъ республику въ ужасы междоусобія, истощавшаго страну съ 1889 года, когда именно онъ разошелся съ конгрессомъ, не желавшимъ принимать многихъ его мѣропріятій и реформъ. Бальмаседа былъ отчаянный радикалъ, еще будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, стремился къ отдѣленію церкви отъ государства, въ 1884 году провелъ законопроектъ о гражданскомъ бракѣ и объ изыятіи кладбищъ изъ вѣдѣнія духовенства, а затѣмъ, сдѣлавшись 18 сентября 1886 года президентомъ, не зналъ никакихъ границъ въ своемъ либеральномъ реформатствѣ, которое и поставило его во враждебное отношеніе къ конгрессу, приведшее къ междоусобию. Послѣ ожесточенной битвы при Вальпарайсо, войска президента были разбиты, самъ онъ долженъ былъ скрываться отъ разъяреннаго народа, но наконецъ, не будучи въ состояніи болѣе скрываться, покончилъ свою жизнь въ Сантъ-Яго выстрѣломъ въ голову, доказавъ еще разъ, какъ жалка и безпринципна жизнь подобнаго рода политическихъ искателей приключеній, которыхъ такъ много въ настоящее время. «Ц. Вѣст.».

— Научныя изданія, французскія, англійскія и американскія, въ послѣднее время переполнены подробностями объ ужасномъ несчастіи, постигшемъ одну изъ наиболѣе цвѣтущихъ французскихъ

колоній—островъ Мартинику. Циклонъ разразился внезапно 18-го августа н. ст., въ семь съ половиною часовъ вечера, и продолжался болѣе трехъ часовъ, причинивъ невѣроятныя опустошенія. Достаточно сказать, что въ цѣломъ обширномъ и многолюдномъ городѣ Портъ-де-Франсъ уцѣлѣло не болѣе двадцатой части строений, и то благодаря скученности построекъ въ центральныхъ кварталахъ города. Зданія, стоявшія отдѣльно отъ другихъ, не исключая и церквей, разрушены до основанія. Отъ богатой растительности, покрывавшей большую часть острова, не осталось ничего, кромѣ оголенныхъ стволовъ, такъ какъ всѣ вѣтви и листья сорваны и разнесены ураганомъ. За нѣсколько часовъ до циклона, въ среду, 18-го августа, послѣ дождливаго дня, барометръ внезапно понизился до чрезвычайнаго минимума. Это необычайное паденіе, не наблюдавшееся много лѣтъ, вызвало общую панику, и, дѣйствительно, въ половинѣ восьмаго часа, разразился необычайный циклонъ. Вихрь много разъ измѣнялъ свое круговращательное направленіе и буквально сметалъ все попадавшееся на пути. По удаленіи урагана, еще долго свирѣпствовавшаго на морѣ, островъ Мартиника представлялъ собою печальную картину невообразимаго опустошенія. Отъ роскошныхъ садовъ предмѣстій Портъ-де-Франса не осталось и слѣдовъ. Вырванные съ корнями вѣсковыя деревья были разбросаны на большомъ пространствѣ. Всѣ стоявшіе на рейдѣ иностранные корабли, каботажныя суда и пассажирскіе пароходы были сорваны съ якорей и частью затонули въ морѣ, частью разбились о береговыя скалы. Жертвы этого ужаснаго стихійнаго явленія насчитываются сотнями, а число матросовъ и пассажировъ, погибшихъ вмѣстѣ съ судами въ морѣ, до сихъ поръ еще не приведено въ извѣстность. Каждый день волнами выбрасываются на берегъ десятки мертвыхъ тѣлъ. Чтобы составить себѣ хотя приблизительное понятіе объ ужасающей разрушительной силѣ разразившагося надъ Мартиникой урагана, достаточно упомянуть, что стоявшій въ Портъ-де-Франсѣ, на запасномъ пути, нагруженный товарный поѣздъ былъ опрокинутъ съ рельсовъ. Въ самый разгаръ урагана на островѣ, во многихъ мѣстахъ, наблюдались совершенно необычныя атмосферическія явленія. Безпрерывный блескъ молніи и ни на минуту не смолкавшій громъ сопровождался рѣдкими и своеобразными проявленіями электричества, скоплявшагося въ видѣ летавшихъ въ воздухѣ огненныхъ шаровъ ослѣпительнаго блеска, заключавшихъ въ себѣ максимумъ напряженности электрической энергіи. Эти шары, носясь въ воз-

духѣ по всевозможнымъ направленіямъ и сталкиваясь съ какимъ-либо предметомъ, производили оглушительный трескъ и разгромъ всего окружающаго. Болѣе 60 тысячъ человѣкъ остались безъ крова и безъ средствъ къ существованію. Бананы (*musa paradisiaca*), доставлявшіе любимый мѣстнымъ населеніемъ и весьма питательный пищевой продуктъ, вырваны циклономъ съ корнями.

— По сообщеніямъ мѣстныхъ газетъ, Харьковская губ. земская управа получила отъ г. губернатора увѣдомленіе, что ходатайство объ устройствѣ шоссе отъ Харькова, черезъ Купянскъ, до границъ Воронежской губ. и отъ Старобѣльска до Лисичанска, передано на разсмотрѣніе г. министра финансовъ съ благоприятными заключеніями подлежащихъ вѣдомствъ.

— На Уральскую выставку настоящаго года была доставлена сотникомъ Емурановымъ рыбная мука, т. е. мелкій порошокъ изъ сушеной рыбы. «Урал. Войск. Вѣд.» передаютъ, что на основаніи опыта, г. Емурановъ утверждалъ, что мука эта съ большимъ успѣхомъ можетъ быть употребляема, какъ хорошій питательный кормъ для скота, а также можетъ итти въ пищу людямъ, въ особенности въ неурожайные годы. Сушеная рыба, всякихъ сортовъ и размѣровъ, будучи истолчена и смолота на мельницѣ, нисколько не теряетъ своихъ питательныхъ свойствъ и въ формѣ муки хорошо и долго сберегается отъ порчи; это послѣднее качество муки имѣетъ особенно большое значеніе для тѣхъ мѣстъ, гдѣ мелкая рыба, не находя сбыта, по невозможности сбереженія ея въ свѣжемъ видѣ, пропадаетъ иногда совершенно даромъ. Рыбу, предназначенную для превращенія въ муку, слѣдуетъ сушить въ печахъ, предварительно немного ее просоливши. Какъ кормъ для скота, въ формѣ сѣчки и болтушки, рыбная мука можетъ быть употребляема для лошадей, барановъ и рогатаго скота. Опытъ прошедшихъ голодныхъ зимъ на Уралѣ показалъ, что всякая лошадь, корова или баранъ, обезсиленные отъ худобы, быстро возстановляли силы и совершенно поправлялись, какъ только ихъ начинали кормить рыбной мукою или рыбою. Послѣднюю надо, на первое время, пока къ ней привыкнетъ скотъ, посыпать ржаной мукою. Людямъ рыбная мука можетъ быть употребляема въ пищу въ видѣ похлебки, кашицы и т. п. Горсть ея, брошенная въ горшокъ съ водой, послѣ вскипяченія, дастъ хорошую похлебку, а съ примѣсью пшена, муки или калусты, похлебка эта удовлетворяетъ даже прихотливому вкусу. Подвергнутая испытанію въ комитетѣ Уральской выставки, послѣ нѣсколькихъ недѣль храненія, рыбная

мука оказалась совершенно неиспорченною, хорошаго вкуса и запаха; похлебка, приготовленная изъ муки, признана очень вкусною и питательною. Испытанія рыбной муки какъ корма для скота, по недостатку времени, произвести, въ сожалѣнiю, не удалось, но, по отзыву многихъ лицъ, наблюдавшихъ употребленiе муки въ Гурьевѣ, кормовыя свойства ея несомнѣнны. Въ виду этого комитетъ выразилъ желанiе, чтобы рыбная мука получила возможно большее распространенiе.

— Деша изъ Нью-Йорка сообщаетъ объ изобрѣтенiи Эдиссономъ буровой электрической машины. Эта машина производитъ буровое отверстiе въ три фута глубины въ самой твердой скалѣ въ теченiе одной минуты. Необходимая движущая сила очень невелика; она доставляется обыкновенной динамоэлектрической машиной.

— Въ нѣкоторыхъ газетахъ передаются любопытныя статистическiя данныя о возрастѣ, котораго достигаютъ нѣкоторыя деревья. Такъ, ольха можетъ прожить 360 лѣтъ, плющъ—450 лѣтъ, каштановое дерево—600 лѣтъ, оливковое—700 лѣтъ и кедровое—800. Многiе другiе роды достигаютъ еще болѣе продолжительнаго возраста. Такъ, дубъ нерѣдко достигаетъ 1.500 лѣтъ, тисовое дерево—2.800 лѣтъ и наиболѣе продолжительнаго возраста достигаетъ бообабъ, который можетъ прожить 5.700 лѣтъ.

— Докторъ Кольдъ, специально занимавшiйся вопросомъ о снѣ, обращается въ одномъ нѣмецкомъ медицинскомъ журналѣ съ убѣдительною рѣчью о доставленiи дѣтямъ и юношамъ болѣе долгаго, полнаго сна. Новорожденный, говоритъ Кольдъ, если онъ здоровъ, вполне удовлетворяетъ себя непрерывнымъ сномъ въ продолженiе первыхъ недѣль и просыпается лишь, когда у него является потребность въ пищѣ. Въ первые годы жизни ребенка, родители также очень расположены давать имъ спать, сколько имъ хочется, такъ какъ этимъ достигается спокойствiе въ домѣ; но съ семи или восьмилѣтняго возраста, когда дѣти уже посѣщаютъ школу, все совершенно мѣняется и въ десять или одиннадцать лѣтъ ребенокъ спитъ не болѣе восьми или девяти часовъ, тогда какъ ему слѣдовало бы спать не менѣе десяти или одиннадцати часовъ, и чѣмъ болѣе дитя растетъ, тѣмъ больше у него отнимаютъ время отдыха. Далѣе докторъ говоритъ, что юноша до двадцатилѣтняго возраста требуетъ девятичасоваго сна, и только взрослый можетъ спать восемь часовъ, а иногда и девять. Если продолжительность сна не установлена и недостаточна, то нерв-

ная система, а главнае мозігъ не успѣвають отдыхать и ненормально работаютъ. Истощеніе, возбужденность — прекратятъ, наконецъ, охоту къ труду и разстроятъ общее состояніе.

— «Врачъ» приводитъ наблюденія, произведенныя въ теченіе послѣднихъ 6 лѣтъ надъ учащимися въ одномъ коллежѣ въ Соединенныхъ Штатахъ. Оказывается, что курящіе табакъ отстаютъ отъ некурящихъ въ ростѣ, вѣсѣ и окружности груди. Некурящіе на 20% выше, на 25% тяжелѣе и на 66% имѣютъ большій выдохъ. Изъ окончившихъ въ этомъ году курсъ некурящіе были на 24% тяжелѣе и на 37% выше курящихъ.

— Противъ остраго насморка употребляютъ слѣдующее средство: Всыпаютъ чайную ложку истертой камфары въ глубокой узкой сосудъ, наливаютъ этотъ сосудъ до половины кипяткомъ и накрываютъ его бумажною воронкою. Вершину воронки открываютъ настолько, чтобы можно было спрятать туда носъ. Водяной паръ, содержащій камфору, вдыхаютъ носомъ въ теченіе 10—15 минутъ и затѣмъ повторяютъ это вдыханіе чрезъ 5—6 часовъ. Самый упорный насморкъ проходитъ послѣ троекратныхъ вдыханій. Обыкновенно достаточно одного энергическаго вдыханія. <Д.>

ОБЪЯВЛЕНІЯ

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ

ДЛЯ ДѢТСКАГО И НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Съ обозначеніемъ одобреній на нихъ Святѣйшаго Синода, Министерства Народнаго Просвѣщенія, дѣтскихъ журналовъ и частныхъ спеціально для разсмотрѣнія народныхъ и дѣтскихъ книгъ составлявшихся комиссій. Составили кандидаты богословія А. К., Н. П., Н. Б., С. Н. Москва, 1891 г., ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. (I—VII. +1—127 +1—278 +1—34).

Содержаніе: *Первая половина: религіозно-нравственное чтеніе.* Отд. 1-й: учебники и учебныя пособія: а) по Священной исторіи; б) по объясненію молитвъ, символа вѣры, десятисловія; в) по объясненію богослуженія; г) по начальнымъ свѣдѣніямъ изъ церковной исторіи. Отд. 2-й: книги для чтенія, относящіяся а) къ Священному писанію (перечень книгъ Свящ. писанія, его изъясненіе, переложеніе въ стихи; б) къ богослуженію (перечень богослужебныхъ книгъ, акаѳисты, чудотворныя иконы); в) къ вѣроученію и нравоученію церкви; г) книжки назидательныя съ разнообразнымъ содержаніемъ; д) содержащія описаніе жизни аа) І. Христа; бб) Божьей Матери; вв) Апостоловъ; гг) Ветхозавѣтныхъ Святыхъ; дд) житія Святыхъ христіанской церкви. е) Путешествія по Святымъ мѣстамъ. *Вторая половина: Светское чтеніе.* Отд. I-й: литературный. Отд. II-й: историческій. а) Учебники; б) по-

собія; в) книги для серьезнаго чтенія; г) книги для легкаго чтенія. Отд. III-й: *біографическій*. Отд. IV-й *географическій*: а) учебники; б) пособія; в) книги для чтенія. Отд. V-й *естествознанія*: (химія, физика, ботаника, зоологія, анатомія, астрономія и др.): а) учебники; б) книжки для чтенія. Отд. VI-й *медицинскій* (книжки для чтенія). Отд. VII-й *сельско-хозяйственный* (книжки для чтенія). Отд. VIII-й *дѣтскихъ игръ и занятій*. Отд. IX-й. книги для класснаго чтенія.

Съ появленіемъ все новыхъ и новыхъ разнаго рода школъ даже въ отдаленныхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества возрастаетъ съ каждымъ годомъ и потребность въ дѣтскомъ и народномъ чтеніи. И кто же можетъ отрицать, что разумно руководимое удовлетвореніе этой потребности можетъ имѣть громадное значеніе—образовательное и воспитательное—какъ для подрастающихъ поколѣній всѣхъ сословій, такъ и для взрослыхъ изъ народа. Къ великому сожалѣнію, исполненіе этой великой и святой обязанности руководства дѣтскимъ и народнымъ чтеніемъ встрѣчаетъ не малыя затрудненія. Дѣло здѣсь не въ недостаткѣ годныхъ для дѣтскаго и народнаго чтенія книгъ. Съ теченіемъ времени накопилось не мало вполнѣ удовлетворительныхъ книгъ для дѣтей и для взрослыхъ изъ народа какъ религіозно-правственнаго содержанія, такъ и свѣтскаго, причемъ среди послѣднихъ есть немало книжекъ и съ литературнымъ содержаніемъ, и историческимъ, и по различнымъ отраслямъ естествовѣдѣнія. И съ каждымъ годомъ число и со стороны содержанія и изложенія пригодныхъ для дѣтей и народа книгъ все увеличивается и увеличивается. Главное затрудненіе здѣсь заключается въ томъ, какъ узнать объ изданныхъ ранѣе книжкахъ для дѣтей и народа и о выходѣ новыхъ пособныхъ книгъ,—и еще большее въ томъ, какъ разобратъ среди накопившейся и съ каждымъ годомъ увеличивающейся массы дѣтскихъ и народныхъ книгъ, какъ выбрать наиболее удовлетворительныя изъ нихъ изъ цѣлой массы неудовлетворительныхъ и прямо-таки никуда негодныхъ, которыхъ накопилось уже многое множество и ежегодно появляются цѣлыя груды, какъ, затѣмъ, узнать, для какого возраста пригодны тѣ или другія книжки изъ удовлетворительныхъ то.—Кто же не согласится съ тѣмъ, что указанные затрудненія при руководствѣ дѣтскимъ и народнымъ чтеніемъ, особенно второе, почти непреодолимы для большинства тѣхъ лицъ, кои ближайшимъ образомъ призваны на великое дѣло образованія и воспитанія дѣтей и народа. Таковы, напр., всѣ родители средняго класса, не говоря уже о родителяхъ низшаго класса; къ таковымъ же могутъ быть отнесены всѣ учителя народныхъ школъ, также священнослужители и какъ пастыри церкви и какъ завѣдующіе церковно приходскими школами.

Представляя по возможности полное собраніе дѣтскихъ и народныхъ книжекъ съ 1801—1890 гг. съ обозначеніемъ годовъ и мѣстъ изданія и цѣнъ, съ одной стороны, а съ другой стороны — тщательно отмѣчая тѣ изъ нихъ, которыя заслужили одобренія—официальныя и частныя (см. заглавіе), также то, для какого возраста пригодны тѣ или другія книги изъ одобренныхъ, предлагаемый Указатель и имѣетъ въ виду оказать посильную помощь въ важномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ руководства дѣтскимъ и народнымъ чтеніемъ—родителямъ всѣхъ сословій, воспитателямъ, народнымъ учителямъ, пастырямъ церкви, вообще всѣмъ тѣмъ, кто такъ или иначе, въ той или другой степени призванъ къ образованію и воспитанію дѣтей и народа.

Пастыри же церкви, сверхъ сего, могутъ найти въ немъ не мало книжекъ пригодныхъ для вѣтбогослужебныхъ собесѣдованій.

Складъ: Москва, Фуркасовскій переулокъ, въ книжномъ магазинѣ А. А. Карцева. Означенный магазинъ покупаетъ цѣлыми изданіями и берется вновь издавать книги духовнаго содержанія.

ОБЪ ИЗДАНИИ

ПРАВОСЛАВНАГО СОВЕСЪДНИКА

въ 1892 году.

Православный Собесѣдникъ будетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строгоправославномъ духѣ и въ томъ же ученомъ направленіи, какъ издавался доселѣ, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой.

Журналъ Православный Собесѣдникъ рекомендованъ Святѣйшимъ Синодомъ для выписыванія въ церковныя бібліотеки, „какъ изданіе полезное для пастьрскаго служенія духовенства“. (Синод. опред. 8 сент. 1874 г. № 2792).

Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи—

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

При журналѣ „Православный Собесѣдникъ“ издаются

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Причты Казанской епархіи, выписывающіе „Православный Собесѣдникъ“, получаютъ за ту же цѣну и „Извѣстія“, съ приплатою 1 руб. за пересылку по почтѣ.

Цѣна „ИЗВѢСТІЙ“ для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ, за оба изданія вмѣстѣ десять руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редаціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи, въ Казани.

Въ той же редакціи продаются по пониженнымъ цѣнамъ

А. Православный Собесѣдникъ въ полномъ составѣ книжекъ (т. е. съ приложеніями): за 1855 г. 4 руб. за годъ, за 1860, 1861, 1865 и 1866 годы по 5 руб. за годъ, за 1872—79 гг. по 6 руб. сер. 1880—1891 годы по 7 р. сер. Можно получать и отдѣльныя книжки Собесѣдника за 1855, 1856 и 1857 гг. по 1 р., а за остальные годы по 80 коп. за книжку.

Б. Отдѣльно отъ приложеній одинъ Православный Собесѣдникъ: за 1855 и 1856 годы цѣна по 1 р.; за 1857 г. цѣна 2 р.; за 1859—1866, по 3 руб. за годъ, 1871—1874, 1876, 1882 и 1883 годы, по 3 тома въ каждомъ, по 5 руб. за годъ.

П Е Ч А Т А Е Т С Я

составленная преподавателемъ Харьковской Духовной Семинаріи *С. Булаковымъ*

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ СВЯЩЕННО-ЦЕРКОВНО-СЛУЖИТЕЛЕЙ.

О времени выхода книги въ свѣтъ будетъ объявлено въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ».

Цѣна книги пять рублей.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ

(3-й годъ изданія)

на общепонятно-научный, иллюстрированный еженедѣльный журналъ

„НАУКА И ЖИЗНЬ“

Единственный въ Россіи журналъ, дающій возможность спеціалистамъ слѣдить за успѣхами всѣхъ отраслей точнаго знанія.

Текстъ иллюстрируется роскошными гравюрами, изъ коихъ многія исполнены въ Парижѣ. Въ годъ дается до 500 гравюръ.

Выходитъ еженедѣльно, по субботамъ, каждый № въ два печатные листа на превосходной веленовой бумагѣ.

Подробная программа журнала:

1) Общепонятныя статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ и физико-математическихъ наукъ; приложения наукъ къ практической жизни и промышленности; открытія, изобрѣтенія, усовершенствованія. 2) Медицина (особенно гигиена), сельское и домашнее хозяйство, лѣсоводство. 3) Статьи по исторіи наукъ и промышленности; научная хроника и смѣсь; бібліографія. 4) Научныя игры и развлеченія; задачи; почтовый ящикъ. 5) Всякіе рисунки, относящіеся къ тексту. 6) Объявленія.

Согласно увѣдомленію Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, отъ 1 мая 1891 г., за № 7869, журналъ „НАУКА И ЖИЗНЬ“, ученымъ комитетомъ сего Министерства „Одобрень для ученическихъ (старшаго возраста) бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

Въ будущемъ 1892 году предполагаются значительныя улучшенія и измѣненія, съ цѣлью сдѣлать текстъ еще болѣе общепонятнымъ, безъ ущерба строго научному направленію. Отдѣлъ сельскаго хозяйства значительно расширяется, съ цѣлью избавить небогатыхъ подписчиковъ отъ вышески дорогихъ и непонятныхъ, по спеціальному изложенію, журналовъ.

Оставшіеся за 1890 годъ полные экземпляры высылаются по уменьшенной цѣнѣ—за три рубля.

Новые подписчики на 1891 годъ получаютъ съ № 1.

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ ПЯТЬ
на полгода ТРИ рубля.

№ для ознакомленія высылается за двѣ 7 коп. почтов. марки.

Адресъ: Москва. Въ редакцію журнала „Наука и Жизнь“ (Малая Дмитровка, д. Шильбахъ).

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по-полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія, по дѣламъ редакціи.

~~Вѣра~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Кратировъ.